

СЛОВО □ ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
ВЛАДИМИРА НАБЕКОВА
ИЛЛЮСТРАЦИИ НАТАЛЬИ ГОНЧАРОВОЙ

Слово о полку Игореве

The Song of Igor's Campaign

THE SONG OF IGOR'S CAMPAIGN
The Epic of the Twelfth Century
Translated from Old Russian by Vladimir Nabokov

Vintage Book
A Division of Random House
New York 1960

DIE MÄR VON DER HEERFAHRT IGORS
Der ältesten Russischen Heldendichtung
Illustrationen und Ornamente von
N. Gontcharowa

Orchis Verlag
München 1923

Российская Академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Перевод на английский язык и комментарии В. В. Набокова
Иллюстрации Н. С. Гончаровой

Академический проект
Санкт-Петербург
2004

**Федеральная программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)**

**Вступительная статья, составление *В. П. Старка*
Перевод с английского *Н. М. Жутовской***

Рецензенты: *Е. И. Анненкова, О. В. Творогов*

ISBN 5-7331-0284-5

- © В. П. Старк, статья, состав, 2004
- © Н. М. Жутовская, перевод, статья, 2004
- © О. А. Белоброва, статья, 2004
- © Н. К. Телетова, аннотированный
указатель к иллюстрациям, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. П. Старк</i> . Владимир Набоков — комментатор «Слова о полку Игореве»	7
--	---

The Song of Igor's Campaign

Translated from Old Russian by Vladimir Nabokov

Предисловие	27
Примечания к предисловию	39
Index. The names and patronymics of Russian princes mentioned in The Song	47
Pedigree of Russian Territorial Princes in Relation to The Song of Igor's Campaign	48
Приложение. <i>В. П. Старк</i> . Родословие князей, упоминаемых в «Слове о полку Игореве»	50
Russia (twelfth century). With towns and rivers mentioned in The Song of Igor's Campaign	54
Translation	55

Слово о полку Игореве

(на вклейке после с. 80)

Реконструкция древнерусского текста Д.С. Лихачева. Иллюстрации Натальи Гончаровой	I — XLVIII
--	------------

<i>В. В. Набоков</i> . Комментарий	81
--	----

Приложение

<i>Н. М. Жутовская</i> . Владимир Набоков — переводчик «Слова о полку Игореве»	113
<i>О. А. Белоброва</i> . Об иллюстрациях Н. С. Гончаровой к немецкому переводу «Слова о полку Игореве»	120
<i>Н. К. Телетова</i> . Аннотированный указатель к иллюстрациям Н. С. Гончаровой	131

ВЛАДИМИР НАБОКОВ — КОММЕНТАТОР
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

10 апреля 1958 года, в лекции «Писатели, цензура и читатели в России», прочитанной на Празднике Искусств в Корнельском университете США, Набоков, анализируя понятие «русская литература», заметил в ему одному свойственной манере: «За вычетом одного средневекового шедевра русская проза удивительно ладно уместилась в круглой амфоре прошлого столетия, а на нынешнее остался лишь кувшинчик для снятых сливок».¹ В то время, когда произносились эти слова, Набоков как раз закончил работу над этим «средневековым шедевром».

В 1960 г. в Нью-Йорке вышел небольшой книжечкой в 135 страниц сделанный В. В. Набоковым перевод на английский язык «Слова о полку Игореве» с его комментариями и вступительной статьей.² На титуле книги обозначено, что перевод выполнен Набоковым именно с древнерусского языка, а не с современного, т. е. писатель воспользовался первоисточником «Слова» или, точнее, тем, что его заменяет — изданием 1800 года графа А. И. Мусина-Пушкина.³ Знакомство самого Набокова с этим замечательным памятником восходит, несомненно, ко времени его петербургской жизни и учебы в Тенишевском училище, где русскую словесность преподавал Владимир Васильевич Гиппиус, поэт, критик и педагог, о котором С. А. Венгеров писал: «Он — один из самых выдающихся петерб.<ургских> преподавателей рус.<ской> словесности, один из тех не забываемых учениками учителей, которых можно назвать Грановскими средней школы».⁴ Из школы Гиппиуса Набоков вынес не только любовь к литературе, но и науку «литературной злости» (определение другого ученика Гиппиуса Осипа Мандель-

¹ В. В. Набоков. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С. 13–14.

² The Song of Igor's campaign. An Epic of the Twelfth Century. Translated from Old Russian by Vladimir Nabokov. New York, 1960.

³ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

⁴ Русская литература XX века / Под редакцией С. А. Венгерова. Т. 1–3. М., 1914–1918. Кн. 3. С. 270–271.

штама из автобиографического «Шума времени».⁵ Эта последняя наука в полной мере отзывается во всех критических работах Набокова, о чем бы и о ком бы он ни писал. В предисловии и примечаниях к «Слову» досталось как предшественникам Набокова по его переводу на английский Сэмюэлю Кроссу, Леонарду А. Магнусу, так и русским, а также советским исследователям и переводчикам. Определение «скверное переложение», вынесенное в адрес перевода С. Кросса, следует считать самым мягким в ряду прочих.

Высказывая мнение, что «удовлетворительных изданий “Слова” на русском языке не существует», Набоков замечает: «Мы с легким сердцем можем обойтись без “поэтических” переложений “Слова” и статей, посвященных его политико-национальному значению, которые так обильно представлены в советских изданиях». В последних Набоков выделяет как «полезные» комментарии Д. С. Лихачева в издании под редакцией В. П. Адриановой-Перетц (1950) и Л. А. Дмитриева в собственном его издании (1952) в серии «Библиотека поэта».⁶ В суждениях Набокова в полной мере выявляется его политическое кредо, «твердое, как гранит», и приоритетность для него художественной формы над идейным содержанием.

В последнем примечании к своему предисловию, предворяющем непосредственно сам перевод, Набоков сообщает читателю: «Первую попытку перевести “Слово” я предпринял в 1952 году. Цель моя была вполне утилитарной — обеспечить студентов английским переводом». Подтверждение этим словам мы найдем и в его переписке с сестрой Еленой Владимировной Сикорской. 29 сентября 1953 года он пишет ей из Итаки: «Кончил более или менее и продал перевод на англ. “Слова о Полку Игор.”». Но проходит еще пять лет, и 6 сентября 1958 года ей же Набоков пишет: «...кончаю англ. перевод “Слова о Полку Игореве”».⁷ И только 24 мая 1959 года он, наконец, сообщает сестре о том, что поставил точку, завершив этот отнюдь не легкий труд: «Я только теперь осознал, сколь я был усталый. Те шесть недель, которые мы провели в New York’e, прошли под знаком работы над “Словом о Полку Игореве”. Вера теперь переписывает готовый перевод и обширный комментарий. Мне предстоит подготовить для печати еще некоторые вещи. Россия должна будет поклониться мне в ножки

⁵ О. Мандельштам. Шум времени. // О. Мандельштам. Собрание сочинений в двух томах / Под редакцией проф. Г. П. Струве и Б. А. Филлипова. Inter-Language Literary Associates, 1966. Т. 2. С. 142.

⁶ Слово о полку Игореве / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.:Л., 1950; Слово о полку Игореве / Под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1952.

⁷ Владимир Набоков. Переписка с сестрой. Ann Arbor: Ardis, 1985. С. 76.

(когда-нибудь) за все, что я сделал по отношению ее небольшой по объёму, но замечательной по качеству словесности».⁸

Казалось бы, история обращения Набокова к «Слову» из подобного сопоставления предисловия к его переводу и личной переписки выявляется достаточно определено. Но Набоков не был бы самим собою, расскажи он все так, как оно было в действительности. Как явствует из писем Набокова к его многолетнему корреспонденту, известному американскому критику Эдмунду Уилсону, «первая попытка» перевести «Слово» была предпринята писателем значительно раньше 1952 года. Еще весной 1949 года Набоков пишет ему: «Я просто убежден, что не стану больше делать рифмованных переводов, их диктат абсурден и непримирим с точностью и т. д.», и тут же информирует, что никто не берется печатать ни его «н о в ы й» (разрядка наша — В. С.) перевод «Слова о полку Игореве», ни его статью об этой поэме, полагая, что это «слишком научно».⁹ И так, весной 1949 года существовал уже новый перевод «Слова». Такой вывод вполне логичен, ибо представляется невероятным, чтобы Набоков, с 1941 года читавший курсы русской литературы в различных колледжах и университетах Америки, не включил бы в них «Слово», которое ставил очень высоко. Включение же «Слова» в лекционный курс делало неизбежным его перевод.

Судя по тому, что Набоков пишет своему американскому коллеге, его первый «утилитарный» перевод был выполнен рифмованными стихами. По поводу этого первоначального перевода Набоков в своем предисловии к новому пишет: «В этом первом варианте перевода я безоговорочно следовал исследованиям Романа Якобсона, опубликованным в книге “La Geste du Prince Igor”. Однако позднее меня перестал устраивать не только мой собственный — слишком легко читаемый — перевод, но и взгляды Якобсона».¹⁰ Нам неизвестен этот «устарелый вариант», который вопреки пожеланию Набокова уничтожить его, конечно же, должен сохраняться в архивах Корнельского и Гарвардского университетов, где писатель читал свои лекции в качестве профессора русского языка и литературы. Позиция Якобсона в вопросе перевода известна — нахождение универсальных адекватных синхронных языковых вариантов для передачи текста оригинала. Неизбежным отрицательным продуктом, так сказать побочным фактором этого метода, оказывалось смысловое несоответствие перевода оригиналу. Новая позиция Набокова-переводчика формируется в конце 1940-х —

⁸ Там же. С. 96.

⁹ Б. Носик. Мир и дар Набокова. М., 1995. С. 438.

¹⁰ La geste du Prince Igor', sous la direction d'H. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel. N. Y., 1948.

начале 1950-х годов, когда он приступает к переводу на русский язык «Евгения Онегина». Работа над переводом пушкинского романа и «Слова» будет протекать параллельно и завершится почти одновременно. Не случайно в уже цитированном письме к сестре Набоков ставит их рядом, выделяя в качестве недосягаемых вершин русской литературы. То, что он пишет в своих «Заметках переводчика» по поводу «Онегина», можно отнести и к «Слову»: «Сперва мне еще казалось, что при помощи каких-то манипуляций мне, в конце концов, удастся передать не только всё содержание каждой строфы, но и всё созвездие, всю Большую Медведицу ее рифм. Но даже если бы стихотворцу-алхимику удалось сохранить и череду рифм, и точный смысл текста (что математически невозможно на нищем рифмами английском языке), чудо было бы ни к чему, так как английское понятие о рифме не соответствует русскому».¹¹

Феноменальная по своим художественным результатам двуязычность Набокова-писателя помогла и Набокову-переводчику, сделав его работы в этом трудном жанре непревзойденными. Но самым поразительным представляется необъяснимый с точки зрения нормальной логики факт, что Набоков-переводчик подвергается постоянному огню критики со стороны своих англоязычных коллег, а Набоков-преподаватель не находит себе работы. Как он писал Уилсону: «Смешно — знать русский лучше, чем кто бы то ни было — по крайней мере, в Америке, — и английский лучше, чем любой русский в Америке, — и испытывать такие трудности в поисках преподавательской работы».¹² Сохранился рассказ о том, что Якобсон в ответ на предложение пригласить Набокова, возразил, что для преподавания литературы вовсе не нужен писатель, выразившись при этом следующим образом: «Не будете же вы для преподавания зоологии приглашать слона...» Этим двусмысленным сравнением Набокова со слоном Якобсон тем самым признал в нем писателя первой величины.

Величие Набокова-писателя наложило свой отпечаток и на уровень его перевода, и на характер высказываемых суждений — безапелляционно-уничжительных, когда речь заходит о качестве переводов его предшественников, и исполненных глубочайшего понимания (в силу конгениальности) психологии творца и специфики творчества. Свой перевод Набоков осуществил ритмизованной прозой на современном английском языке с использованием некоторых архаизмов и возвышенно-поэтических языковых фигур. Поясняя свой принцип перевода, Набоков замечает: «В своем переводе “Слова” я безжалостно пожертвовал формой ради содержания и попытался дать дословное

¹¹ В. Набоков. Заметки переводчика. // В. В. Набоков: pro et contra: Антология. СПб., 1997. С. 107.

¹² Б. Носик. Указ. соч. С. 408.

изложение текста, как я его понимаю». В аннотациях издания перевод Набокова характеризовался с подачи его автора как «буквальный». В этом Набоков следовал традициям таких переводчиков, как А. Х. Востоков и В. А. Жуковский. Первый из них так же, как позднее Набоков, пытался разделить «Слово» на стихи, но еще в 1812 году признал, что оно написано ритмической прозой. Жуковскому, как известно, принадлежит лучший перевод с точки зрения точности смысловой и ритмической передачи.¹³ Если можно проводить сравнение иноязычного перевода с русским, то английский набоковский текст «Слова» по поставленной задаче и ее решению оказывается всего ближе к переводу с древнерусского на современный русский язык, который был выполнен Д. С. Лихачевым для издания 1950 года, того самого, которым пользуется Набоков в первую очередь.

Абсолютно точно сосчитав общее количество букв и слов оригинального текста «Слова» по его первому изданию, Набоков разбил свой буквальный перевод на 860 строк, каждая из которых, разделенная цезурой, является ритмическим элементом текста. Примерно одинаковое количество строк расположил Набоков на каждой странице, придав, таким образом, всему тексту в целом внешне стихотворную форму. На полях текста, для удобства пользования им, Набоков помещает заголовки отдельным его частям: «Вступление», «Обращение к Бояну», «Речь Всеволода», «Солнечное затмение и речь Игоря» и т. д. Структура «Слова» занимает Набокова, как занимала она всех исследователей до него. Отметив четкое и достаточно очевидное разделение текста на пять основных частей: «Вступление», «Повествование», «Заклинание», «Освобождение», «Эпилог», — Набоков в своем предисловии уделяет особое внимание системе взаимосвязи отдельных частей текста и их постоянной переключке, сделав при этом ряд интересных наблюдений.

К своему изданию Набоков приложил карту с обозначенными на ней населенными пунктами, упоминаемыми в «Слове», взяв за основу карты, составленные Д. С. Лихачевым (1950) и К. В. Кудряшовым (1947).¹⁴ Названия мест он перевел на английский и отметил маршрут следования войска князя Игоря. Одним из собственных дополнений к карте, сделанных Набоковым, явилось обозначение на ней реки Каялы, упоминаемой в «Слове». В связи с этим в комментарии Набоков написал: «Сегодня невозможно точно определить, где находилось русло этой реки. Полагают, что она пересекала половецкие земли и впадала в Сурожское (Азовское) море. Так я обозначил ее на карте».

¹³ В. А. Жуковский. Переложение Слова о полку Игореве. // Слово о полку Игореве / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 102—118.

¹⁴ К. В. Кудряшов. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении: Сб. статей. М., 1947.

Сохранились воспоминания, что Набоков любил сопровождать свои лекции различными схемами и рисунками, конкретизируя места действия произведений. Так, читая лекции о «Слове», Набоков в студенческой аудитории чертил на доске маршрут похода князя Игоря. Любовь писателя к деталям и в этом давала себя знать. Так же, как и Д. С. Лихачев, Набоков приложил к своему изданию генеалогическую таблицу с поколенной росписью князей, упоминаемых в «Слове», но, подыдя в отличие от других издателей, в том числе самых первых, к ее публикации более критично, исправил существенные ошибки первоначальной схемы и дополнил ее некоторыми сведениями.

Одним из самых интересных элементов этой генеалогии является внесение в нее в качестве «трех Мстиславичей», упомянутых в «Слове», не сыновей князя Мстислава Изяславича, а сыновей князя Мстислава Ростиславича Смоленского. По этому поводу Д. С. Лихачев писал: «Здесь, несомненно, имеются в виду единственные в ту пору на Руси три брата — сыновья Мстислава Изяславича — Роман, Святослав и Всеволод (эта мысль подсказана мне Ив. М. Кудрявцевым)».¹⁵ Зная Набокова, можно предположить, что именно высказанная в данном случае категоричность в отношении «единственных» тогда на Руси трех братьев Мстиславичей подвинула его на поиск трех других братьев Мстиславичей, которые им без всяких оговорок и вносятся в комментарий: «... три сына Мстислава Смоленского (ум. 1180), являющегося сыном Ростислава I. Эти трое, не названные в Песне, были: Давид (не путать с его дядей Давидом Смоленским), Владимир и еще один Мстислав». Таким образом Набоков сохраняет в родословной схеме князей, упомянутых в «Слове», только князя Романа Изяславича, как поименованного в нем отдельно, и вносит трех им установленных сыновей князя Мстислава Ростиславича. Князь Мстислав до своей смерти в 1180 году занимал новгородский стол после своего брата Романа. Князья Давид, позднее Торопецкий, и Владимир Новоторжский приняли участие в походе 1225 года князя Ярослава Всеволодовича против литовцев в защиту новгородских земель, разбив противников под Усвятами.

В изложении исторических фактов, обстоятельств открытия памятника, его бытования, публикации и гибели Набоков вполне следует за своими предшественниками, опираясь в основном на указанные работы Лихачева и Дмитриева. Так что, хотя он и вводит в заблуждение своих читателей относительно времени своего первого обращения к переводу «Слова», относя его к 1950 году, но не выйди в том же году обобщающее издание В. П. Адриановой-Перетц со статьями Д. С. Лихачева, то появление набоковского издания в том виде, в каком оно увидело свет, вряд ли могло состояться.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 447.

Предисловие Набокова к его переводу, как и текст «Слова», разделяется им на пять четко обозначенных частей. Первая из них посвящена открытию «Слова» и его исторической основе. Примечательно, что в первой фразе своей статьи Набоков указывает точный день выступления в поход князя Игоря — вторник, 23 апреля 1185 года. Это устанавливается лишь из сопоставления двух источников, Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Такое внимание к дате вызвано, как кажется, совпадением, которое не могло пройти для Набокова незамеченным: 23 апреля — день рождения писателя. Набоков родился 10 апреля 1899 года по старому стилю или 22 апреля по новому, но, как большинство русских начала XX века, прибавлял при переводе одного стиля в другой не 12 дней, как то требуется для XIX века, а 13, как для XX, в котором они жили и категориями которого привыкли оперировать. Набоков всегда, когда к тому представлялось основание, подчеркивал совпадения своего дня рождения, а также других личностных дат в григорианском или юлианском календарях с какими-либо историческими знаменательными датами. К примеру, он подчеркивал, что родился в один день с Шекспиром, для которого 23 апреля стало и днем смерти. В автобиографическом повествовании «Другие берега», приведя пример одного из таких личных и исторических сопоставлений, Набоков замечает; «Обнаружить и проследить на протяжении своей жизни развитие таких тематических узоров и есть, думается мне, главная задача мемуариста».¹⁶

Безрассудный поход князя Игоря — сюжет знаменательный для Набокова в системе его координат как личности и художника. Выход за пределы благоразумия, который совершает князь Игорь, — есть признак благородства и яркой индивидуальности, столь высоко ценимой в век романтизма. Игорь идет против своей судьбы, он бросает ей вызов, руководствуясь мотивами чести и славы. «Слава» или по-английски «Glori» назвал при переводе Набоков свой русскоязычный роман «Подвиг», ибо английское «Exploit» слишком близко к глаголу «использовать», к «пользе», что явно противоречит характеру безрассудного подвига его героя Мартына. «Благородно-белый» — так буквально переводится его немецкая фамилия — Эдельвейс. У героя «Подвига» тот же мотив к свершению безрассудного поступка, что и у героя «Слова». Мартын Эдельвейс не принял участие в белом походе, как и князь Игорь не смог принять участие в объединенном походе русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича в 1184 году. Фигура Мартына имеет явственные автобиографические черты — Набоков, как и его герой, не принял участия в белом движении, ему, как и Мартыну, был знаком комплекс вины за это

¹⁶ В. В. Набоков. Собрание сочинений в четырех томах / Ред. В. В. Ерофеев. Т. 4. М., 1990. С. 141.

неучастие. Не в реальной жизни, а в творчестве, в том мире, в котором он был безусловным властелином, писатель как бы восполняет пробел в своей биографии, избавляясь от этого комплекса.

Если же отвлечься от этих, говоря словами самого Набокова, «тайных тем в явной судьбе», то сама по себе первая часть предисловия представляет собою лаконичное по форме и блестящее по стилю изложение сути вопроса, который, как правило, бывает затемнен в обширных научных трудах, ему посвященных. В этом смысле набоковский очерк можно сравнивать лишь с известной статьей Пушкина конца 1836 года, оставшейся незавершенной и печатающейся под названием «Песнь о полку Игореве». 3 декабря 1836 года Александр Иванович Тургенев сообщал брату Николаю по поводу этого труда, что Пушкин «хочет сделать критическое издание вроде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей».¹⁷ В бумагах Пушкина сохранился с его многочисленными замечаниями и поправками рукописный перевод «Слова» на современный русский язык, сделанный В. А. Жуковским.¹⁸ Следы такого же критического чтения несет и экземпляр перевода «Слова», выпущенного в 1833 году А. Ф. Вельтманом. Набокову, когда он взял на себя труд исполнить то, что не успел выполнить Пушкин, пришлось иметь дело со значительно большим числом переводов, но зато памятник был уже всесторонне исследован. Тем не менее, для Набокова осталось еще свободное поле для деятельности. Признавая наличие удовлетворительных переводов «Слова» на современный русский язык, Набоков ставит перед собою задачу довести этот памятник до англоязычного читателя, пожертвовав этому время, которое мог бы отдать оригинальному творчеству.

Вторая и самая обширная часть набоковского «Предисловия» посвящена композиции, структуре «Слова» и ее стилевым особенностям, т. е. именно тому, в чем Набоков был совершенным мастером. «Ощущение волшебства», «искусство перехода от одной темы к другой», «тончайшее равновесие частей», «элементы внутреннего единства» и другие особенности текста, обусловившие высоту художественного исполнения «Слова», отмечает Набоков в своем критическом разборе, более сбивающемся на дифирамбическую песнь неведомому автору, — жанр, который вовсе не характерен для Набокова. «Слово», таким образом, оказывается исключением из правила, единственным памятником русской словесности, в отношении которого у него не находится ни единого высказывания против. «Задонщина» в подобной системе

¹⁷ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 3-е. М.; Л., 1928. С. 278.

¹⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 127–149, 217–220.

координат определяется Набоковым как «вульгарное подражание “Слову”, состряпанное в ознаменование великой победы над монголо-татарами». Так Набоков выражает свое отношение к давнему спору о взаимоотношении этих двух памятников.

Третья часть «Предисловия» посвящена важнейшей проблеме — подлинности «Слова», в отношении которого чуткий стилист Набоков занимает пушкинскую позицию, проводя мысль о том, что никто в России конца XVIII века не мог создать подобной мистификации. В набоковских доводах явственно слышится голос Пушкина, писавшего: «Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворение старого монаха Rowley. Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности “Песни о полку Игореве”. Великий скептик Шлецер, не видав “Песни о полку Игореве”, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина». «Других доказательств нет, как слова самого песнотворца», — замечает Пушкин и продолжает: «Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка “Песни о полку Игореве”».¹⁹ Сравним эти высказывания Пушкина с тем, что утверждает Набоков: «Соображения исторической перспективы не позволяют считать, что Песнь была сочинена около 1790 года каким-то безымянным поэтом, одаренным гениальностью, превосходящей по самобытности и силе дарования единственного крупного поэта того времени (Державина) и обладающим такими детальными знаниями по истории Киевской Руси, какими в то время никто не обладал». В подкрепление своей позиции Набоков дает и собственный довод, довод писателя, творившего равно гениально на русском и английском языках, утверждая, что в России XVIII века, знавшей английскую поэзию только во французских переложениях, русский фальсификатор не мог бы передать особых примет «оссиановского стиля», примеры которого приводит Набоков.

В уже упомянутых «Заметках переводчика» Набоков, комментируя пушкинское выражение «Жатва поколений» (Гл. вторая, XXXVIII строфа «Евгения Онегина»), замечает: «Если не знать, что эта формула не что

¹⁹ А. С. Пушкин. <Песнь о полку Игореве> // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I—XVI. Изд. АН СССР, 1937—1949. Т. XII. С. 147—148. В дальнейшем Пушкин цитируется по этому изданию.

иное, как затасканная псевдоклассическая метафора французской риторики, *moisson, moisson funèbre, la mort qui moissonne*²⁰, то можно написать целый трактат о частом появлении этого образа у русских поэтов. Чижевский, по каким-то соображениям сопоставивший эту несчастную «жатву» с сельскохозяйственными образами в... “Слове о Полку Игоре” оказал медвежью услугу и так безупречной подлинности этого замечательного произведения».²¹

Только в художественном варианте, в своих романах, Набоков позволил себе (точнее, своим героям-повествователям) шутки по поводу происхождения «Слова», отразив, тем самым, споры вокруг него. Так, в романе «Бледное пламя» («Pale Fire», 1962), писавшемся параллельно с подготовкой к изданию «Слова», в примечании к 680–681 строкам поэмы Шейда («(То был год бурь), шпионил неприкрыто / Угрюмый росс») пишет: «В детские мои годы Россия была в большом почете при зембянском Дворе, но то была иная Россия — Россия, ненавидевшая тиранов и обывателей, несправедливость и жестокость, Россия благородных людей с либеральными устремлениями. Следует добавить, что Карл Возлюбленный мог похвастать толикой русской крови. В средние века двое его пращуров женились на новгородских княжнах. Королева Яруга (годы правления 1799–1800), его прапрабабка, была наполовину русская, и большинство историков считает, что единственный отпрыск Яруги, Игорь, — это вовсе не сын Урана Последнего (годы правления 1798–1799), но плод ее любовной связи с русским авантюристом Ходынским, ее *goliart*’ом (придворным шутком) и даровитым поэтом, — говорят, это он сочинил на досуге известную русскую *chanson de geste*²², обыкновенно приписываемую безымянному барду двенадцатого столетия».²³ Весь комментарий, заключительной частью которого является процитированный абзац, настоян на перекличках со «Словом». Имя королевы Яруги производно от слова «яруга» (глубокая водоройна, также — ключ, источник), например в «Слове»: «Притопта [Святослав] холмы и яруги». Королева Яруга утонула в год издания «Слова». Фраза из этого издания «Рек Боян и ходы на» реконструируется как «Рек Боян и Ходына», откуда делается вывод, что автора «Слова» звали Ходына. В Указателе к поэме Кинбот отмечает: «*Ходынский, русский авантюрист*, ум. 1800; известен также под кличкой Ходына, 680; обосновался в Зембле в 1789—1800 гг.; автор известной пастиши и любовник принцессы (затем королевы) Яруги, матери Игоря II, бабушки Тургуса».²⁴ Он собрал в 1798 г. зембянские варианты

²⁰ Жатва, жатва смерти, смерть-жница (фр.).

²¹ В. Набоков. Заметки переводчика... С. 133.

²² Героическая поэма (фр.).

²³ В. В. Набоков. Бледное пламя // Владимир Набоков. Собрание сочинений американского периода в пяти томах. СПб., 1997. Т. III. С. 488.

²⁴ Там же. С. 545.

«kongs-skugg-sio» («Зерцало короля»), анонимного шедевра XII столетия. Упоминание Кинботом, что большинство историков считает Ходынского отцом Игоря II, можно трактовать так, что ни разу не упомянутый Игорь I — это и есть «сочинение» Ходынского. То, что Ходынский назван «goliard» (графически близкое общеизвестному «гольярд» («goliard»), т. е. поэт-школяр в средневековой Франции), акцентирует внимание на роли Ходынского как создателя якобы древней рукописи.

Позднее в своем последнем романе «Смотри на арлекинов!» («Look at the Harlequins!») Набоков позволит себе еще раз пошутить по поводу подобного мистификатора, дав ему имя Державина, отчество Петрович (Петр — камень) и фамилию Каменев (вспомним фамилию Бантыша-Каменского, одного из издателей «Слова»): «В лето Господне 1798-ое слыхивали, как Гаврила Петрович Каменев, молодой даровитый поэт, хихикает, сочиняя свою оссианистическую пастишь “Слово о полку Игореве”». ²⁵ А. М. Люксембург, не поняв смысла этой контаминационной игры с именами, пишет в своем комментарии о действительно существовавшем поэте с этой фамилией, именем и отчеством: «Поэт Г. П. Каменев (1772–1803), купец по происхождению, родился и жил в Казани и лишь изредка наезжал в Москву, где познакомился с Карамзиным и другими литературными знаменитостями. Пушкин считал его первым русским романтиком. Кандидатура его в качестве возможного автора “Слова о полку Игореве” никогда не обсуждалась». ²⁶

Следует принять во внимание, что в какой-то мере указанные пассажи были инспирированы для Набокова столь им ценным Н. С. Гумилевым. Как раз в пору окончания работы над «Словом», в 1952 г., в нью-йоркском издательстве им. Чехова вышел подготовленный Г. П. Струве сборник «Неизданный Гумилев», в котором особое место занимает неоконченная повесть «Веселые братья». В ней шутивно обыгрывается проблема подлинности «Слова»: «Возьмем, к примеру, “Слово о полку Игореве”: кто его сочинил, певец древний? Оно-то и правда что певец, да только не древний, а Семен Салазкин, сын купеческий, что всего полтора года лет тому назад жил. Мальчиком он убежал из дому, да так и жил, под крышу не заходя, то на Волге бурлачил, то на Дону траву косил, а зимой в Сибири бил куницу да соболя. И все песни пел, такие все забавные да унылые <?>, сам придумывал. Один барин хотел его даже в столицу везти, в Академию представить, едва он убежать мог. Встретили его братья. Зря, говорят, болтаешься, к делу тебя приставить надо. Приставили к нему человека, чтобы ходил за ним, летописи старые ему читал, да, что он сочиняет,

²⁵ В. В. Набоков. Смотри на арлекинов! / Пер. с английского С. Ильица // Владимир Набоков. Собрание сочинений американского периода в пяти томах. СПб., 1999. Т. V. С. 307.

²⁶ Там же. С. 657.

записывал. Через год «Слово» и готово. Длиннее оно должно было быть, да только Сеню медведь задавил <?>, на спор с одним топором пошел против зверя. Переписали наши-то уставом да и всучили через разных людей господину Бобрищеву-Пушкину, а там история известная».²⁷

В четвертой части «Предисловия» обращается Набоков к «Задонщине», само появление которой служит, по убеждению Набокова, лучшим свидетельством существования в древности текста «Слова». Пятая и последняя часть «Предисловия» Набокова посвящена обоснованию принципов собственного перевода, о чем уже было сказано выше. Набоков вносит свою лепту в исследование «Слова», которое, как и эпос западноевропейских стран, нуждается в разного рода комментариях. Одно из первых мест здесь занимает вектор генеалогический — кто есть кто, кто кем приходится друг другу, что — родственно — связывает и, наоборот, отгалкивает князей одного от другого. Игнорировать родственный фактор при оценке любых явлений, событий, отношений в феодальном обществе, каковым было удельное устройство Древней Руси, невозможно, это создавало бы искаженную картину рассматриваемого литературного памятника.

Набоков со свойственной ему точностью и с возможной полнотой, опираясь на схему, приложенную к русскому изданию «Слова» 1950 года и привлекая зарубежные источники, составляет свое родословие князей, необходимое для понимания текста. Он делает некоторые дополнения к указанной схеме, называет имена не только двоюродных и троюродных братьев Игоря (в частности, Святослав Киевский оказывается двоюродным братом новгород-северского Игоря), но и других действующих лиц «Слова». Так, выясняется, что Владимир, старший сын Игоря от первого брака, родился в 1173 году и в начале похода был двенадцатилетним мальчиком. Набоков приводит в родословии опущенные в русской схеме имена княгинь, сестер прадеда Игоря Святослава (ум. 1076), указывает на их брачные союзы с царствующими домами Европы — Анны, жены Генриха I, короля Франции, Анастасии, жены венгерского короля Андраша, Елизаветы, жены норвежского короля Гаральда и т. д.

В русской схеме старшим показан брат прадеда Святослава Владимир, между тем он племянник, сын младшего брата этого Святослава. Перенос этой ветви рода в другую часть схемы, сделанный Набоковым, существенно меняет всю картину движения князей «со стола на стол», схему княжения по городам и весям в Киевской Руси. (См. приложение к публикации, где схема-чертеж переведена в схему-таблицу по так называемой «долгоруковской» системе, традиционной для русской генеалогии и удобной для практического использования).

²⁷ Н. С. Гумилев. Сочинения в трех томах. Т. 3. Вашингтон, 1966. С. 380.

В последних строках комментария к своему Предисловию к «Слову о полку Игореве» Набоков выражает пожелание об уничтожении своего первого стихотворного перевода, пожелание, которое, как мы надеемся, никогда не будет выполнено, и для потомства сохранится этот первый набоковский подступ к непревзойденному памятнику русской словесности, начало того труда, за который Россия должна отдать земной поклон его исполнителю, как то грезилось ему, когда он завершил свой труд вдали от родины, на «другом берегу».

Комментарий Набокова к самому тексту, как правило, ясно и кратко излагает суть суждений относительно того или иного места в тексте «Слова», основываясь при этом на материале, который был накоплен к тому времени и нашел отражение в издании 1950 года, использованном писателем.

Особое внимание уделяет Набоков, следуя в том за Пушкиным, уточнению степени родства героев между собою и, в первую очередь, по отношению к главному герою — князю Игорю. Так, при первом упоминании Ярослава I Мудрого, Набоков указывает, что он приходится прапрадедом Игорю и т. д. Уточнения касаются топографических и географических составляющих как самого текста «Слова», так и сведений о тех лицах, которые введены в комментарий. К примеру, говоря о Данииле Заточнике, Набоков уточняет не только его родину — Переяславль, но и место изгнания: «Известно, что он был сослан на берег далекого озера в районе Олонца». Иногда напряженное внимание к географическим координатам в «Слове», их фиксация по характеру и числу упоминаний, своеобразная статистическая их обработка, позволяет вдруг комментатору высказывать в связи со сделанными наблюдениями гипотезы, вроде той, которая касается происхождения автора «Слова»: «Столь часто наш бард обращается к Суле, что невольно думаешь, что сам он мог быть родом из этих мест, к примеру, из Переяславля».

Совершенно набоковским в комментарии оказывается интерпретация метафор, эпитетов и других выразительных средств, использованных автором «Слова». Так, говоря о выражении «синий Дон», Набоков указывает не только на «клише фольклорной элоквенции», но и на то, что эпитет «синий» «не является — уже не является — цветовым эпитетом в строгом визуальном смысле, а потому его не должно путать с лиловатыми отсветами синих молний или с темным аметистом синего вина», усматриваемыми в других местах «Слова».

Во всех случаях, когда Набокову видится основание к тому, он указывает на близость текстов «Слова» и макферсоновского «Оссиана». В связи с этим он указывает и на связь тех или иных образов и словосочетаний у Пушкина с поэмой Макферсона, начиная со знаменитых начальных строк первой песни «Руслана и Людмилы»:

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Набоков считает, что эти слова Пушкин «позаимствовал» из французского переложения «Оссиана», а не из «Слова», которое в юности не знал еще так хорошо, как будет знать позднее.

Набоковым впервые проведено столь глубокое сопоставление оссиановского текста со «Словом». В каких-то случаях сопоставления могут представляться случайными, обусловленными природой творчества, общей для всех времен и народов. Большинство же примеров свидетельствует о коренном, преодолевшем пространство и время, родстве текста «Слова» с древнейшими сагами, использованными Макферсоном. Что же касается возможности подобной мистификации, выполненной на русской почве, то в отношении этого Набоков, как мы видели, высказался вполне однозначно. Писатель как бы дает понять читателю, что только он один, если бы родился на сто пятьдесят лет раньше, был бы способен совершить подобное. Теперь же Набокову остается, комментируя текст «Слова», применять свои таланты двуязычного автора, поэта и ученого, умеющего разгадывать то, что не далось другим.

Интересно отметить, что в тех случаях, когда его предшественниками не до конца или не единогласно было прояснено то или иное «темное место», Набоков делает попытки если не дать окончательный ответ, то внести нечто новое в толкование. Один из путей, который он при этом использует, — сравнительно-сопоставительный. В качестве материала для сопоставления привлекается и Оссиан. К примеру, по поводу «дива», которого большинство исследователей считает мифическим существом, сродни вещи птице, Набоков, соглашаясь с этим толкованием, замечает в связи с его функцией в «Слове»: «Нечто подобное происходит и в поэмах Оссиана». В подтверждение он приводит пример строк 9–10 из «Первого барда» Макферсона, переведя их в «ритмическую прозу»: «С дерева у могилы мертвых давно слышится уханье совы». И в отношении следующих строк о диве, который велит «земли незнаемъ» «послушати», Набоков предлагает читателю сравнить их с оссиановскими — «путник скорбит в不知емом краю».

По поводу «синей молнии» Набоков остроумно заметил, что «бард значительно опередил эпоху своего первого редактора», ибо именно «по современным понятиям всполох электрического разряда имеет синий цвет». Современники же первого редактора, в том числе Макферсон и Пушкин (в стихотворении «Буря»), по словам Набокова, «логику воздействовали на сетчатку своих покорных разуму глаз и воспринимали молнию “желтой” или “красной”, ибо таков огонь». Сам гр. А. И. Мусин-Пушкин и его помощники перевели выражение оригинала «въ нихъ трепещуть синии мльнии» как «сверкает в них

молния». Для Набокова, обладавшего, как известно, обостренной способностью цветовосприятия, этот аргумент был одним из решающих для однозначного решения вопроса в пользу подлинности «Слова».

Порою, разделяя чужое мнение, Набоков, тем не менее, изложив его, дополняет каким-то штрихом. Так без всяких оговорок и упоминания источника Набоков пишет, что «“Шелома” или “Шеломя” означает в Песни вполне определенное место, а именно Изюмский курган в окрестностях Донца», и тут же замечает: «Но это уничтожило бы поэзию».

По поводу четырехкратного упоминания Трояна в «Слове», оставшегося непроясненным первыми издателями, и попыток современников объяснить их, Пушкин в свое время заметил: «Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не захотели оставить без решения то, чего не понимали». Полемизируя с современниками, Пушкин писал: «Через всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем 4 раза упоминает Слово о полку И.<горева>, есть никто иной, как римск.<ий> император. Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, издания Ши<шкова>) “вступила Дъвою на землю Трояню, на синем море у Дону”. Где же тут Бессарабия? “Следы Трояна <в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян.>” (Вельтман). Почему же?».²⁸

Как известно, еще ранее написания своей статьи о «Слове» Пушкин обратился за разъяснением некоторых его «темных мест» и, прежде всего, тех, где поминается Троян, к академику Петру Ивановичу Кеппену (1793–1864), археологу и исследователю древней русской истории. Сохранилось письмо Кеппена к Пушкину от 17 июля 1836 года, свидетельствующее о недавнем их разговоре в Публичной библиотеке по поводу «темных мест» в «Слове». Кеппен писал:

«Nimmt man hierauf an, dass das Lied unter Trajan nicht den Kaiser Trajan im I Jahrh.<undert> nach Chr.<isti> sondern den Feldherrn Trajan im I Jahrh.<undert> versteht, und das mithin das erste Jahrh.<undert> Trajan das *vierte* der gewöhnlichen Zeitrechnung ist, so findet man die eigenthümliche weitere Zeitrechnung im Gedicht mit der unsrigen übereinstimmend. Es heisst nämlich darin: “Im siebenten Jahrhundert Trojans dringt Wseislaw gegen die Stadt Kijew, öffnet die Thore Nowgorods.” Dieses Ereigniss, die Bezwingung Nowgorods durch Wseislaw geschah 1067 und fand also im VII Jahrh.<undert> Trojans statt, sobald man nicht vom Kaiser, sondern von Valentinians Feldherrn an zählt».²⁹

²⁸ Пушкин. XII, 151.

²⁹ Пушкин. XVI, 141.

[Перевод:

«Если предположить, что под Трояном в песни подразумевается не император Траян I века по Р. Х., но полководец Траян IV века и что таким образом *первый* век Траяна является *четвертым* столетием обычного летоисчисления, то своеобразная дальнейшая хронология поэмы окажется совпадающей с нашей. А именно, там сказано: “На седьмом веке Траяновом бросился Всеслав к городу Киеву, отворил ворота Новгорода”. Это событие, покорение Новгорода Всеславом, произошло в 1067 г. и, следовательно, имело место действительно в VII веке Трояна, если отсчитывать не от императора, а от полководца Валентиниана»³⁰].

Пушкин сделал Кеппену запись со своим адресом на Каменном острове, куда тот и адресовал процитированное письмо³¹. Можно реконструировать дальнейшее. Прочтя письмо, Пушкин обращается к «Летописцу Рускому» Н. А. Львова, находит под 1067 годом соответствующую запись и закладывает это место. В то время Пушкин пишет статью о «Слове», впервые опубликованную П. В. Анненковым в 1855 г., которая датируется приблизительно концом 1836 г.³² Очевидно, что статья Пушкина в том виде, в каком она дошла до нас, была написана до общения с П. И. Кеппенем, во всяком случае, до получения его письма, версия которого относительно Трояна — римского полководца, а не императора, должна была показаться поэту убедительной.

В настоящее время преобладает другая точка зрения, согласно которой Троян — это русский языческий бог, а «Всеслав действует на седьмом, т. е. на последнем веке языческого бога Трояна, иными словами: на последнем веке языческих времен».³³ Вникнув в существо спора, иронично порассуждав в отношении «безнадежного переплетения» римского императора и русского божества, Набоков предлагает свое толкование, точнее более корректную формулировку того, что высказал в письме Пушкину Кеппен: «седьмой век, возможно, относится к столетиям, прошедшим со времени падения власти Рима в киевских землях». Таким образом, удовлетворенным, как видится Набокову, оказывается патриотическое чувство.

Обращение к Пушкину — особенность набоковского комментария, обусловленная как неизменным пиететом Набокова в отношении к национальному гению, так и тем, что параллельно он работал над комментарием к «Евгению Онегину». Например, говоря об авторе

³⁰ Пушкин. XVI, 389–390.

³¹ Л. А. Черейский. Друзья Пушкина. Изд. 2-е. Л., 1988. С. 189.

³² Пушкин. XII, 449.

³³ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 454.

«Слова», обращающегося к своему предшественнику Бояну, Набоков замечает: «Так Пушкин в 1836 году в “Памятнике” пародировал стихи своего предшественника Державина (1743–1816), подхватившего тему Горация (“Eregi monumentum...”), чтобы протащить, как контрабандный товар, собственные тайные устремления и собственную тайную гордость под личиной высшего фиглярства».

Еще одна особенность в комментарии Набокова обращает на себя внимание — это постоянный акцент на нравственном смысле того или иного сюжета, оттенка поведения упоминаемых в «Слове» лиц. Первое из такого рода замечаний относится к поведению князя Мстислава Владимировича Тмутороканского во время знаменитого единоборства его с Редеею. Несмотря на договор биться врукопашную без оружия Мстислав, когда понял, что ему не одолеть противника, попросту его зарезал, вознеся при этом молитву Богородице. В пояснении этого события на помощь Набокову-комментатору приходит Набоков-писатель с его неповторимым чувством юмора: «Очень скоро Мстислав понял, что Редедя сильнее, и тогда не мешкая вознес молитву Богородице, выхватил нож и зарезал бедного гиганта». В том же ключе Набоков отмечает, что «у Ефросиньи не нашлось слез для своего пасынка Владимира, чья мать, первая жена Игоря, умерла в 1183 году».

Другим ярким примером «инакого» интереса по сравнению с другими комментаторами является набоковское разъяснение того, как душа человека покидает его тело по смерти. Это комментарий к словам «единъ же изрони жемчужну душу из храбра тѣла чрез злато ожерелие». Как правило, комментируется «злато ожерелие» — золотое княжеское «оплечье», хотя речь идет вовсе не об украшении с золотым шитьем и драгоценными камнями, а то, что оно обрамляло «душку», о чем и пишет Набоков: «Согласно русскому поверью, душа человека помещается и вылетает из тела через горловую впадину над грудиной, небольшую ямку, называемую “душкой”».

Душа самого Набокова нашла себе выход в комментарии «Слова», как и в комментарии «Евгения Онегина» — в этих двух непревзойденных вершинах русской словесности. Он, умерший в убеждении, что вернется рано или поздно в своих творениях на Родину, куда бесплотной тенью скользил в снах, «что странникам даны на чужбине ночью долгой», и свой комментарий к «Слову» адресовал отнюдь не только американским своим студентам, но всем тем русским разных возрастов, во имя которых и для которых он и творил всю свою жизнь на двух берегах.

В. Старк

Иллюстрации Натальи Гончаровой, использованные для настоящего издания «Слова», скорее всего, были знакомы Набокову, жившему в Германии в ту пору, когда в 1923 году вышел немецкий перевод «Слова», для которого иллюстрации и были выполнены художницей. В какой-то мере рассуждения Набокова по поводу орнаментики «Слова» отражают его знакомство с рисунками Гончаровой.

Все иллюстрации непосредственно соотносимы с текстом «Слова», и в Приложении к данному изданию приводится их предположительная атрибуция. По поводу одного внесюжетного рисунка, атрибутированного Н. К. Телетовой как «Дух степей», существует иное толкование, восходящее к определению, сделанному Мариной Цветаевой и нашедшее отражение в также печатаемой в Приложении статье О. А. Белобровой. Цветаева в очерке о Гончаровой отмечает свое знакомство с одним (из 37-ми) рисунком к «Слову» художницы, который описывает так: «Есть среди иллюстраций Игоря — Ярославна, плач Ярославны. Сидит гора. В горе — дыра: рот. Из рта вопль: а-а-а... Этим же ртом, только переставленным на *о* (вечное *о* славословия), славлю Гончарову за Игоря».*

Однако изящную фигуру сидящего в неженской позе существа сравнить с горой невозможно. Рот, обрамленный короткими усами, признать женским тоже никак нельзя. Может ли это быть Ярославна? Чье это определение — Гончаровой? — или фантастическая атрибуция поэтессы? Очень возможно, что беглое ознакомление Цветаевой с немецким изданием «Слова» привело ее к самостоятельному толкованию содержания рисунка. Доказательств этого предположения у нас нет. Атрибуция, сделанная Цветаевой, представляется трудно допустимой версией. Заметим, что Ярославна, в ее одежде с горностаем, в кругу свиты, ничем не схожая с сидящим на обсуждаемом рисунке существом, отчетливо представлена Гончаровой на другом рисунке.

Для нашего издания был использован экземпляр немецкого издания «Слова» под № 212 из собрания отдела полиграфии Российской национальной библиотеки, сотрудником которой мы приносим искреннюю благодарность.

* М. И. Цветаева. Сочинения: В 7 т. Т. 4. М., 1994. С. 128.

THE SONG OF
IGOR'S CAMPAIGN

An Epic of the Twelfth Century

Translated from Old Russian by

VLADIMIR NABOKOV

VINTAGE BOOKS

A DIVISION OF RANDOM HOUSE

New York

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как повествуют летописи¹ Киевской Руси, во вторник 23 апреля 1185 года четыре удельных князя, чьи стольные города располагались на реках Десна и Сейм к востоку от Чернигова, выступили в поход против половцев в степи за рекой Донец. Эти четверо были: Игорь², возглавивший войско, его брат Всеволод³, их племянник Святослав⁴ и юный сын Игоря Владимир⁵. Половцы⁶, кочевники неясного тюркомонгольского происхождения, уже лет сто являлись с набегами на юго-восточные степи русичей. В 1183 году их разбил кузен Игоря Святослав III⁷. Игорь же, обуреваемый духом безрассудного соперничества, решил сам организовать поход, не посоветовавшись со старшим князем.

Конное войско Игоря, неспешно двигавшееся на юго-восток, от его стольного города Новгорода-Северского до реки Донец, за десять дней преодолело расстояние приблизительно в двести пятьдесят миль. Затем оно продолжило свой путь далее на юг, через дубравы и сосняк, от Донца до Оскола. В степях на расстоянии миль восьмидесяти к югу от слияния этих двух рек и миль четырехсот от Новгорода-Северского русское войско сразилось с половцами. В воскресенье 12 мая после трехдневного сражения князья были наголову разбиты. Их пленили четверо ханов⁸ и увели каждого в свой стан. В последующие месяцы половцы совершали набеги на русскую землю между реками Сулой и Сеймом и уходили с богатой добычей.

Проведя не меньше года в плену, Игорь бежал. А меж тем юный Владимир, заключенный в другом стане, женился на дочери хана Кончака. Уже к осени 1187 года Владимир вернулся на Русь с женой и ребенком, и есть все основания предположить, что и дядя его Всеволод был к тому времени также освобожден. Четвертый участник похода, по всей видимости, умер в плену.

Спустя шесть столетий, году в 1790-м, графу Алексею Мусину-Пушкину, собирателю древностей и высокопоставленному светскому члену Синода, исключительно повезло — он приобрел некое собрание старинных рукописей. Графский комиссионер (чье имя так и осталось неизвестным) купил их, как в 1813 году утверждал граф, у архимандрита Иоиля, «мужа с просвещением и любителя словесности», который управлял Спасо-Ярославским монастырем до 1788 года, когда монастырь этот был преобразован в архиерейский дом. После закрытия монастыря Иоиль сильно нуждался и был рад представившейся возможности продать неведомому посланцу Мусина рукописи, некогда

принадлежавшие упраздненной обители. Среди этих-то рукописей и был обнаружен великолепный литературный шедевр, нечто среднее между поэмой и торжественной речью, исполненный в ораторском стиле и известный с тех пор как «Слово о полку Игореве»⁹. Вместе с некоторыми другими рукописями «Слово» было переплетено в сборник, помеченный номером 323, и значилось пятым по счету¹⁰. Сочинение это представляло собою текст, состоящий из более или менее слившихся слов, часто сокращенных или незаконченных «на лошенной бумаге... [писанных] довольно чистым письмом»¹¹. Те немногочисленные свидетельства, выявляемые на уровне самого произведения, каковые, по мнению большинства современных исследователей, не привнесены в текст каким-нибудь русским Макферсоном, а являются естественным выражением непреложной истины, заставляют предположить, что неизвестный автор сочинил эту песнь весной или в начале лета 1187 года.¹² Рукопись же, обнаруженная Мусиным, есть гораздо более поздняя копия, сделанная предположительно в шестнадцатом веке и даже не в Киеве, а, скорее всего, во Пскове, монастырским писцом, который не понял значений некоторых архаичных слов и выражений и потому записал их неверно¹³. Готовя к публикации первое издание, Мусин и два его соредатора (Бантыш-Каменский, директор Московского архива, и его помощник Малиновский) переписали отдельно слившиеся слова (иногда неправильно), ввели современную им пунктуацию и не всегда продуманно разбили текст на абзацы.¹⁴ Они также напечатали *en regard** перевод на современный русский язык, изобилующий всякого рода неточностями, псевдоклассическими парафразами и грубейшими ошибками. Первое издание «Слова о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Ольгова» вышло в Москве 5 декабря 1800 года отдельной книжкой, озаглавленной «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие» (Москва, в Сенатской типографии, 1800).¹⁵

Драгоценная рукопись «Слова» погибла во время пожара Москвы 1812 года, когда дом Мусина сгорел дотла. Единственным доступным нам источником является издание 1800 года и точная копия, которую в 1795 или 1796 году граф Мусин-Пушкин велел снять с рукописи для Екатерины Второй. Копия эта, известная как Архивный или Екатерининский список, отличающаяся от *editio princeps*** лишь некоторыми малозначительными деталями, была найдена по истечении более шестидесяти лет историком Пекарским среди бумаг Екатерины и опубликована

* Параллельно с оригиналом (*франц.*). Здесь и далее подстрочные примечания переводчика.

** Первое издание (*лат.*).

в 1864 году во втором приложении к пятому тому «Записок Императорской Академии наук» 1862 года.

Именно во время подготовки к печати этой и еще трех или четырех дополнительных копий (ныне утраченных) среди любителей российской словесности распространилось известие об удивительном приобретении Мусина. Все узнали не только о том, что в конце двенадцатого века на Руси существовал великий певец, но что он имел предшественника, звавшегося Бояном¹⁶ в веке одиннадцатом. Мы не знаем имени автора песни, но знаем его творение; что же касается предшественника, то его имя ничего не говорит нам, но мы имеем представление о тех образчиках его творчества, о коих идет речь в «Слове».

2

Оригинальный текст песни, судя по публикации 1800 года, состоит из 14 175 букв или примерно 2 850 слов. Я разделил его в своем буквальном английском переводе на 860 строк. Первые части посвящены, главным образом, описанию неудачного похода. Изложенные факты соответствуют тому, что сообщается в Ипатьевской летописи, но поэт располагает и освещает их исходя из собственных взглядов и нужд. Существование некоего обмена информацией между летописцем и автором «Слова» становится очевидным из нескольких причудливых совпадений (см., к примеру, мои примечания к строкам 35/91* и 658–671/814–830), но кто на кого влиял, еще далеко не ясно. Летопись есть результат трудов ученого монаха, приверженного благочестивому слогу, добросовестного автора с невыразительным стилем и весьма банальными мыслями. Песнь же, напротив, — это гармоничная, многоуровневая, богатая оттенками и на редкость поэтичная композиция, созданная умело сдерживаемым и управляемым вдохновением художника, питающего слабость к языческим богам и обладающего тонким чувственным восприятием. Ее политическая и патриотическая направленность, относящаяся к данному историческому моменту, конечно, не имеет большого значения в свете ее вневременной красоты, и хотя я снабдил читателя всеми необходимыми примечаниями, я не склонен рассматривать «Слово» как продукт истории или ура-патриотическую речь.

Структура песни демонстрирует тончайшую сбалансированность частей, что свидетельствует о выверенном художественном исполнении

* Сначала дается номер строки по изданию «Слова» под редакцией В. П. Адриановой-Перетц (М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 9–31; см. также наст. изд., вклейка, с. I–XLVIII), а затем номер строки в английском переводе В. Набокова.

и исключает возможность постепенного нагромождения необработанных эпизодов, столь характерного для фольклора. Это яркое сочинение одного человека, а не беспорядочные народные напевы. От поразительного вступления, где неотступная тень Бояна используется нашим бардом для зачина собственного повествования, до заключительной части, в которой вновь воскрешается его образ, дабы обозначить счастливый конец, прослеживается постоянная взаимосвязь тем и их переключки. Все произведение четко подразделяется на пять частей: 1. Вступление (ст. 1—75/1—70); 2. Повествование (ст. 76—308/71—390); 3. Заклинание (ст. 309—589/391—730); 4. Освобождение (ст. 590—671/731—830); 5. Эпilog (ст. 672—695/831—860). Во второй части речь Всеволода, обращенная к брату перед началом их похода (ст. 76—96/71—90), переключается с описанием поведения Всеволода на поле битвы (ст. 181—193/211—230). Светлое солнце, затмение которого описывается в строках 35—55/91—110, когда Игорь обращается к дружине перед выступлением в поход, позже встает в кровавом величии над полем брани (ст. 157—158/181—183), к нему же несется плач Ефросиньи с городской стены (ст. 584—589/722—730), и оно же, наконец, льет веселый и ласковый свет на возвращающегося домой Игоря (ст. 679/841). В другой искусной композиции, составленной из великолепно выверенных эпизодов, ветры, веющие стрелами на Игоря во второй части (ст. 170—171/197—199), заговариваются Ефросиньей в третьей (ст. 563—571/699—708) и в ответ на ее мольбу поднимают бурю, дабы отвлечь неприятеля (ст. 590—591/731—732) и помочь освобождению героя. Ощущению внутреннего согласия и единства «Слова» особенно способствует широкое использование темы рек, из коих ведущая роль отводится Дону Великому. Желание Игоря увидеть его (ст. 46—47/100), испить шлемом Дону (ст. 55/110), выраженное в стилистически безупречном рефрене в начале первой части, повторяется с аналогичной интонацией в строках 156/180 и 168/190 при описании начала великой битвы, когда нам кажется, что рокошующий, грозный Дон принимает сторону половцев. На протяжении всей песни река эта упоминается неоднократно как в контексте ужаса и несчастья (ст. 115/131, 168/194, 176/205, 252/309, 600/741), так и страстной мечты (ст. 46—47/100, 55/110, 330/416, 400/503, 458/567), а подтема «шелома» повторяется в строках 330/416 и 400/503. Так и не предстанет пред Игорем, подобное миру, видение синего Дона (два столетия спустя его мечта осуществится в «Задонщине», вульгарном подражании «Слову», состряпанном в ознаменование великой победы над монголо-татарами), но в идеальном композиционном ходе художник заменяет Дон его притоком, «малым» Доном, речкой Донец, с которой, как с живым существом, в части «Освобождение» князь ведет великолепно исполненный разговор (ст. 623—638/771—802), противопоставляя добрый Донец гораздо менее дружелюбной речке Стугне в отрывке

(ст. 639–648/791–802), разрешающемся последним отголоском опасности и несчастья. Слова благодарности Игоря «малому» Дону искусно дублируются мольбой его жены, обращенной к Днепру (ст. 574–581/711–719): великая киевская река словно передает свою силу заступничества и помощи степной речушке, а воспоминания Игоря о плаче другой, куда более несчастной женщины на берегах Днепра являют собою необходимый элемент риторической гармонии в заключительной части всего отрывка, уравнивающего то первое обращение Ефросиньи к этой реке. Наконец, есть еще и река Каяла, у вод которой разразилась ужасная битва. Название это, повторяемое с символическими аллюзиями, неотступно преследует читателя по ходу всего повествования (ст. 167/194, 208/251, 240/292, 302/380, 343/431, 558/694).

Разнообразные животные, напомиающие стилизованную фауну многоцветных ковров с орнаментом из дивных растений по краям, играют в структуре песни двойную роль. Они придают событиям штрихи местного колорита, участвуя вместе с тем в развертывании общей темы волшебства, пророчеств и заклинаний, темы, предполагающей исключительную свободу мысли и отличающей эту языческую поэму от мертвенных и строгих сочинений обыденного христианского благочестия, какие в то время начали доминировать в литературе, иссушая ее. Надо отметить, что тут вновь различные проявления одной темы образуют изящнейшую композицию перекликающихся голосов, в которой гулко отдается каждый шаг и каждое эхо звучит под новым сводом. Так, красочные обитатели степей, выступающие посланцами рока и союзниками половцев, возбужденные солнечным затмением (ст. 99–110/115–126, 116–121/132–139) или терзающие тела убитых (ст. 216–219/263–266, 488–490/602–604) или упивающиеся разыгравшейся трагедией (ст. 321–322/406–407, 335–348/422–443), заменяются или находят в многоголосии произведения ответные антифоновые отклики, принадлежащие тем птицам, что действуют на стороне русских (ст. 636–638/787–790, 651–657/806–813), помогая речным богам, заклинаемым Ефросиньей, или, как, например, соловьи, олицетворяя Бояна.

Цветы и деревья, привнося тему женского начала, никнут к земле и, подобно своеобразному хору, сочувствуют бедам русских. Кроме аллюзии в строке 455/562, формула их соучастия проходит рефреном в строках 245–246/299–301 и снова в 647–648/801–802: она возникает во время счастливого возвращения Игоря домой, когда князь, очевидно, не может испытывать ничего, кроме буйной радости, но где, в качестве художественного приема, этот трогательный рефрен образует необходимую для поэтической симметрии опору теме меланхолии, аркой перекинутой через все произведение. Меланхолия эта теперь относится к воспоминаниям о давно умершем князе и таким образом выделяет в

ярком противопоставлении среди светотени прибрежных ив счастливую судьбу спасшегося героя.

Всепроницающее ощущение волшебства, так живо переданное флорой и фауной, дивом и сказочными утками, ветрами и водами, зорями и громами, вводится через описание магии Бояна (особенно в строках 8–12/11–18 и 24–26/35–38) и иллюстрируется нашим бардом в ряде тематических вставок: затмение (ст. 35–55, 97–103/91–119), следующая за ним зловещая буря (ст. 116–121/132–139 и 157–168/181–190), явление Анти-девы* (ст. 250–253/306–310), сон князя киевского (ст. 309–324/391–410), колдовство Всеслава (ст. 523–554/651–690), плач Ефросиньи (ст. 555–607/691–750) и бегство Игоря (особенно в ст. 590–592/731–733, 608–614/751–760, 629–635/781–790, 648–652/806–810).

Среди прочих особенностей авторского стиля внимательный читатель отметит искусство перехода от одной темы к другой и умение подготовить читателя к последующим событиям. Так, прерывая театральную «реплику в сторону» описание битвы, начинающееся словами «Ярь туре Всеволодь» (ст. 181–193/211–230), наш бард предвосхищает центральную, политически значимую часть «Слова» (великолепный пассаж ст. 396–553/497–686, где вспоминаются старые междоусобицы и звучит призыв к тогдашним князьям помочь Игорю) и тем самым затевает первое отступление в строке 194/231: «Были вѣчи Трояни» (что, по сути, есть отголосок обращения к Бояну в строках 56–62/51–60), длящееся вплоть до строки 270, после чего мы вновь возвращаемся на поле брани у реки Каялы. В этом длинном отступлении вспоминаются усьобицы Олега Гориславича (ст. 196–200/233–238), смерть Бориса Вячеславича (ст. 204–207/245–250) и смерть Изяслава I (ст. 208–210/251–254), а образ раздираемой враждой Руси (ст. 211–220/255–268) проецируется отсюда в другую часть «Слова» (ст. 254–280/311–350), содержащую горестный плач по поводу поражения Игоря. Переход от темы поражения к недавним победам Святослава III ведет к величественной сцене в Киеве, а разнообразные упоминания Олега, Вячеслава и Изяслава, живописные по образности и драматические по звучанию, уже приготовили наше зрение и слух к блистательным кратким зарисовкам князей, сзываемых на помощь нашему князю: Ярослава Черниговского (ст. 369–383/466–478), Всеволода Суздальского (ст. 396–406/497–510), братьев Рюрика и Давыда (ст. 407–418/511–522), Ярослава Галицкого (ст. 419–436/523–541), Романа, позднее Галицкого, и его брата Мстислава (ст. 437–452/542–559), а также братьев последнего, Ингваря и Всеволода (ст. 461–473/571–582), после чего историческое воспоминание о недавней

* Так Набоков называет Деву-обиду.

смерти Изяслава, сына Василькова (ст. 479–494/591–610), ведет к восхитительному описанию колдовства и бедствий Всеслава, деда Изяслава (ст. 509–545/631–678).

В рамках этих мощных, волнами набегающих и переплетающихся тем мы можем выделить такие более мелкие элементы внутреннего единства, как интонационные рефрены и типы метафорических повторов. Среди рефренов часто встречаются поразительные благозвучные формулы, например, «ищучи себе чти, а Князю славъ» (ст. 96/89–90, 129/149–150), «О Руская землѣ! уже за Шеломянемъ еси!» (ст. 122/140–141, 169/195–196) или формула двойного уныния, относящаяся к траве и дереву (ст. 245–246/299–301), к забралам городов и веселию (ст. 307–308/387–390), к голосам и веселию (ст. 496–497/611–614) и, в идеальной структурной симметрии, к цветам и дереву (ст. 647–648/801–802). Другой рефрен выражает призыв отомстить за Русь и Игоря (ст. 415–418/519–522, 434–436/539–541, 471–473/580–583), а строка «Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ городу на забралѣ, аркучи» являет собою исключительно мелодичный повтор, воскрешающий в памяти западноевропейские баллады (ст. 561–562/697–698, 572–573/709–710, 582–583/720–721). И наконец, изучающим общую стилистику я предлагаю самим поискать различные виды метафор, украшающих «Слово» и добавляющих прелесть коннотаций к прелести непосредственных образов. Эти метафоры можно, в основном, классифицировать по принадлежности тематике охоты, сфере земледелия и погодных явлений.

3

По ходу песни то тут, то там встречаются некоторые поэтические формулы, на удивление схожие с теми, что мы обнаруживаем в макферсоновском «Оссиане». Я рассматриваю их в своем «Комментарии». Парадоксальным образом эти совпадения доказывают не то, что некий русский в восемнадцатом веке последовал примеру Макферсона, а то, что макферсоновская стряпня, скорее всего, все-таки содержит обрывки подлинных древних поэм. И не столь уж нелепым кажется предположение, что сквозь туман скандинавских саг можно разглядеть переброшенные мосты или их руины, связующие шотландско-гэльские поэмы с киевскими. Любопытно, что если мы представим себе русского фальсификатора 1790 года, складывающего на растворе собственного замеса мозаику из разрозненных осколков подлинных текстов, то далее нам следует предположить, будто он владел английским языком столь хорошо, что сумел воспринять особенности макферсоновского стиля; но в восемнадцатом веке, так же, как и позднее, в пушкинскую эпоху, английскую поэзию знали в России только во французских переложениях, а потому этот воображаемый фальсификатор не смог бы пере-

дать — ибо этого не сделал Летуэрнер — особых примет того «оссиановского» стиля, примеры которого я привожу в своих примечаниях.

Одиннадцатый и двенадцатый века в Киевской Руси были отмечены потрясающими художественными достижениями, однако создание венцов, фресок, икон и на редкость прекрасных церквей, таких как Софийский собор в Киеве (построен в 1036 г.) или Успенский собор во Владимире (1158–1189 гг.) или Дмитриевский собор в том же городе (1193–1197 гг.), вовсе не предполагает одновременного развития литературы; известно также, что великая поэзия создавалась в периоды, когда другие (в целом, более примитивные) виды искусства, живопись и архитектура, отнюдь не процветали. Несмотря на марксистскую схоластику и национальные чувства, способствующие превращению современных исследований «Слова» в безудержные гимны Родине, советские историки, как и предшествующие поколения русских ученых, проявляют полнейшую беспомощность в объяснении поразительной, очевидной, почти осязаемой разницы в художественной фактуре песни и тех образчиков киевской литературы, которые дошли до нас сквозь века. Если бы сохранились лишь летописи да поучения, послания да нудные жития святых, Киевская эпоха заняла бы очень скромную нишу в истории средневековой европейской литературы; но при данных обстоятельствах этот единственный шедевр не только господствует над всеми сочинениями Киевской Руси, но и соперничает с величайшими поэтическими произведениями Европы того времени.

Соображения исторической перспективы не позволяют считать, что песнь была сочинена около 1790 года неким безымянным поэтом, одаренным гениальностью, превосходящей по своей самобытности и силе дарование единственного крупного поэта той эпохи (Державина) и обладающим, к тому же, такими детальными знаниями касательно истории Киевской Руси, какими в то время никто не обладал. Версии о том, что фальсификатор решил отказаться от собственной будущей славы ради воспевания прошлого своей отчизны или что он мог использовать некие ныне утраченные документы, сразу же ставят новые вопросы, требующие для своего решения новых предположений. Но и после всего вышесказанного, после того, как мы с презрением отвергли возможность подделки, а груз доказательств, говорящих в ее пользу, переложили на хилые плечи недостаточной эрудиции, нам все же предстоит разрешить некоторые навязчивые сомнения.

Мы сталкиваемся с необычным сочетанием двух в корне различных явлений: во-первых, мы вынуждены предположить, что в определенный момент исторической действительности, а именно в начале лета 1187 года, где-то в Киевской Руси некто — с пером в руке или гуслиями на коленях — повествует о череде событий, берущей свое начало лишь двумя годами ранее и все еще пребывающих в состоянии живого движения и аморфности; и во-вторых, соединить в своем сознании

эту политическую, географическую, реальную, публицистическую действительность с воздействием такой поэтической образности «Слова», каковая обычно ассоциируется со зрелостью переработанных душою впечатлений и длительным периодом времени — десятилетием, столетием — прошедшим между событием и метафорой. Другими словами, трудно себе вообразить автора «Слова», поющего о реальной росе, что покрывает плащ Игоря, когда тот въезжает в Киев, или вторящего рыданиям Ефросиньи, когда она сбегает с деревянной башни в Путивле, чтобы обнять своего князя, или превращающего в церемониальный диалог весть запыхавшегося гонца о том, что Владимир ведет домой жену из половецких степей.

4

Существование «Слова» в рукописном виде между концом двенадцатого и концом четырнадцатого века подтверждается наличием подражания, наспех слепого именно в конце четырнадцатого века и обнаруженного только в конце века прошлого, шесть десятилетий спустя после выхода «Слова» в свет. Это произведение известно под названием «Задонщина».

Туманным утром 8 сентября 1380 года на Куликовом поле объединенное русское войско численностью около 150 тысяч человек, собранных почти со всех княжеств, под предводительством московского князя Дмитрия (ум. 1389) при поддержке князей Андрея Полоцкого, Дмитрия Брянского, Дмитрия Волынского и Владимира Серпуховского, перейдя вброд Дон в устье его притока Непрядвы (в современной Тульской области), вступило в грандиозную битву с дважды превосходящими силами монголо-татар, возглавляемых ханом Мамаем, которая закончилась первой крупной победой Руси над монголо-татарами после полуторавекового порабощения.

Несколько лет спустя, возможно, году в 1385-м (судя по сведениям, содержащимся в самом тексте) Куликовскую битву описал и воспел некий Софоний (Софон или Софония) Рязанец, священник (или, быть может, житель Брянска, человек происхождения благородного, по окончании военной службы ставший монахом). До нас дошли полдюжины списков этого сочинения, сохранившиеся в плачевном состоянии, из коих основные носят следующие названия:

1. «Задонщина Великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича», рукопись 1470 года, обнаруженная в Кирилло-Белозерском монастыре и впервые опубликованная в 1859 году;

2. «Сказание Софона резанца написана русским князем похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондре-

евичу», рукопись XVII века из Синодальной библиотеки, впервые опубликованная в 1890 году;

3. «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче», рукопись XVII века, опубликованная обнаружившим ее Ундольским в 1852 году.

Первый из перечисленных текстов самый короткий; его название «Задонщина» традиционно распространяется на всю эту жалкую вещь в том виде, в каком она сохранилась в копиях. Софоний, восторженный, но неуклюжий плагиатор, использовал общую композицию первых двух частей «Слова о полку Игореве» и мешанину, составленную из характерных деталей (эпитетов, образов, риторических фигур) песни, для обобщенного описания Куликовской битвы. Иных деталей он попросту не понял, и его спотыкающиеся попытки ввести их в текст плагиата привели к нелепому смешению изначальной напыщенности, метафорической бессмыслицы и собственных политических банальностей. Сочинение это принадлежит примитивной и нудно-дидактической московской эпохе, каковая сменила достигшую потрясающих художественных высот эпоху киевскую. «Задонщина» отличается от «Слова», как власняница от венецианской парчи.

Теперь не Боян, а «жаворонокъ птица» (Кирилловский список) или «жаворонокъ птица летняя, красных дней утеха» (Синодальный список) тупо и кособоко предлагается в качестве певца Куликовской битвы. Таинственная и удивительно поэтическая фраза «Слова», обращенная к русской земле: «уже за шеломянемъ еси!», в том же Кирилловском списке превращается в смехотворное: «какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, так буди и нынеча за княземъ великимъ Дмитриемъ», выражение, которое — если вообще имеет какой-то смысл — можно перевести как «даже теперь ты будешь под великим князем Дмитрием, как ты была под царем Соломоном». Пассаж «Слова» (393/492—493) «Се у Римъ кричать [люди] подъ саблями Половецкими» звучит в Кирилловском тексте «Задонщины» следующим образом: «А уже *диво* кличь под саблями татарскими». Заклинания же Ефросиньи и вовсе поделены между несколькими болтливыми женщинами.¹⁷

5

В своем переводе «Слова» я безжалостно пожертвовал формой ради содержания и попытался дать дословное изложение текста, как я его понимаю.¹⁸ Каждая страница (кроме первой, последней и одной в середине) утраченного оригинала в среднем содержала предположительно 310 букв (составляющих около двадцати строк примерно одинаковой длины). На каждой странице моего английского перевода я сохранил тот объем материала, который, по моему мнению, соответ-

стует объему материала на каждой странице утраченной рукописи (или, точнее, рукописи более ранней, послужившей образцом для мусинской); но разбивка частей текста на строки условна и сделана лишь для удобства составления примечаний.

Удовлетворительного издания «Слова» на русском языке не существует. Под «удовлетворительным» я понимаю книгу, которая, помимо прочего, содержала бы фотостаты первого издания и Архивного списка, собрание всех вариантов, комментарии и полную библиографию. Мы с легким сердцем можем обойтись без «поэтических» переложений «Слова» и статей, посвященных его политико-национальному значению, которые столь обильно представлены в советских изданиях.

Среди последних работ наиболее полезными являются комментарии к «Слову о полку Игореве» под редакцией Адриановой-Перетц (Л., 1950); Кудряшова, Елеонского и Ржиги в издании «Слова» под редакцией Клобуковского и Кузьмина (М., 1947); и комментарии Дмитриева к изданию «Слова» под его же редакцией (Л., 1952). Другим полезным изданием является «*La Geste du Prince Igor, texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel assistés de J. A. Joffe, New York, 1948*». Последнее содержит среди прочего скверное переложение «Слова» на английский, выполненное Сэмюэлем Кроссом, более или менее подштопанное редакторами. Мне также попадалась на глаза «*Tale of the Armament of Igor*», изданная и переведенная Леонардом А. Магнусом (Oxford, 1915), причудливое соединение немислимых ошибок, фантастических переделок, беспорядочной эрудиции и прозорливых догадок. В нем представлены четкие генеалогические схемы. Некоторые были мною использованы для составления «Родословной князей» с учетом данных, полученных из других перечисленных выше работ. Выясняя для себя, о каком именно из князей, так или иначе упоминаемых в песни, идет речь, читатель должен быть готов к восприятию большого количества повторяющихся слогов. Как будет видно из «Указателя» и «Родословной» (в которой великие князья, правившие в Киеве, определяются по римским цифрам, добавленным к их именам), чаще других встречается конечный компонент «-слав» (имеющий значение «слава», «славный»). Всего было шесть Святославов (Св. I, ум. 972; Св. II, ум. 1076; Св. III, ум. 1194; Св. Черниговский, отец Игоря, ум. 1164; Св. Рыльский, племянник Игоря, ум. 1186; и Св., младший сын Игоря) и шесть Мстиславов. Другим распространенным компонентом имени является «влад» или «волод» с коннотациями «править», «владеть». Было четыре Владимира (Вл. I, «Святой», ум. 1015; Вл. II Мономах, ум. 1125; Вл. Путивльский, сын Игоря, ум. 1212; и Вл., сын Мстислава Смоленского) и шесть Всеволодов (Вс. I, ум. 1092; Вс. II, ум. 1146; Вс. Суздальский, ум. 1212; Вс. брат Игоря, ум. 1196; Вс.,

потомок Всеслава Полоцкого; и Вс., потомок Мстислава I). Исследователи обычно группируют князей по «гнездам» или «домам» в зависимости от отчества, стоящего во множественном числе и означающего имя их знаменитого предка (например, Ярославичи). Далее мы увидим, что наш певец интересуется в основном домом Олега (Ольговичами), тогда как его предшественник, певец Боян, особое внимание, похоже, уделял дому князей полоцких.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ипатьевская летопись (по названию монастыря, где она хранилась) представляет собою исторический памятник, охватывающий четыре столетия со времени возникновения Руси до конца тринадцатого века. Насчитывает 612 страниц, писана на бумаге почерком, относящимся к четырнадцатому столетию. Первая ее часть содержит киевские хроники, повествующие о событиях века двенадцатого. Эта Ипатьевская летопись с изложением похода Игоря 6693 года (1185 года н. э.) была опубликована Археографической комиссией в Полном собрании русских летописей (СПб, 1843; второе издание 1908; третье издание 1923). Другую летопись, Лаврентьевскую (летопись по Лаврентьевскому списку), содержащую гораздо более краткое описание похода с неверно указанным годом (6694), но с точно обозначенными днями недели, можно найти в другой публикации той же Археографической комиссии (СПб, 1897).

2. Главный герой песни имеет своим прототипом реального современника нашего певца, который во всем остальном сильно преувеличил значимость похода 1185 года. Прославляемый в «Слове» персонаж — это Игорь (1151—1202), княживший в то время (после смерти своего старшего брата Олега в 1179 году) в Новгороде-Северском (небольшом городе к востоку от Чернигова), внук Олега Черниговского и Тмутороканского и сын Святослава Черниговского (ум. 1164). В 1198 году после смерти своего двоюродного брата Ярослава Черниговского Игорь сел на престол и в этом городе. Первая жена родила ему пятерых сыновей; второй была Ефросинья, именуемая в «Слове» Ярославной, дочь Ярослава Галицкого. В историю Игорь вошел как малозначительный, изворотливый и задиристый князь.

3. Всеволод, князь Трубчевский и Курский — городов, расположенных к северу и востоку от стольного города его брата Игоря (см. карту). Умер в 1196 году и вспоминается летописцем как самый доблестный и добродушный потомок Олега Гориславича. Его жена (Глебовна, как она зовется в «Слове»), вероятно, была Ольгой, дочерью Глеба Переяславльского.

4. Святослав Рыльский (1166—1186), сын Олега Новгород-Северского, брат Игоря.

5. Владимир Путивльский (1173—1212), старший сын Игоря.

6. Непосредственно после смерти Ярослава I, во второй половине XI века, в Киевской Руси правили три влиятельных князя: Изяслав Ярославич и два его брата, Святослав, в то время князь черниговский (впоследствии Святослав II), и Всеволод, в то время князь переяславль-

ский (впоследствии Всеволод I). Как раз тогда половцы (которых русские источники еще именуют кыпчаками) впервые вторгаются в степи между Днепром и Волгой. В ходе этих многочисленных набегов, из коих в период с 1061 по 1202 годы насчитывается, по крайней мере, пятьдесят весьма значительных, они опустошают русские поселения в южных землях Киевского княжества. И тогда же, в XI веке, начинаются усобицы между потомками Ярослава I. Самым злостным разжигателем усобиц был основатель черниговского дома Олег Гориславич, сын Святослава II, дед Игоря, ведший ожесточенные войны против своих дядьев и двоюродных братьев (особенно против Владимира Мономаха). Приблизительно вплоть до года 1180-го Игорь, как и другие потомки Олега Гориславича, проводил политику заключения военных союзов с половцами ради ведения войн с потомками Ростислава I. Половцы исчезли со страниц истории в третьем десятилетии XIII века, поглощенные монголо-татарским нашествием.

7. Святослав III (ум. 1194), сын Всеволода II и внук Олега Гориславича, то есть двоюродный брат Игоря. Его владения ограничивались городом Киевом, остальные города Киевского княжества подчинялись Рюрику, сыну Ростислава I, совместно с которым Святослав совершил успешный поход против половцев в 1183 году без участия Игоря. Наш бард преувеличивает силу и мощь Святослава.

8. Раненный в руку Игорь и три других князя были взяты в плен четырьмя половецкими военачальниками, чьи имена безнадежно русифицированы летописцем: Чилбук взял Игоря; Роман Кзич — Всеволода; Копти — Владимира; а Ельдечук — Святослава.

9. <...>*Произведение, рассматриваемое нами, в оригинале называлось «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова» (так стоит в первом издании — М., 1800, с.1). «Слово» означает здесь то, что по-английски зовется *discourse* («речь»), *oration* («торжественная речь»), *sermon* («наставление»); но все эти английские термины слишком подчеркивают дидактический характер сочинения, исключая его поэтичность. Значение русского слова более широко и всеобъемлюще, чем значение приведенных английских аналогов, но следует отметить, что автор в тексте произведения сам определяет его посредством иных названий, таких как «повесть» (ст. 3/3 и 27/40) и «песнь» (ст. 5/7). И действительно, перед нами слияние прозы и поэзии с апострофическими интонациями ораторского сочинения, перемежающимися лирическими напевами мелодичного плача. Его особый ритм, когда ударения совпадают с дыханием метрического красноречия, ближе к ритмической прозе, чем к поэзии. В целом, несмотря на отсутствие размера и рифмы, «Слово» можно определить, по примеру его первых издателей,

* Здесь выпущены рассуждения Набокова о транслитерации русских букв, предназначенные для английского чтения.

как *chanson**, «славное деяние», «героическую песнь». Оно слишком драматично и слишком искусно написано, чтобы называться «лэ»**, а термин «повесть» не может вместить богатого разнообразия его тематики, когда описания битв прерываются отступлениями поэтического и политического характера, а повествование расцвечено диалогами, снами, заклинаниями и множеством других стилистических приемов. После долгих колебаний я решил назвать его по-английски «песню» («song»), к чему меня окончательно склонило соображение, что наш автор был прежде всего поэтом и что здесь, как и во всех литературных шедеврах, по-настоящему существенны лишь вдохновение и искусство.

10. Эти сведения снабжены попутным подстрочным примечанием на странице VII (предпоследней) мусинского предисловия к первому изданию (под заголовком «Историческое содержание “Слова”»). Позже они были приведены в более расширенном виде в «Истории государства Российского» Карамзина (1816, т. 2, прим. 333 и т. 3, прим. 272 и 282). Всего перечислено восемь названий, но они, в конце концов, сводятся к шести произведениям. Это два исторических труда, содержащих хроники древней Руси; «Сказание о Индии богатой»; «Повесть об Акире Премудром»; «Слово о полку Игореве»; и «Девгениево деяние» (с тремя названиями), помещенные в указанном порядке.

11. Согласно возвышенному, но до смешного несуразному письму от 31 декабря 1813 года, адресованному Мусиным Калайдовичу в ответ на ряд вопросов, заданных последним.

12. Год написания «Слова» можно установить точнее, чем время создания многих произведений европейского эпоса XII века. В центральной части песни наш певец обращается к нескольким князьям, его современникам, среди коих упомянуты Володимир Переяславльский и Ярослав Галицкий. О первом говорится, что он тяжело ранен (ст. 394–395/494–496), а из летописей известно, что он скончался от ран 18 апреля 1187 года; второй предстает перед нами процветающим князем, а мы знаем, что он умер 1 октября 1187 года. Нам также известно, что бегство Игоря из половецкого стана пришлось на весну или начало лета 1186 года и что сперва он явился в свой стольный город (Новгород-Северский) и стольный город своего дяди (Чернигов) и только потом отправился в Киев (ст. 683–684/847–848). В конце песни автор дает понять, что знает о женитьбе на половецкой княжне сына Игоря Владимира Путивльского во время пребывания того в плену; согласно летописи, Владимир вернулся домой чуть раньше или чуть позже Ефросиньиного дня (то есть 25 сентября) 1187 года, с женой и ребенком (а это означает, что его женитьба у половцев состоялась не позднее середины 1186 года).

* Песнь (франц.).

** Короткая баллада в средневековой французской литературе.

Довольно бессмысленно пытаться выстроить биографию и нарисовать облик поэта, основываясь на его произведениях; а чем гениальнее художник, тем скорее мы придем к ложным выводам. Разумно было бы предположить, что наш певец был киевским дружинником, но точно так же мы можем представить его себе ученым монахом, пустившимся в языческие песнопения. Есть основания полагать, что служил он при дворе Святослава III Киевского, но вполне вероятно и то, что жил он в Переяславле, где-то неподалеку от реки Сулы, или что был родом из Курска. Человек этот, очевидно, был страстным охотником, прекрасно знал степную фауну и флору, как и природу всей территории от реки Сейм до Азовского моря. Быть может, он и сам принимал участие в походе Игоря с начала и до конца или только на каком-то его этапе.

13. Сегодня, после комментариев и исправлений, сделанных за прошедшие полтора столетия, песнь вновь почти обрела свою (предполагаемую) былую ясность, искаженную поколениями писцов (включая переписчиков Мусина). Кроме некоторых отдельных слов, точное значение которых неясно из-за возможных ошибок переписчиков, существует лишь несколько отрывков (например, ст. 100–103/115–119, 321–324/406–410, 337–341/426–430, 484–488/599–601, 512–513/635–636, 641–644/794–799, 672–675/831–834), по-настоящему безнадежно испорченных. Значения небольшого числа слов, в основном окказионализмов, все еще остаются туманными, однако теплится слабая надежда, что в других рукописях могут отыскаться тексты, которые дадут этим случаям удовлетворительные объяснения.

14. После строк 26/38, 129/150, 156/180, 654/687, 589/730 и 671/830. В Архивном списке переписчик Мусина расставил знаки препинания более или менее сходным образом, однако не провел деления на абзацы.

15. Текст песни занимает левую сторону каждой из 46 страниц с переложением на современный русский язык *en regard*. Он сопровождается шестьюдесятью сносками, списком четырех опечаток и «Поколенной росписью российских великих и удельных князей». Издатели в значительной степени основывались на общепризнанном в то время труде — «Истории Российской с самых древнейших времен» Василия Татищева, особенно на третьем томе, опубликованном Миллером после смерти автора в 1774 году. Факсимиле первого издания «Слова» можно найти в книгах, вышедших под редакцией Адриановой-Перетц (1950) и Дмитриева (1952).

16. Как доказал Елеонский (в книге «Слово о полку Игореве», М., 1947, с. 96), первая отсылка к «Игоревой песни» (и Бояну) появляется в шестнадцатой песни третьего издания эпической поэмы Михаила Хераскова «Владимир [I]», завершенной им в ноябре 1796 года и опубликованной в его «Творениях» (часть II, М., январь 1797). Эта

жалкая поэма написана александрийским стихом (в подражание французской манере). Помеченные звездочкой строки

О! древнихъ леть пѣвецъ, полночный Оссиянь,
Въ развалинахъ вѣковъ погребшийся Баянь [sic]!

отсылают нас к следующему примечанию (там же, с.301): «Недавно отыскана рукопись, под названием: Пѣснь полку Игореву не извѣстнымъ писателемъ сочиненная. Кажется, за многие до насъ вѣки, въ ней упоминается Баянь [sic] Российский пѣснопѣвецъ».

В том же 1797 году в октябрьском номере французского эмигрантского ежемесячного журнала «Le Spectateur du Nord»*, выходившем в Гамбурге (в Германии), появилась заметка, написанная по-французски его русским корреспондентом, историком Карамзиным («Lettre au Spectateur sur la littérature russe»** за подписью NN), в которой о находке сообщалось так: «On a détérré, Il y a deux ans, dans nos archives, le fragment d'un poème, intitulé le Chant des guerriers d'Igor*** [неверный перевод слова «полк», взятого в значении «войско» вместо правильного «поход»]. Отсюда следует, что находка была сделана в 1795 году. Вслед за Херасковым Карамзин в своей статье сравнивает «древнерусского певца» с Оссианом и повествует о «Слове» в такой нелепой манере: «Le poète, traçant le tableau d'un combat sanglant, s'écrie: Ah! Je sens que mon pinceau est foible languissant; je n'ai pas le talent du grand Bayan [sic], ce rossignol des temps passés».**** Слова, заученно повторяемые Карамзиным для характеристики песни («фрагмент», «энергичный стиль», «высший героизм», «ужасы природы»), составляют дежурный набор, используемый французскими авторами, когда они говорят о летуэрновом переводе «Оссиана».

Кроме ссылок нашего певца (и Софония), нет более никаких сведений об этом Бояне, склонном к пророчествованию киевском менестреле, который — судя по времени жизни воспетых им князей — был знаменит, скорее всего, между 1035 и 1105 годом, что для поэта составляет огромный промежуток времени. Наш бард продуманно цитирует своего великого предшественника в строках 140/163 и 180/210 и, быть может, в двух других пассажах (3/4, 127/146). Более того, он хитроумно подражает стилю Бояна, дабы начать собственное повествование (ст. 56—75/51—70).

* Северный зритель (франц.).

** Письмо в «Зритель» о русской литературе (франц.).

*** Два года назад в наших архивах был обнаружен фрагмент поэмы под названием «Песнь о полку Игореве» (франц.).

**** Поэт, рисуя картину кровавого боя, восклицает: «О, я чувствую, что кисть моя неумела и слаба; я лишен таланта великого Баяна [sic], этого соловья прошедших времен!» (франц.).

Боян — имя южнославянского происхождения. У болгарского царя (Симеона, ум. 927) был сын Баян (Баянус), изучавший магию. По забавному совпадению, в 1785 году, задолго до того, как имя Боян или Баян стало известно, Василий Левшин, автор знаменитых русских сказок, сочиняя благозвучные женские имена, придумал для одной из своих княжен имя «Баяна» (произведя его от «обаяние»).

17. Андре Мазон из Коллеж де Франс попытался изменить очередность событий и доказать, что «Слово» представляет собою подражание «Задонщине». Его работа («Le Slovo d'Igor», Paris, 1940, pp. 5—179), хоть и содержит много интересных сопоставлений, безнадежно испорчено полнейшей неспособностью этого исследователя к художественному восприятию. Не слишком большой грех считать песнь «une oeuvre récente en forme de pastiche»* (с. 41), но бессмысленно противопоставлять ее как произведение «factice, incohérente et médiocre»** (с. 173) «Задонщине», провозглашаемой автором «toujours sincère»*** (формула, используемая в качестве похвалы, людьми, в искусстве ничего не смыслящими).

Текст «Задонщины» можно найти в «Воинских повестях Древней Руси», сборнике, изданном под редакцией Адриановой-Перетц (Л., 1949).

18. Первую попытку перевести «Слово» я предпринял в 1952 году. Цель моя была вполне утилитарной — обеспечить своих студентов английским переводом. В этой первой своей попытке я безоговорочно следовал исследованиям Романа Якобсона, опубликованным в книге «Le Geste du Prince Igor». Однако позднее меня перестал устраивать не только мой собственный — слишком легко читаемый — перевод, но и суждения Якобсона. Мимеографические копии этого устарелого варианта, которые все еще используются в Корнеллском и Гарвардском университетах, следует теперь уничтожить.

* Сочинение, написанное недавно в форме подражания (франц.)

** Вычурное, бессвязное и посредственное (франц.)

*** Неизменно искреннее (франц.)

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДЪ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

п и с а н н а я

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДЪ XII СТОЛѢТІЯ

сѣ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА

Въ Сенатской Типографіи,

1800.

Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве»

С Л О В О

П Ъ С Н Ъ

О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, (а) О ПОХОДЪ ИГОРЯ,
ИГОРЯ СЫНА СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.
ВНУКА ОЛЬГОВА.

*Не лѣполи ны бѣшетъ, братіе,
натяти старыми сло-
весы трудныхъ повѣстий о
плѣку Игоревъ, Игоря
Святъславля! ната-
ти же ся тѣй лѣсни по*

*Пріятно намъ, братцы, на-
чашъ древнимъ слогомъ при-
скорбную повѣсть о походѣ
Игоря, сына Святославова!
начашъ же сію лѣснь по бы-
тіямъ того времени, а не по*

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ *Георгіемъ*; женился въ 1184 году на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя Ярослава Володимировича *Галискаго* Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сынозей.

Первая страница первого издания «Слова о полку Игореве»

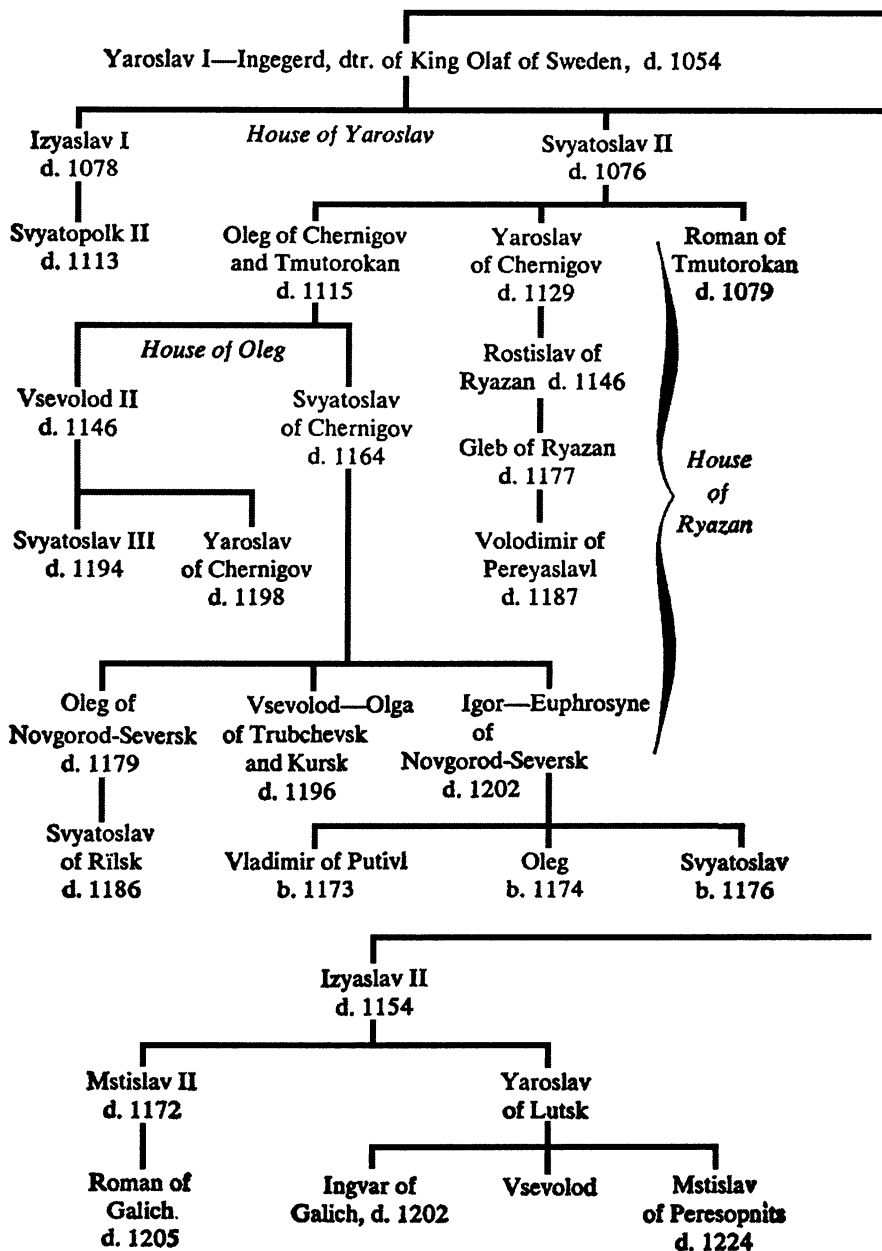
Index

The names and patronymics of Russian princes mentioned in The Song.

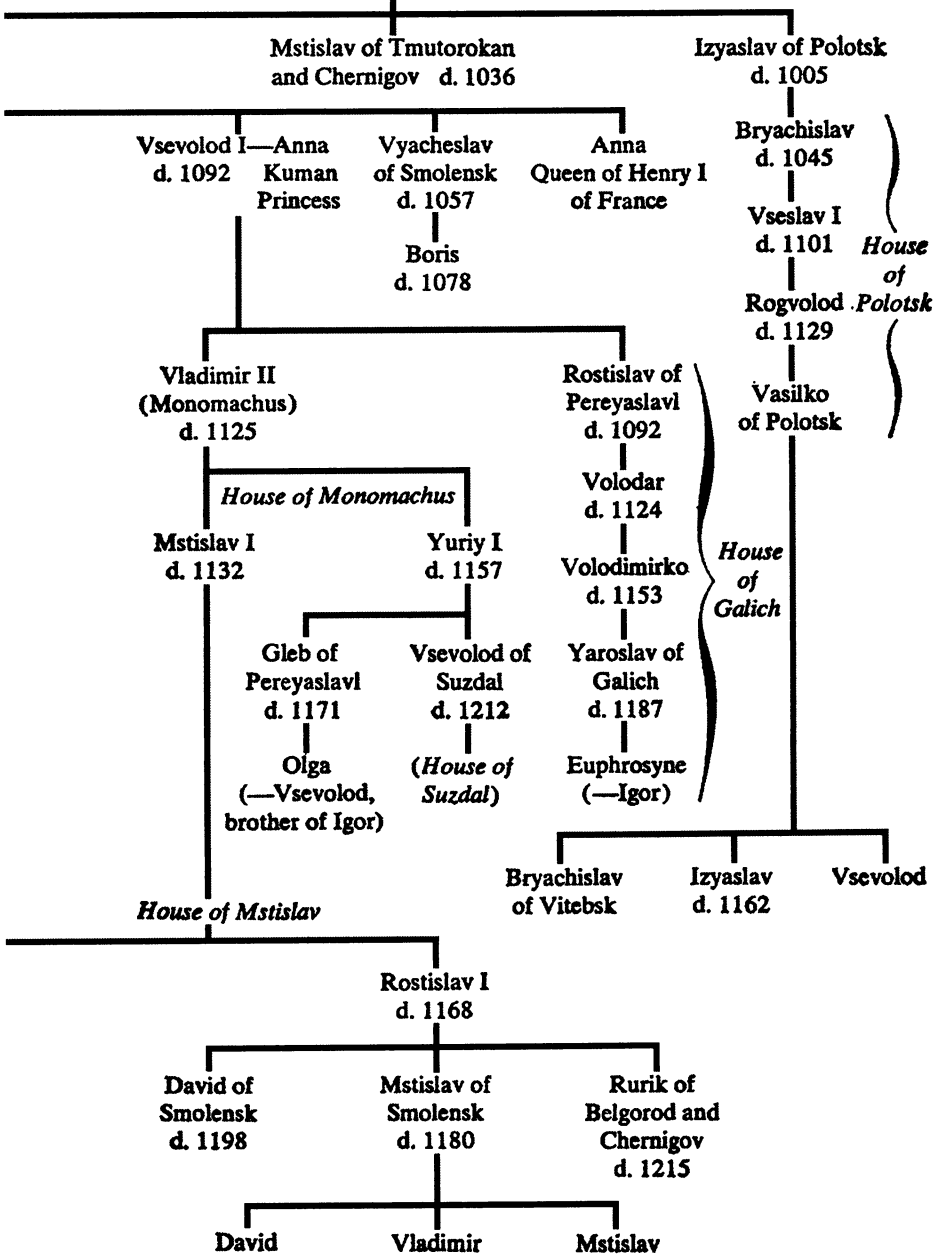
- Boris Vyacheslavich, *line 245.*
Bryachislav Vasil'kovich, *line 605.*
David Rostislavich, *lines 511, 685.*
Efrosiniya Yaroslavna, *see Yaroslavna.*
Glyebov (Glyebovich), *see Volodimir.*
Glyebov (Glyebovich), *line 510.*
Glyebovna, *line 229.*
Igor Svyatoslavich, *lines 4–5, 42, 61, 71, 73, 91, 94, 111, 131, 170, 285, 290, 326, 351–352, 378, 383, 455, 521–522, 540–541, 560, 565, 581–582, 733, 738–740, 745–746, 752, 766, 772, 776, 804, 840, 842, 847, 854.*
Ingvar Yaroslavich, *line 571.*
Izyaslav Vasil'kovich, *line 591.*
Izyaslav (I) Yaroslavich, *see Svyatopolk.*
Mstislav Rostislavich, *line 572.*
Mstislav Vladimirovich, *line 26.*
Mstislav Yaroslavich, *line 542.*
Oleg Igorevich, *line 428.*
Oleg Svyatoslavich, *lines 172, 233–234, 235, 249, 255, 834.*
Ol'ga Glyebovna, *see Glyebovna.*
Roman Mstislavich, *line 542.*
Roman Svyatoslavich, *lines 29–30.*
Rostislav Vsevolodich, *lines 797, 800.*
Ryurik (Rurik) Rostislavich, *lines 511, 685.*
Svyatopolk (II) Izyaslavich, *line 252.*
Svyatoslav Igorevich, *line 428.*
Svyatoslav (III) Vsevolodich, *lines 356, 370, 376, 391, 451, 715.*
Svyatoslav (II) Yaroslavich, *line 834.*
Vladimir Igorevich, *line 856.*
Vladimir (I) Svyatoslavich, *lines 41, 682.*
Vladimir (II) Vsevolodich, *line 242.*
Volodimir Glyebovich, *lines 494, 496.*
Vseslav Bryachislavich, *lines 595, 617, 627, 632, 659.*
Vsevolod Svyatoslavich, *lines 71, 72, 211, 221, 286, 351–352, 455, 855.*
Vsevolod Vasil'kovich, *line 606.*
Vsevolod Yaroslavich, *line 571.*
Vsevolod Yurievich, *line 497.*
Yaroslav Svyatoslavich, *line 834.*
Yaroslav (I) Vladimirovich, *lines 25, 232, 241, 648.*
Yaroslav Volodimirkovich, *lines 523, 617.*
Yaroslav Vsevolodich, *line 470.*
Yaroslavna, *lines 688, 697, 709, 720.*

PEDIGREE OF RUSSIAN TERRITORIAL PRINCES

in relation to
THE SONG OF IGOR'S CAMPAIGN

Rurik, founder of dynasty, d. 872
 Igor, d. 945
 Svyatoslav I, d. 972
 Vladimir I, d. 1015

В. П. Старк

РОДОСЛОВИЕ КНЯЗЕЙ,
УПОМИНАЕМЫХ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Настоящее родословие составлено на основе генеалогической схемы Набокова, дающей историческую опору художественному тексту, к которому она приложена, превращая его в исторический документ, позволяя ему быть не только источником художественным, но и строго научным. Набоковым она составлена, в свою очередь, на основе схемы, напечатанной в 1950 г. в приложении к «Слову» (изд. АН СССР, «Литературные памятники»), а также иностранных источников (см. издание «The Song of Igor's campaign», 1960, р. 24–25). Набоков вносит значительные дополнения и исправления в схему 1950 г.; он уточняет имена упоминаемых лиц и вносит даты, вовсе отсутствующие и т. д. Набоков включает в схему женские имена, позволяющие устанавливать родство, затерянное без них, он выводит родство многих на европейские союзы, опущенные в русской схеме 1950 года, эпохи тотального гонения на всякое проявление космополитизма, когда самое это понятие воспринималось как ругательное.

В русской схеме показан брат прадеда Игоря, Святослава, Владимир, между тем он племянник, сын младшего брата этого Святослава. Перенос этой ветви в другую часть схемы меняет всю картину движения князей «со стола на стол», схему княжения по городам и весям в Киевской Руси.

Учитывая ценность схемы, представляем ее перевод в виде поколенной росписи, традиционной для русской генеалогии (по долгоруковской схеме) с указанием порядкового номера князя или княжны и номера их отца. Открывает роспись легендарный Рюрик (№ 1) и завершает княжна Ефросинья Ярославна, вышедшая замуж за князя Игоря (№ 65). Их общий предок, как то явствует из росписи, — князь Ярослав Мудрый. В отношении каждого представленного лица приводятся только те сведения, которые даны в схеме, составленной Набоковым. Жирным шрифтом выделен князь Игорь с его предками и потомками, жирным курсивом — его жена Ефросинья и ее предки.

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ

I колено

1 **Рюрик, ум. 879**

II колено

2/1 **Игорь, ум. 945**

III колено

3/2 **Святослав, ум. 972**

IV колено

4/3 **Владимир I, ум. 1015**

V колено

5/4 **Ярослав I Мудрый, ум. 1054 .**

**Ж. Ингегерда. дочь Олафа, короля Швеции
(русское имя — Ирина)**

6/4 **Мстислав Черниговский и Тмутороканский,
Храбрый, ум. 1036**

7/4 **Изяслав Полоцкий, сын Рогнеды=Гориславы, дочери
полоцкого князя Рогволода, ум. 1005***

VI колено

8/5 **Изяслав I, ум. 1078**

9/5 **Святослав II, ум. 1076**

10/5 **Всеволод I, ум. 1092**

Ж. Анна Комнен, царевна

11/5 **Вячеслав Смоленский, ум. 1057**

12/5 **Анна, королева Франции**

М. Генрих I, король Франции

13/5 **Анастасия, королева Венгрии**

М. Андраш, король Венгрии

14/5 **Елизавета, королева Норвегии**

М. Гаральд, король Норвегии

15/7 **Брячислав Полоцкий, ум. 1045**

* Описка — надо 1001.

VII колено

- 16/8 Святополк II* , ум. 1113
17/9 **Олег Черниговский и Тмутороканский. ум. 1115**
18/9 Ярослав Черниговский, ум. 1129
19/9 Роман Тмутороканский («Красный Роман»), ум. 1079
20/10 Владимир I Мономах, ум. 1125
21/10 **Ростислав Переяславский, ум. 1092**
22/15 Всеслав I, ум. 1101

VIII колено

- 23/17 Всеволод II, ум. 1146
24/17 **Святослав Черниговский, ум. 1164**
25/18 Ростислав Рязанский, ум. 1146
26/20 Мстислав I, ум. 1132
27/20 Юрий (Долгорукий), ум. 1157
28/21 **Володарь, ум. 1124**
29/22 Рогволод, ум. 1129

IX колено

- 30/23 Святослав III (великий Киевский), ум. 1194
31/23 Ярослав Черниговский, ум. 1198
32/24 Олег Новгород-Северский, ум. 1179
33/24 Всеволод Трубчевский и Курский, ум. 1196
Ж. Ольга Глебовна (№ 53)
34/24 **Игорь Новгород-Северский, ум. 1202**
Ж. 1. из кипчаков-половцев, от нее 3 сына
2. Ефросинья Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла Галицкого
35/25 Глеб Рязанский, ум. 1177
36/26 Изяслав II, ум. 1154
37/26 Ростислав I, Смоленский, ум. 1168
38/27 Глеб Переяславский, ум. 1171
39/27 *Дочь, N.*
М. Ярослав Осмомысл Галицкий, ум. 1187
40/27 Всеволод Суздальский, ум. 1212
41/28 **Володимерко, ум. 1153**
42/29 Василько Полоцкий

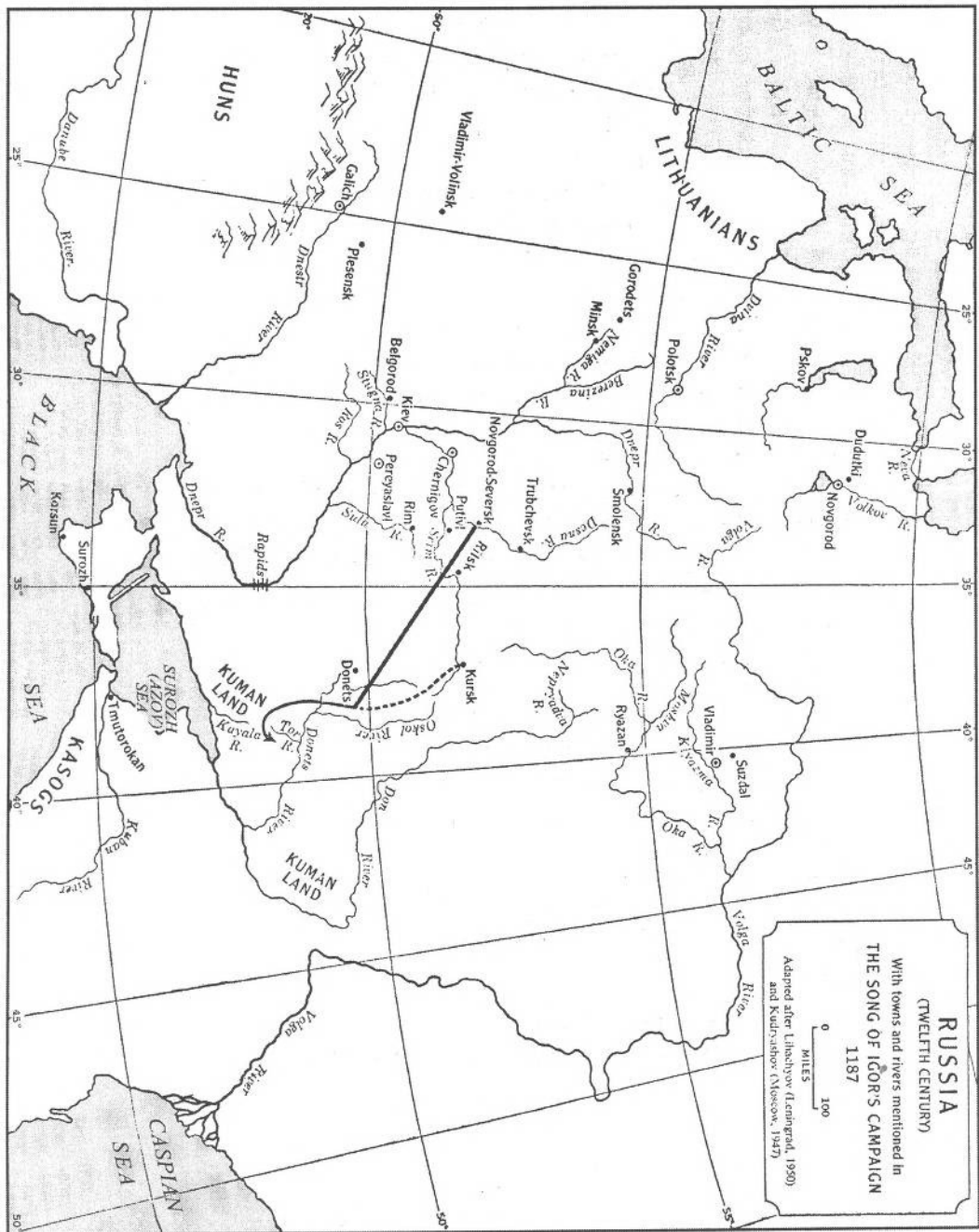
* Святополк I, Окаянный опущен у Набокова.

Х колено

- 43/32 Святослав Рыльский, р. 1166. ум. 1186
44/34 Владимир Путивльский, 1173 — 1212
45/34 Олег, р. 1174
46/34 Святослав, р. 1176
47/35 Володимир Переяславский, ум. 1187
Ж. Н., дочь Ярослава Черниговского (№ 31)
48/36 Мстислав II, ум. 1172
49/36 Ярослав Луцкий
50/37 Давид Смоленский, ум. 1198
51/37 Мстислав Смоленский, ум. 1180
52/37 Рюрик Белгородский и Черниговский.
«буй-Рюрик», ум. 1215
53/38 Ольга Глебовна
М. Всеволод Трубчевский и Курский (№ 33)
54/41 *Ярослав Галицкий Осмомysl, ум. 1187*
Ж. Н. (№ 39), дочь Юрия Долгорукого (№ 27)
55/42 Брячислав Витебский
56/42 Изяслав, ум. 1162
57/42 Всеволод

XI колено

- 58/48 Роман Галицкий, ум. 1205
Ж. Н., дочь № 52
59/49 Ингварь Галицкий, упомин. 1202
60/49 Всеволод
61/49 Мстислав Пересопницкий (?), ум. 1224
62/51 Давид
63/51 Владимир
64/51 Мстислав
65/54 *Ефросинья Ярославна*
М. Игорь Новгород-Северский (№ 34)

The Song of Igor's Campaign, Igor son of Svyatoslav and grandson of Oleg

Exordium

5

Might it not become us, brothers,
to begin in the diction of yore
the stern tale
of the campaign of Igor
Igor son of Svyatoslav?

Let us, however,
begin this song
in keeping with the happenings
of these times

10
Exordium
(concluded)

and not with the contriving of Boyan.
For he, vatic Boyan,
if he want to make a laud for one,
ranged in thought
[like the nightingale] over the tree;
15 like the gray wolf
across land;
like the smoky eagle
up to the clouds.

20 For as he recalled, said he,
the feuds of initial times,
“He set ten falcons
upon a flock of swans,
and the one first overtaken,
sang a song first” —
25 to Yaroslav of yore,
and to brave Mstislav
who slew Rededya
before the Kasog troops,
and to fair Roman
30 son of Svyatoslav.

To be sure, brothers,
Boyan did not [really]
set ten falcons
upon a flock of swans:
35 his own vatic fingers
he laid on the live strings,
which then twanged out by themselves
a paeon to princes

40 So let us begin, brothers,
this tale —
from Vladimir of yore
to nowadays Igor,
who girded his mind
with fortitude,
45 and sharpened his heart
with manliness;
[thus] imbued with the spirit of arms,
he led his brave troops
against the Kuman land
50 in the name of the Russian land.

*Boyan apos-
trophized*

O Boyan, nightingale
of the time of old!
If *you* were to trill [your praise of]
these troops,
while hopping, nightingale,
55 over the tree of thought;
[if you were] flying in mind
up to the clouds;
[if] weaving paeans around *these* times,
[*you* were] roving the Troyan Trail,
60 across fields onto hills;
then the song to be sung of Igor,
that grandson of Oleg [, would be]:

“No storm has swept falcons across
wide fields;
flock of daws flee toward the Great
Don”;
65 or you might intone thus,
vatic Boyan, grandson of Vêles:
“Steeds neigh beyond the Sula;
glory ring in Kiev;
trumpets blare in Novgorod[-Seversk];
70 banners are raised in Putivl.”

*Vsevolod's
speech*

Igor waits for his dear brother
Vsevolod.

And Wild Bull Vsevolod [arrives and]
says to him:
“My one brother, one bright brightness,
you Igor!
75 We both are Svyatoslav's sons.
Saddle, brother, your swift steeds.
As to mine, they are ready,
saddled ahead, near Kursk;
as to me Kurskers, they are famous
knights —
swaddled under war-horns,
80 nursed under helmets,
fed from the point of the lance;
to them the trails are familiar,
to them the ravines are known,
the bows they have are strung tight,
85 the quivers, unclosed,
the sabers, sharpened;
themselves, like gray wolves,
they lope in the field,
seeking for themselves honor,
90 and for their prince glory”.

*The Eclipse
and Igor's
speech*

95

Then Igor glanced up at the bright sun
and saw that from it with darkness
his warriors were covered.
And Igor says to his Guards:
"Brothers and Guards!
It is better indeed to be slain
than to be enslaved;
so let us mount, brothers,
upon our swift steeds,
and take a look at the blue Don."

100

105

A longing consumed the prince's mind,
and the omen was screened from him
by the urge of taste
of the Great Don:
"For I wish," he said,
"to break a lance
on the limit of the Kuman field;
with you, sons of Rus, I wish
either to lay down my head
or drink helmetful of the Don."

110

*Igor sets out;
accumula-
tion of
omens*

115

Then Igor set foot
in the golden stirrup
and rode out in the campaign.
The sun block his way with darkness.
Night, moaning ominously unto him,
awaken the birds;
the whistling of beasts [arises?];
[stirring?] the daeva calls
on the top of a tree,
bids hearken the land unknown —
the Volga,
and the [Azov] Seaboard,
and the Sula country,
and Surozh,
and Korsun,
and you, idol of Tmutorokan!

120

125

130

Meanwhile by untrodden roads
the Kumans make for the Great Don;
[their] wagons scream in the middle of
night;
one might say — dispersed swans.

Igor rides on

Igor leads Donward his warriors.
His misfortunes already
are forefelt by the birds in the
oakscrub.
135 The wolves, in the ravines,
conjure the storm.
The erns with their squalling
summon the beasts to the bones.
The foxes yelp
at the vermilion shields.
140 O Russian land,
you are already behind the culmen!

Long does the night keep darkling.
Dawn sheds its light.
Mist has covered the fields.
145 Stilled is the trilling of nightingales;
the jargon of jackdaws has woken.
With their vermilion shields
the sons of Rus have barred the great
prairie,
seeking for themselves honor,
150 and for their prince glory.

*The first
engagement*

Early on Friday
they trampled the pagan Kuman troops
and fanned out like arrows
over the field;
155 they bore off fair Kuman maidens
and with them, gold,
and brocades,
and precious samites.
By means of caparisons,
160 and mantlets,
and furred cloaks of leather
they started making plankings
to plank marshes
and miry spots
165 with all kinds of Kuman weaves.

A vermilion standard,
a white gonfalon,
a vermilion penant of [dyed] horsehair
and a silver hilt
170 [went] to [Igor] son of Svyatoslav.

*Night, and
dawn of
Saturday*

175

In the field slumbers
Oleg's brave aerie:
far has it flown!
Not born was it to be wronged
either by falcon or hawk
or by you, black raven,
pagan Kuman!
Gzak runs like a gray wolf;
Konchak lays out a track for him
to the Great Don.

180

On the next day very early
bloody effulgences
herald the light.
Black clouds come from the sea:
They want to cover
the four suns,
and in their throb blue lightnings.
There is to be great thunder,
there is to come rain in [the guise of]
arrows
from the Great Don.

185

190

*Saturday:
the Kumans
counter-
attack*
195

Here lances shall break,
here sabers shall blunt
against Kumar helmets,
on the river Kayala by the Great Don.
O Russian land,
you are already behind the culmen!

200

Now the winds, Stribog's grandsons,
in [the guise of] arrows waft from the
sea
against the brave troops of Igor!
The earth rumbles,
the rivers run slugily,
dust covers the fields.

205

The banners speak:
"The Kumans are coming
from the Don and from the sea and
from all sides!"

210

The Russian troops retreat.
The Fiend's children bar the field
with their war cries;
the brave sons of Rus bar it
with their vermilion shields.

*Vsevolod in
battle*

Fierce Bull Vsevolod!
You stand your ground,
you spurt arrows at warriors,
you clang on helmets
with sword of steel.
Wherever the Bull bounds,
darting light from his golden helmet,
there lie pagan Kuman heads:
cleft with tempered sabers
are [their] Avar helmets —
by you, Fierce Bull Vsevolod!

215
220
225
230
What wound, brothers,
can matter to one
who has forgotten
honors and life,
and the town of Chernigov —
golden throne of his fathers —
and of his dear beloved,
Gleb's fair daughter,
the wonts and ways!

*Recollections of
Oleg's feuds*

235
240
245
250
There have been the ages of Troyan;
gone are the years of Yaroslav;
there have been the campaigns of Oleg,
Oleg son of Svyatoslav.
That Oleg forged feuds with the sword,
and sowed the land with arrows.
He set foots in the golden stirrup
in the town of Tmutorokan:
a similar clinking
had been hearkened
by the great Yaroslav of long ago;
and Vladimir son of Vsevolod
every morn [that he heard it]
stopped his ears in Chernigov.
As to Boris son of Vyacheslav,
vainglory brought him to judgment
and on the Kanin [river]
spread out a green pall,
for the offence against Oleg,
the brave young prince.

*Recollections of
Oleg's feuds
(continued)*

- And from *that* Kayala
Svyatopolk had his father conveyed
— cradled between Hungarian pacers
[tandemwise] —
to St. Sophia in Kiev.
- 255 Then, under Oleg, child of Malglory,
sown were and sprouted discords;
perished the livelihood
of Dazhbog's grandson
among princely feuds;
260 human ages dwindled.
Then, across the Russian land,
seldom did plowmen shout [hup-hup
to their horses]
but often did ravens croak
as they divided among themselves the
cadavers,
265 while jackdaws announced in their
own jargon
that they were about to fly to the feed.
Thus it was in those combats
and in those campaigns,
but such a battle
270 had never been heard of.

*Termination
of battle*

- From early morn to eve,
and from eve to dawn,
tempered arrows fly,
sabers resound against helmets,
275 steel lances crack.
In the field unknown, midst the
Kuman land,
the black sod under hooves
was sown with bones
and irrigated with gore.
280 As grief they came up
throughout the Russian land.
- What dins unto me,
what rings unto me?
Early today, before the effulgences,
285 Igor turns back his troops:
he is anxious about his dear brother
Vsevolod.
They fought one day;
they fought another;
on the third, toward noon,
290 Igor's banners fell.

*Defeat and
Lamentations*

295 Here the brothers parted
on the bank of the swift Kayala.
Here was a want of blood-wine;
here the brave sons of Rus
finished the feast —
got their in-laws drunk,
and themselves lay down
in defense of the Russian land.

300 The grass droops with condolences
and the tree with sorrow
bends to the ground.
For now, brothers, a cheerless tide has
set in;
now the wild has covered the strong;
Wrong has risen among the forces
305 of Dazhbog's grandson;
in the guise of a maiden
[Wrong] has stepped into Troyan's
land;
she clapped her swan wings
on the blue sea by the Don,
310 [and] clapping, decreased rich times.

The strife of the princes
against the pagans
has come to an end,
for brother says to brother:
315 "This is mine,
and that is mine too,"
and the princes have begun to say
of what is small:
"This is big,"
320 while against their own selves
they forge discord,
[and] while from all sides with victories
the pagans enter the Russian land.

O, far has the falcon gone, slaying
birds:
325 to the sea!
But Igor's brave troops
cannot be brought back to life.
In their wake the Keener has wailed,
and Lamentation has overrun the
Russian land,
330 shaking the embers in the inglehorn.

*Lamenta-
tions
(concluded)*

335

The Russian women
have started to weep, repeating:
“Henceforth our dear husbands
cannot be thought of by [our] thinking,
nor mused about by [our] musing,
nor beheld by [our] eyes;
as to gold and silver
none at all shall we touch!”

340

And, brothers, Kiev groaned in sorrow,
and so did Chernigov in adversity;

345

anguish spread flowing
over the Russian land,
abundant woe made its way
midst the Russian land,
while the princes forged discord
against their own selves,
[and] while the pagans, with victories
prowling over the Russian land,

350

took tribute of one vair
from every homestead.

*Victories of
Svyatoslav
III recalled*

355

All because the two brave sons of
Svyatoslav,
Igor and Vsevolod,
stirred up the virulence
that had been all but curbed
by their senior,
dread Svyatoslav, the Great [Prince] of
Kiev,
[who kept the Kumans] in dread.

360

He beat down [the Kumans] with his
mighty troops

365

and steel swords;
invaded the Kuman land;
leveled underfoot
hills and ravines;
muddied rivers and lakes;
drained torrents and marshes;
and the pagan Kobyaka,
out of the Bight of the Sea,
from among the great iron Kuman
troops,
he plucked like a tornado,
and Kobyaka dropped in the town of
Kiev,
in the guard-room of Svyatoslav!

Igor blamed

Now the Germans,
and the Venetians,
now the Greeks,
and the Moravians
375 sing glory
to Svyatoslav,
but chide
Prince Igor,
for he let abundance sink
380 to the bottom of the Kayala,
[and] filled up Kuman rivers
with Russian gold.

Now Igor the prince
has switched
385 from a saddle of gold
to a thrall's saddle.
Pined away
have the ramparts of towns,
and merriment
390 has drooped.

*Svyatoslav's
dream*

And Svyatoslav saw a troubled dream
in Kiev upon the hills:
“This night, from eventide,
they dressed me,” he said, “with a black
pall
395 on a bedstead of yew.
They laddered out for me
blue wine mixed with bane.
From the empty quivers
of pagan tulks
400 they rolled great pearls
onto my breast,
and caressed me.
Already the traves
lacked the master-girder
405 in my gold-crested tower!

All night, from eventide,
demon ravens croaked.
On the outskirts of Plesensk
there was a logging sleigh,
410 and it was carried to the blue sea!”

*The Boyars
explain their
sovereign's
dream*

And the boyars said to the Prince:
"Already, Prince, grief has enthralled
the mind
for indeed two falcons
have flown off the golden paternal,
throne
415 in quest of the town of Tmutorokan —
or at least to drink a helmetful of the
Don.

Already the falcons' winglets
have been clipped
by the pagans' sabers,
420 and the birds themselves
entangled in iron meshes."

Indeed, dark it was
on the third day [of battle]:
two suns were murked,
425 both crimson pillars
were extinguished,
and with them both young moons,
Oleg and Svyatoslav,
were veiled with darkness
430 and sank in the sea.

"On the river Kayala
darkness has covered the light.
Over the Russian land
the Kumans have spread,
435 like a brood of pards,
and great turbulence
imparted to Hin.

"Already disgrace
has come down upon glory.
440 Already thralldom
has crashed down upon freedom.
Already the daeva
has swooped down upon the land.
And lo! Gothic fair maids
445 have burst into song
on the shore of the blue sea:
chinking Russian gold,
they sing demon times;
they lilt vengeance for Sharokan;
450 and already we, [your] Guards, hanker
after mirth."

*Svyatoslav's
speech*

Then the great Svyatoslav
let fall a golden word
mingled with tears,
and he said:
455 O my juniors, Igor and Vsevolod!
Early did you begin
to worry with swords the Kuman land,
and seek personal glory;
but not honorably you triumphed
460 for not honorably you shed
pagan blood.
Your brave hearts are forged of hard
steel
and proven in turbulence;
[but] what is this you have done
465 to my silver hoariness!

“Nor do I see any longer
the sway of my strong,
and wealthy,
and multimilitant
470 brother Yaroslav —

with his Chernigov boyars,
with his Moguts, and Tatrans,
and Shelbirs, and Topchaks,
and Revugs,
and Olbers;
475 for they without bucklers,
with knives in the legs of their boots,
vanquish armies with war cries,
to the ringing of ancestral glory.

“But you said:
480 ‘Let us be heroes on our own,
let us by ourselves grasp the anterior
glory
and by ourselves share the posterior
one.’
Now is it so wonderful, brothers,
for an old man to grow young?
485 When a falcon has moulted,
he drives birds on high:
he does not allow any harm
to befall his nest;
but here is the trouble:
490 princes are of no help to me.”

*The Author
apostrophizes con-
temporane-
ous princes*
495

Inside out have the times turned.
Now in Rim [people] scream
under Kuman sabers,
and Volodimir [screams]
under wounding blows.
Woe and anguish to you, [Volodimir]
son of Gleb!

Great prince Vsevolod!
Do you not think of flying here from
afar
to safeguard the paternal golden
throne?

500 For you can with your oars
scatter in drops the Volga,
and with your helmets
scoop dry the Don.
If you were here,
505 a female slave would fetch
one nogata,
and a male slave,
one rezana;
for you can shoot on land live bolts —
510 [these are] the bold sons of Gleb!

You turbulent Rurik, and [you] David!
Were not your men's gilt helmets
afloat on blood?
Do not your brave knights roar like
bulls
515 wounded by tempered sabers
in the field unknown?
Set your feet, my lords,
in your stirrups of gold
to avenge the wrong of our time,
520 the Russian land,
and the wounds of Igor,
turbulent son of Svyatoslav.

Eight-minded Yaroslav of Galich!
You sit high on your gold-forged
throne;
525 you have braced the Hungarian
mountains
with your iron troops;
you have barred the [Hungarian] king's
path;
you have closed the Danube's gates,
hurling weighty missiles over the clouds,
530 spreading your courts to the Danube.

Apostrophe
(continued)

- 535 Your thunders range
over lands;
you open Kiev's gates;
from the paternal golden throne
you shoot at sultans
beyond the lands.
Shoot [your arrows], lord,
at Konchak, the pagan slave,
to avenge the Russian land,
540 and the wounds of Igor,
turbulent son of Svyatoslav!
- And you, turbulent Roman, and
Mstislav!
A brave thought
carries your minds to deeds.
545 On high you soar to deeds
in your turbulence,
like the falcon
that rides the winds
as he strives in turbulence
550 to overcome the bird.
- For you have iron breastplates
under Latin helmets;
these have made the earth rumble,
and many nations —
555 Hins, Lithuanians, Yatvangians,
Dermners, and Kumans —
have dropped their spears
and bowed their heads
beneath those steel swords.
- 560 But already, [O] Prince Igor,
the sunlight has dimmed,
and, not goodly, the tree sheds its
foliage.
Along the Ros and the Sula
the towns have been distributed;
565 and Igor's brave troops
cannot be brought back to life!
The Don, Prince, calls you,
and summons the princes to victory.
The brave princes, descendants of
Oleg,
570 have hastened to fight.

*Apostrophe
(continued)*

Ingvar and Vsevolod,
and all three sons of Mstislav,
six-winged [hawks?] of no mean brood!
Not by victorious sorts
575 did you grasp your patrimonies.
Where, then, are your golden helmets,
and Polish spears, and shields?
Bar the gates of the prairie
with your sharp arrows
580 to avenge the Russian land
and the wounds of Igor,
turbulent son of Svyatoslav.

No longer indeed does the Sula flow
in silvery streams
585 for [the defense of] the town of
Pereyaslav;
and the Dvina, too,
flows marsh-like
for the erstwhile dreaded
townsmen of Polotsk
590 to the war cries of pagans.

*Iziaslav
recalled*

Alone Iziaslav son of Vasilko
made his sharp sword ring
against Lithuanian helments —
[only] to cut down the glory
595 of his grandsire Vseslav,
and himself he was cut down
by Lithuanian swords
under [his] vermilion shields,
[and fell] on the gory grass
600 [as if?] with a beloved one upon a bed.

And [Boyan] said:
“Your Guards, Prince,
birds have hooded with their wings
and beasts have licked up their blood.”
605 Neither your brother Bryachislav
nor your other one — Vsevolod — was
there;
thus all alone
you let your pearly soul drop
out of your brave body
610 through your golden gorget.

*Conclusion
of Apos-
trophe*

615

Despondent
are the voices;
drooped
has merriment;
[only?] blare
the town trumpets.

620

625

630

Yaroslav, and all the descendants of
Vseslav!

The time has come
to lower your banners,
to sheathe your dented swords.
For you have already departed
from the ancestral glory;
for with your feuds
you started to draw the pagans
onto the Russian land,
onto the livelihood
of Vseslav.

Indeed, because of those quarrels
violence came
from the Kuman land.

*Vseslav's
fate recalled*

635

640

645

650

In the seventh age of Troyan
Vseslav cast lots
for the damsel he wooed.
By subterfuge,
propping himself upon mounted
troops,
he vaulted toward the town of Kiev
and touched with the staff [of his lance]
the Kievan golden throne.

Like a fierce beast
he lept away from them [the troops?],
at midnight,
out of Belgorod,
having enveloped himself
in a blue mist.

Then a morn,
he drove in his battle axes,
opened the gates of Novgorod,
shattered the glory of Yaroslav,
[and] loped like a wolf
to the Nemiga from Dudutki.

*Vseslav's
fate
(concluded)*

655 On the Nemiga the spread sheaves
are heads,
the flails that thresh
are of steel,
lives are laid out on the threshing floor,
souls are winnowed from bodies.
Nemiga's gory banks are not sowed
goodly —
sown with the bones of Russia's sons.

660 Vseslav the prince judged men;
as prince, he ruled towns;
but at night he prowled
in the guise of a wolf.
Fron Kiev, prowling, he reached,
before the cocks [crew], Tmutorokan.
665 The path of Great Hors,
as a wolf, prowling, he crossed.
For him in Polotsk
they rang for matins early
at St. Sophia the bells;
670 but he heard the ringing in Kiev.

Although, indeed, he had
a vatic soul in a doughty body,
he often suffered calamities.
Of him vatic Boyan
675 once said, with sense, in the tag:
"Neither the guileful nor the skillful,
neither bird [nor bard],
can escape God's judgement."
Alas! The Russian land shall moan
680 recalling her first years
and first princes!
Vladimir of yore, he,
could not be nailed to the Kievan hills.
Now some of his banners
685 have gone to Rurik and others to David,
but their plumes wave in counterturn.

Lances hum on the Dunay.
The voice of Yaroslav's daughter is
heard;
like a cuckoo, [unto the field?]
unknown,
690 early she calls.

*Euphros-
yne's incan-
tation*

- 695 "I will fly, like a cuckoo," she says,
"down the Dunay.
I will dip my beaver sleeve
in the river Kayala.
I will wipe the bleeding wounds
on the prince's hardy body."
Yaroslav's daughter early weeps,
in Putivl on the rampart, repeating:
- 700 "Wind, Great Wind!
Why, lord, blow perversely?
Why carry those Hinish dartlets
on your light winglets
against my husband's warriors?
Are you not satisfied
to blow on high, up to the clouds,
rocking the ships upon the blue sea?
Why, lord, have you dispersed
my gladness all over the feather grass?"
710 Yaroslav's daughter early weeps,
in Putivl on the rampart, repeating:
- 715 "O Dnepr, famed one!
You have pierced stone hills
through the Kuman land.
You have lolled upon you
Svyatoslav's galleys
as far as Kobyaka's camp.
Loll up to me, lord, my husband
that I may not send my tears
seaward thus early."
720 Yaroslav's daughter early weeps,
in Putivl on the rampart, repeating:
- 725 "Bright and thrice-bright Sun!
To all you are warm and comely;
Why spread, lord, your scorching rays
on [my] husband warriors;
[why] in the waterless field
parch their bows
with thirst,
close their quivers
730 with anguish?"

*Igor's
escape*

735 The sea plashed at midnight;
waterspouts advance in mists;
God [?] points out to Igor
the way from Kuman land
to the Russian land,
to the paternal golden throne.

740 The evening glow has faded:
Igor sleeps;
Igor keeps vigil;
Igor in thought measured the plains
from the Great Don
to the Little Donets;
[bringing] a horse in midnight,
Ovlur whistled beyond the river:
745 he bids Igor heed —
Igor is not to be [held in bondage].
[Ovlur] called,
the earth rumbled,
the grass swished,
750 the Kuman tents stirred.

755 Meanwhile, like an ermine,
Igor has sped to the reeds,
and [settled] upon the water
like a white duck.
He leaped upon the swift steed,
and sprang off it,
[and ran on,] like a demon wolf,
and sped to the meadowland of the
Donets,
760 and, like a falcon,
flew up to the mists,
killing geese,
and swans,
for lunch,
and for dinner,
765 and for supper.

770 And even as Igor, like a falcon, flew,
Vlur, like a wolf, sped,
shaking off by his passage the cold
dew;
for both had worn out
their swift steeds.

Igor's escape
(continued)

- Says the Donets:[^]
"Prince Igor!
Not small is your magnification,
and Konchak's detestation,
and the Russian land gladness."
775
- Igor says:
"O Donets!
Not small is *your* magnification:
you it was who lolled
780 a prince on [your] waves;
who carpeted for him
with green grass
your silver banks;
who clothed him
785 with warm mists
under the shelter of the green tree;
who had him guarded
by the golden-eye on the water,
the gulls on the currents,
790 the [crested] black ducks on the winds.
- Not like that," says [Igor],
"is the river Stugna:
endowed with a meager stream,
having fed [therefore]
795 on alien rills and runnels,
she rent between bushes
a youth, prince Rostislav,
imprisoning him.
On the Dnepr's dark bank
800 Rostislav's mother weeps the youth.
Pined away have the flowers with
condolement,
and the tree has been bent to the
ground with sorrow."
- No chattering magpies are these:
on Igor's trail
805 Gzak and Konchak come riding.
Then the ravens did not caw,
the grackles were still,
the [real] magpies did not shatter;
only the woodpeckers, in the osiers
climbing,
810 with taps marked [for Igor] the way to
the river.

Igor's escape
(continued)

The nightingales
with gay songs
announce the dawn.

- 815 Says Gzak to Konchak:
"Since the falcon to his nest is flying,
let us shoot dead the falcon's son
with our gilded arrows."
Says Konchak to Gza [*sic*]:
820 "Since the falcon to his nest is flying,
why, let us entoil the falconet
by means of a fair maiden."
And says Gzak to Konchak:
"If we entoil him,
825 by means of a fair maiden,
neither the falconet,
nor the fair maiden,
shall we have,
while the birds will start
to beat us
830 in the Kuman field."

Igor's return

- Said Boyan, song-maker
of the times of old,
[of the campaigns] of the kogans
— Svyatoslav, Yaroslav, Oleg:
835 "Hard as it is for the head
to be without shoulders
bad it is for the body
to be without head,"
— for the Russian land
840 to be without Igor.

- The sun shines in the sky:
Prince Igor is on Russian soil.
Maidens sing on the Danube;
[their?] voices weave
845 across the sea
to Kiev.
Igor rides up the Borichev [slope]
to the Blessed Virgin of the Tower;
countries rejoice,
850 cities are merry.

Conclusion

After singing a song
to the old princes
one must then sing to the young:

855 Glory to Igor son of Svyatoslav;
 to Wild Bull Vsevolod;
 to Vladimir son of Igor!
 Hail, princes and knights
 fighting for the Christians
 against the pagan troops!
860 To the princes glory, and to the knights
 [glory] — Amen.

Arthur Luther

Die Mär
von der Heerfahrt
Agors

Illustrationen von Natalia Gontscharowa

N. Gontcharova.

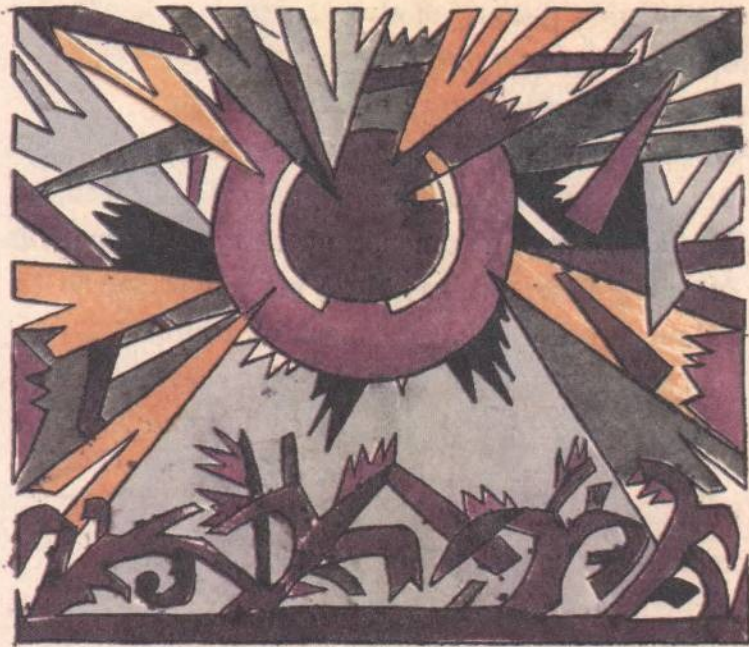

Слово о плъкѹ Игоревѣ,
Игоря сына Святъславля,
внѹка Ольгова

Не лѣпо ли ны вѣшетъ, вратне,
начати старыми словеси
трудныхъ повѣстий о плъкѹ Игоревѣ,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тѣй пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышленію Бояню.

Боянъ во вѣщій,
аще кому хотяше пѣснь творити,
10 то растѣкашеться мыслию по древу,
сѣрымъ вѣлкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть во, рече,
първыхъ временъ ѹсовницѣ.
Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй:
которыи дотечаше,
та преди пѣснь пояше
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
20 иже зарѣза Редюю предѣ пѣлки касожьскими,
красному Романови Святѣславичю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедѣй пущаше,
нѣ своя вѣщиа прѣсты
на живая струны вѣскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.
Почнемъ же, братие, повѣсть сию
от стараго Владимира до нынѣшняго Игоря,
иже истягну ѹмъ крѣпостию своею
30 и поостри сердца своего мужествомъ;
напѣнився ратнаго дѹха,
наведе своя храбрыя плѣкы
на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

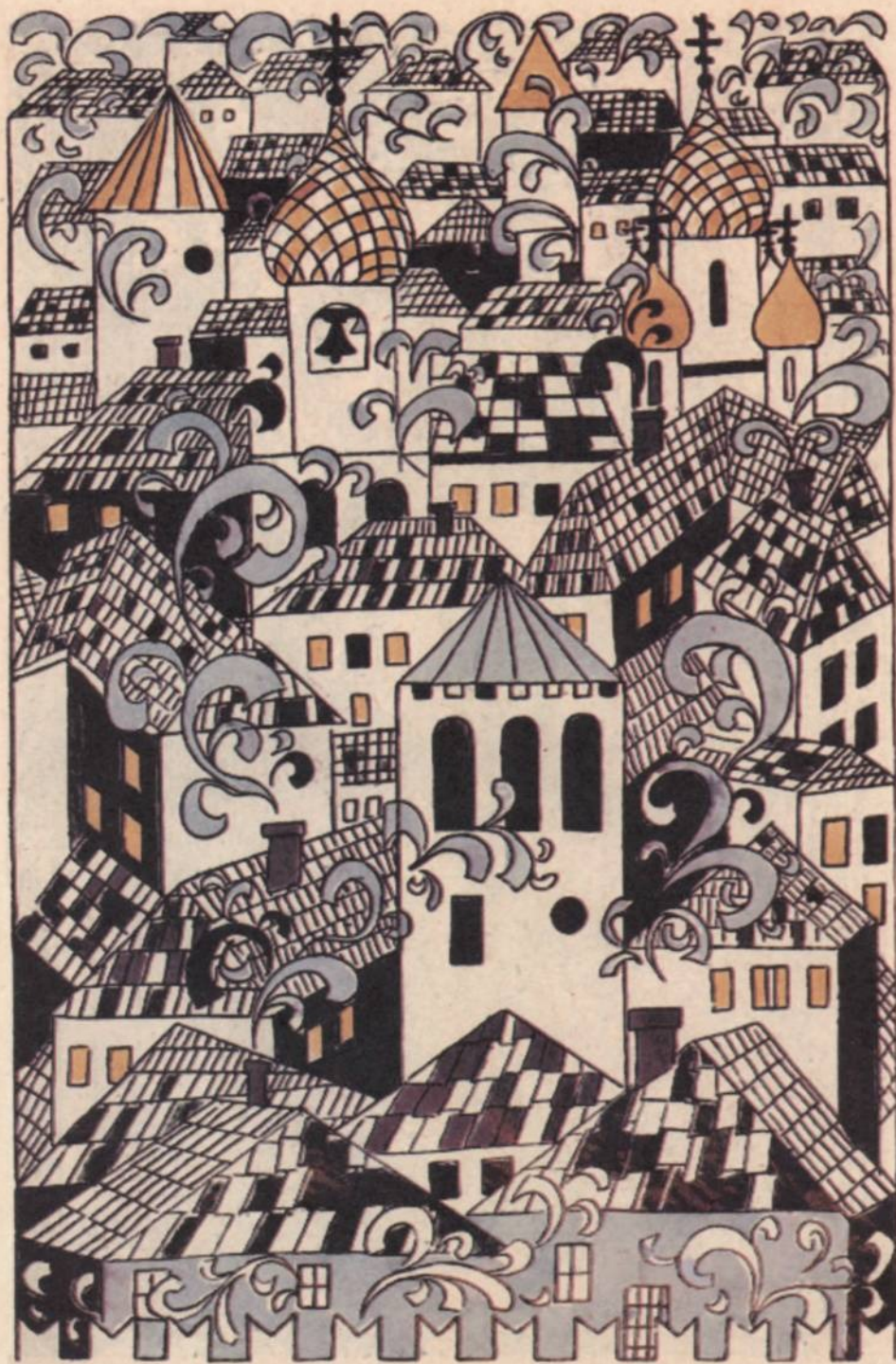
Тогда Игорь възрѣ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
40 Братие
и дружино!
Лүце жь вы потятү быти,
неже полоненү быти;
а всядемъ, братие,
на свои врьзья комони,
да позримъ
синего Донү.

50 Спалъ князю үмь похоти
и жалость емү знамение заступни
искусити Донү великаго.
Хощү во, — рече, — копие приломити
конецъ поля Половецкаго,
съ вами, рүсици, хощү главү свою приложити,
а лубо испити шеломомъ Донү.

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сна плъкы ўщекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая ўмомъ подъ облакы,
60 свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви,
того вѣку:
Не бѣря соколы занесе
чрезъ поля широкая, —
галици стады вѣжать
къ Дону великому.
70 Чи ли вѣспѣти было,
вѣщей Бояне,
Велесовъ вѣче:
Комони ржѣть за Сүлою, —
звенить слава въ Киевѣ;
трѣбы трѣвять въ Новѣградѣ, —
стоять стязи въ Пүтивлѣ!

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему бѣи тѣрѣ Всеволодѣ:
Одинъ братъ,
80 одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорю!
оба есѣ Святъславличя!
Сѣдлай, брате,
свои вѣзые комони,
а мон ти готови,
осѣдлани ў Курьска напереди.
А мон ти кѣряни свѣдоми къмети:
подъ трѣбами повити,
подъ шеломы вѣзлѣлѣяни,
конецъ копия вѣскрѣмлени,
90 пүти имъ вѣдоми
ярүгы имъ знаѣми,
лүци ў нихъ напряжени,
түли отворени,
сагли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влѣци в полѣ,
ищүчи себе чти, а князю славѣ.

N. Gonichev et al.

Тогда въстѹпи Игорь князь въ златъ стремень,
и поѣха по чистомѹ полю.
Солнце емѹ тѣмою пѹть застѹпаше;
100 ночь стонѹщи емѹ грозою птичь ѹбѹди;
свистъ звѣринъ вѣста;
збися дивъ,
кличетъ врѣхѹ древа:
велитъ послушати — земли незнаемъ,
Блѣзъ,
и Поморню,
и Посѹлию,
и Сѹрожѹ,
и Корсѹню,
110 и тебѣ, Тьмѹтораканьскый блѣванъ!
А половци неготовами дорогами
повѣгоша къ Донѹ великомѹ:
крычатъ тѣлѣгы полѹнощы,
рци, лебеди распѹщени.
Игорь къ Донѹ вои ведетъ!

Уже бо вѣды его пасетъ птицъ
 по дубню;
 влъци грозѹ въсрожатъ
 по ярѹгамъ
 орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ;
 лисици врешѹтъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мръкнетъ.
 Заря свѣтъъ запала.
 Мъгла поля покрыла.
 Щекотъ славнй ѹспе;
 говоръ галичъ ѹвѹди.
 Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,
 нищѹчи севѣ чти, а князю славы.

130

Съ зараня въ пятокъ
потопташа поганяя плъкы половецкыя,
и рассушыя стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвки половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтъмами,
и япончицами,
и кожухы

140

начаша мосты мостити по волотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякими ѱзорочьи половецкыми.
Чрьленъ стягъ,
вѣла хорюговъ,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храврому Святъславличю!

.r.gontcherov.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хорокрое гнѣздо.
Далече залетѣло!

150 Не было оно обидѣ порождено
ни соколѹ,
ни кречетѹ,
ни тебѣ, чръный воронѣ,
поганный половчине!

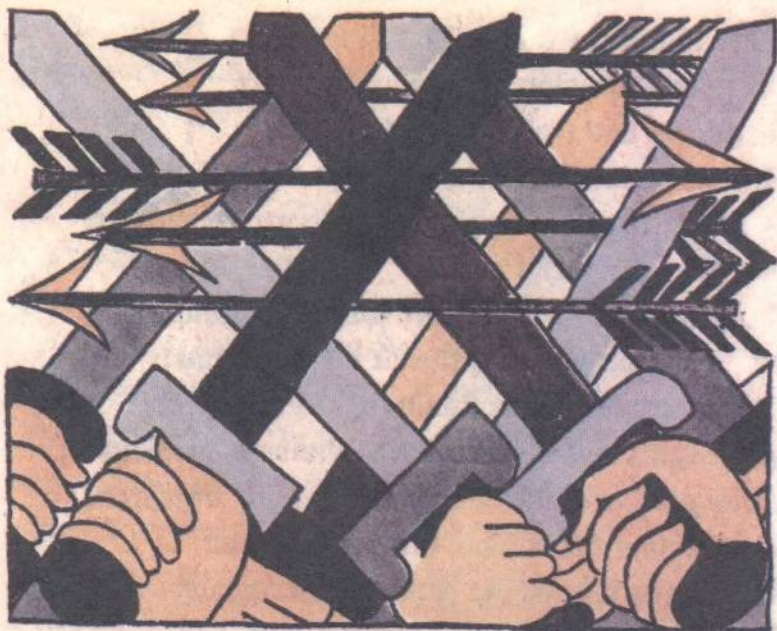
Гзакъ вежитъ сѣрымъ влъкомъ,
Кончакъ емѹ слѣдъ правитъ къ Донѹ великомѹ.
Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
чръныя тучя съ моря идутъ,
160 хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещутъ синни мълнии.
Быти громѹ великомѹ!
Итти дождю стрѣлами съ Донѹ великаго!
Тѹ ся кониемъ приламати,
тѹ ся савлямъ погрѹчяти
о шелома половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ,
ѹ Донѹ великаго!

О Рѹская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

170 Се вѣтри, Стривожи внѹци, вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плѣкы Игоревы.
Земля тѹтнетъ,
рѣкы мѹтно текѹтъ,
пороси поля прикрываютьъ,
стязи глаголютъ:
половци идѹтъ отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ Рѹскыя плѣкы остѹпиша.
Дѣти вѣсови кликомъ поля прегородиша,
180 а храбрии Рѹсици преградиша чрълеными щиты.

Яръ түре Всеволодъ!
стонши на борони,
прыщещи на вон стрѣлами,
гремлеши о шелома мечи харалужными!
Камо, түръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвячивая,
тамо лежатъ поганяя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шелома оварьскыя
отъ тебе, яръ түре Всеволоде!
190 Кая раны дорога, братне, забывъ чти
и живота,
и града Чрънигова отня злата стола,
и своя милья хоти, красныя Глѣбовны,
свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
минула лѣта Ярославля;
были пльци Олговы,
Ольга Святъславличя.

Тѣи во Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.

200 Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмѣтороканѣ,
той же звонъ слыша давный великий Ярославъ,
а сынъ Всеволожъ Владимиръ
по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову,
хравра и млада князя.

A. Goltschikov

210 Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ яти отца своего
между угорьскими иноходьци
ко святѣй Софии къ Киеву.

Тогда, при Олѣ Гориславичи
сѣяшеться и растяшеть ѹсобицами,
погибашеть жизнь Дажьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ вѣщи человѣкомъ скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть,
трупна севѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотятъ полетѣти на ѹдне.

220 То было въ ты рати и въ ты плѣкы,
а сицей рати не слышано!

Съ заранна до вечера,
съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя,
grimлютъ сабли о шелома,
трещатъ копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.

230 Чръна земля подѣ копыты костьми была постѣяна,
а кровню поляна:
тѹгоу взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предѣ зорями?

Игорь плѣкы заворочаетъ:
жаль бо емѹ мила брата Всеволода.
Бишася день,
вишася дръгый;
третьяго дни къ полѹднию падоша стязи Игоревы.

240 Тү ся брата разлүчиста на врезѣ выстрой Каялы;
тү кроваваго вина не доста;
тү пирѣ докончаша храврини рүсичи:
сваты попонша, а сами полегоша
за землю Рүскую.
Ничить трава жалощами,
а древо с түгою къ земли преклонилось.

Үже бо, братие, не веселая годна вѣстала,
үже пүстыни силу прикрыла.
Вѣстала обида вѣ силахѣ Дажьвожа внука,
250 встүпила дѣвою на землю Трояню,
вѣсплескала левединими крылы
на синѣмѣ море ү Донү
плещүчи, үпүди жирня времена.

Усовица княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо вратъ врату:

Се мое, а то мое же.

И начяша князи про малое

се великое млъвити,

а сами на себѣ крамолу ковати.

260 А погани съ всѣхъ странъ приходяху съ повѣдами
на землю Рүскюю.

О, далече зайде соколъ, птиць бя, — къ морю!

А Игорева храбраго плъкү не крѣсити!

За нимъ кликнү Карна и Жля,

поскочи по Рүской земли,

смагү людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.

Жены рѹския въсплакашась, аркѹчи:
Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смысланти,
ни дѹмою сдѹмати,
ни очима сѣглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати.

А въстона бо, братие, Киевъ тѹгою,
а Черниговъ напастъми.
Тоска разлияся по Рѹской земли;
печаль жирна тече средь земли Рѹскыи.
А князи сами на себе крамолю коваху,
а погании сами,
повѣдами нарищѹще на Рѹскѹю землю,
емляху дань по вѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,
Игорь и Всеволодъ —
уже лжѹ чѹвѹдиста которою,
тѹ вѣше чѹспилъ отецъ ихъ —
Святъславъ грозный великий киевскый грозюю:
вѣшетъ притрепалъ своими сильными плѣкы
и харалѹжными мечи;
настѹпи на землю Половецкѹю,
притопта хлѣми и ярѹгы,
взмѹти рѣкы и озеры
иссѹши потоки и волота.
А поганаго Ковяка изъ лѹкѹ моря
отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкыхъ
яко вихрь, выторже:
и падесе Ковякъ въ градѣ Киевѣ,
въ гриднищѣ Святъславли.

Тү нѣмци и венедици,
тү греци и морава
поють славу Святѣславлю,
кають князя Игоря,
иже погрѹзи жирѣ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя,
рѹскаго злата насыпаша.
Тү Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощнево.
Үныша во градомѣ забралаы,
а веселие пониче.

А Святъславъ мѹтень сонъ видѣ
въ Киевѣ на горахъ.
310 Си ночь съ вечера одѣвахѹтъ мя, — рече, —
чрѣною паполомою
на кровати тисовѣ;
чрѣпахѹтъ ми синее вино,
съ трѹдомъ смѣшено,
сыпахѹтъ ми тѣщими тѹлы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгъ на лоно
и нѣгѹють мя.
Уже дѣски безъ кнѣса
въ моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ.
320 Всю ночь съ вечера
бѹсови врани възгряяхѹ ꙗ Палѣсньска,
на волони бѣша дѣврѣ кияня,
и несошася къ синемѹ морю.

И ркоша бояре князю:
Уже, княже, туга умь полонила;
се во два сокола слѣтѣста
съ отня стола злата
поскати града Тьмѣтороканя,
а любо испити шеломомь Доню.
330 Уже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблями,
а самаю опѣташа
въ пѣтины желѣзны.

Темно во вѣ в 3 день:
два солнца помѣркоста,
оба багряная стѣпа погасоста
и съ нима молодая мѣсяца,
Олегъ и Святѣславъ,
тьмою ся поволокоста
340 и въ морѣ погрузиста,
и великое бѣство подаста хинови.
На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла;
по Руской земли прострошася половци,
аки пардуже гнѣздо.
Уже снесесе хѣла на хвалѣ;
уже треснѣ нѣжда на волю;
уже връжесе дивь на землю.
Се во готьскыя красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синемѣ морю:
350 звоня рускимъ златомъ,
поютъ время Бусово,
лебѣютъ мѣсть Шароканю.

А мы уже, дружина, жадни веселія!

Тогда великий Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смѣшено
и рече:

360 О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкюю землю
мечи цвѣлнн,и,
а себѣ славы искати.

Нѣ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганюю пролиясте.
Ваю храврая сердца
въ жестоцемъ харалүзѣ скована,
а въ бѣсти закалена.

370 Се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ?
А үже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовои
брата моего Ярослава,
съ черниговскими былями,
съ могүты,
и съ татраны,
и съ шельвиры,
и съ топчакы,
и съ реүгы,
и съ ольберы.

380 Тии бо вес щитовъ съ засапожники
кликомъ плѣкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Нѣ рекосте: Мүжаймѣся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подѣлимъ!
А чи диво ся, братие, старү помолодити?
Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ,
высоко птицъ възвнваетъ:
не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

390 Нѣ се зло — княже ми непосовнѣ:
наниче ся години обратиша.
Се ꙗ Римъ кричатъ подѣ савлями половецкыми,
а Володимиръ подѣ ранами.

Тѹга и тоска сынꙗ Глѣбовꙗ!

Большой княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча
отня злата стола повлѹсти?
Ты во можеша Волгꙗ веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!

400 Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногатѣ,
а кощей по резанѣ.

Ты во можеша посухꙗ
живыми шерешеры стрѣляти,
ꙗдалыми сыны Глѣбовы.

Ты бꙗи Рюриче и Давыде!

Не ваю ли вон
зачеными шеломы по крови плаваша?

410 Не ваю ли храбрая дрꙗжина
рыкаютъ акы тꙗри,
ранены савлями калеными
на полѣ незнаемѣ?

Встꙗпнѣ, господина, въ злата стремь
за обидꙗ сего времени,
за землю Рꙗскꙗю,
за раны Игоревы,
всего Святъславича!

Галничкы Осмомыслѣ Ярославѣ!

420 Высоко сѣдиши
на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
своими желѣзными пѣлки,
застꙗпнѣвъ королеви пꙗтъ,
затворивъ Дꙗнаю корота,
меча времени чрезъ облакы,
сꙗды рядя до Дꙗная.

Грозы твоя по землямъ текуть,
отворяши Киевѹ врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
430 салтъани за землями.
Стрѣлай, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
всего Святъславича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ бѣсти,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяеся,
440 хотя птицю въ бѣствѣ одолѣти.
Суть бо ѹ ваю желѣзныи паровци
под шеломы латиньскими.
Тѣми тресну земля,
и многы страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сѹлицы своя поврѣгоша,
450 а главы своя подклониша
подъ тьи мечи харалужныи.

Нъ ѹже, княже Игорю,
ѹгрѣпѣ солнцю свѣтѣ,
а древо не бологомъ листовне срони:
по Рси и по Сѹли гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плѣкѹ не крѣсити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветъ князи на побѣдѹ.
Олговичи, храбыи князи, доспѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ
и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрилиці!
Не повѣдными жребии
совѣ власти расхытитесте!
Кое ваши златыи шеломы
и сѹлицы ляцкын
и щиты?

Загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
всего Святъславича!

Уже во Сѹла не течеть сревреными струями
къ граду Переяславу,
и Двина волотомъ течеть
онимъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.

480 Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
о шеломи литовскыя,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскими мечи
и с хотиоу на кровъ,
а тѣи рекъ:

Дружинѹ твою, княже,
птиць крилы приодѣ,
а звѣри кровь полизаша.

490 Не высть тѹ врата Брячеслава,
ни дрѹгаго Всеволода:

единъ же изрони жемчюжнѹ дѹшѹ
изъ храбра тѣла
чресъ золото ожереліе.

Уныли голоса,
пониче веселіе,
трубы трувятъ городеньскіи.

Ярослави и вси внуце Всеслави!
Уже понизите стязи свои,
500 вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславию.
Которою бо бѣше насиліе
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жревий
510 о дѣвицю себѣ любу.
Тѣй клюками подпрѣ ся о кони
и скочи къ граду Києву
и дотчеса стрѹжемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ пѣночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися синѣ мьглѣ;
цтрѣ же возни стрикусы, —
отвори врата Новуградѹ,
520 разшире славѹ Ярославѹ,
скочи влѣкомъ
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютьъ головами,
молотятъ чепи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ,
вѣють дѣшу отъ тѣла.
Немизѣ кровави врезѣ
не бологомъ вяхутъ постѣяни,
постѣяни костями рѣскихъ сыновъ.

530 Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмѣтороканя,
великому Хрѣсови влъкомъ пѣть прерыскаше.
Тому въ Полотѣскѣ позвониша заутренюю рано
у святыхъ Гофен въ колоколы,
а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща дѣша въ дрѣзѣ тѣлѣ
нѣ часто вѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ
540 и прѣвое припѣвкѣ, смысленый, рече:
Ни хытрѣ,
ни гораздѣ,
ни птицю гораздѣ
сѣда вожна не минѣти.

О стонати Рѣской земли,
помянувшѣ прѣвѣю годинѣ
и прѣвѣхъ князей!
Того стараго Владимира
нелзѣ вѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ:
550 сего во нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а дрѣзни — Давидовы,
нѣ розно ся имѣ хоботы пашѣтъ.

Копна поютъ!

На Дѣнанъ Ярославнынѣ гласѣ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычѣтъ:

Полечю, — рече, — зегзицею по Дүнаевн,
омочю беврянъ рүкавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
үтгү князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

560

Ярославна рано плачеть
въ Пүтивлѣ на забралѣ, аркүчи:
О вѣтрѣ, вѣтрило!
Чемү, господине, насильно вѣеши?

Чемү мычешн хиновьскыя стрѣлки
на своєю нетрудною крилицю
на моя лады вои?

Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти,
лелѣючи коравли на синѣ морѣ?

570

Чемү, господине, мое веселне
по ковылиню развѣя?

Ярославна рано плачеть
Пүтивлю городу на заборолѣ, аркүчи:

x gontcharovs.

О Днепре Словутницю!
Ты провилъ еси каменныя горы
сквозъ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на севѣ Святослави насады
до плькы Ковякова.
Възлелѣй, господине, мою ладѹ къ мнѣ,
а выхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

580

Ярославна рано плачетъ
въ Пугтивлѣ на забралѣ, аркѹчи:
Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячюю свою лѹчию
на ладѣ вон?
Въ полѣ безводнѣ жаждую имъ лѹчи съпряже,
тѹгою имъ тѹли затче?.

590 Прысну море полунощи;
идутъ сморци мъглами.
Игоревн князю вогъ пѣтъ кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ огню злату столу.

Погасоша вечеру зори.
Игорь спитъ,
Игорь вѣдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.
600 Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою;
велитъ князю разумѣти:
князю Игорю не бытъ!
Кликну,
стѣкну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.

А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию
и бѣлымъ гоголемъ на воду.
610 Въврѣжеса на врѣзъ комонь,
и скочи съ него бѣсымъ вѣлкомъ.
И потече къ лѣгѣ Донца,
и полетѣ соколомъ подѣ мъглами,
избивая гѣси и леведи
завтрокѣ,
и обѣдѣ,
и ѣжинѣ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влѣръ вѣлкомъ потече,
620 трѣся собою стѣденѣю росѣ:
претрѣгоста бо своя врѣзая комоня.

Донецъ рече:
Княже Игорю!
Не мало ти величя,
а Кончакѣ нелюбия,
а Рѣской земли веселиа.

Игорь рече:
О Донче!
Не мало ти величя,
630 лелѣявшѣ князя на вѣлнахѣ,
стлавшѣ емѣ зелѣнѣ травѣ
на своихѣ сребренныхѣ брезѣхѣ,
одѣбавшѣ его теплыми мъглами
подѣ стѣнню зеленѣ древѣ;
стрѣжаше его гоголемъ на водѣ,
чайцами на стрѣяхѣ,
чрънядьми на ветрѣхѣ.

x. Goutcharova.

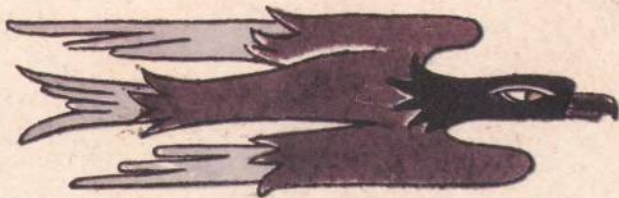
Не тако ти, рече, рѣка Стѹгна;
х҃уду струю имѣя,
640 пожрѣши ч҃ужи р҃учьи и стругы,
рострена к҃ устью,
унош҃у князю Ростислав҃у затвори.
Днѣпръ темнѣ верезѣ
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жаловою
и древо с т҃угою к҃ъ земли прѣклонилось.

А не сороки втроскоташа:
на слѣду Игоревѣ в҃зднѣтъ Гзакъ съ Кончакомъ.
650 Тогда врани не граах҃утъ,
галици помлѣкоша,
сороки не троскоташа,
полозие ползаша только.
Дятлове тектомъ п҃уть к҃ъ рѣцѣ каж҃утъ,
соловини веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ.

Млѣвитъ Гзакъ Кончакови:
Аже соколъ к҃ъ гнѣзду летитъ, —
соколича рострѣляевѣ
своими злаченными стрѣлами.

660 Рече Кончакъ ко Гзѣ:
Аже соколъ к҃ъ гнѣзду летитъ,
а вѣ соколца оп҃таевѣ
красною дивницею.

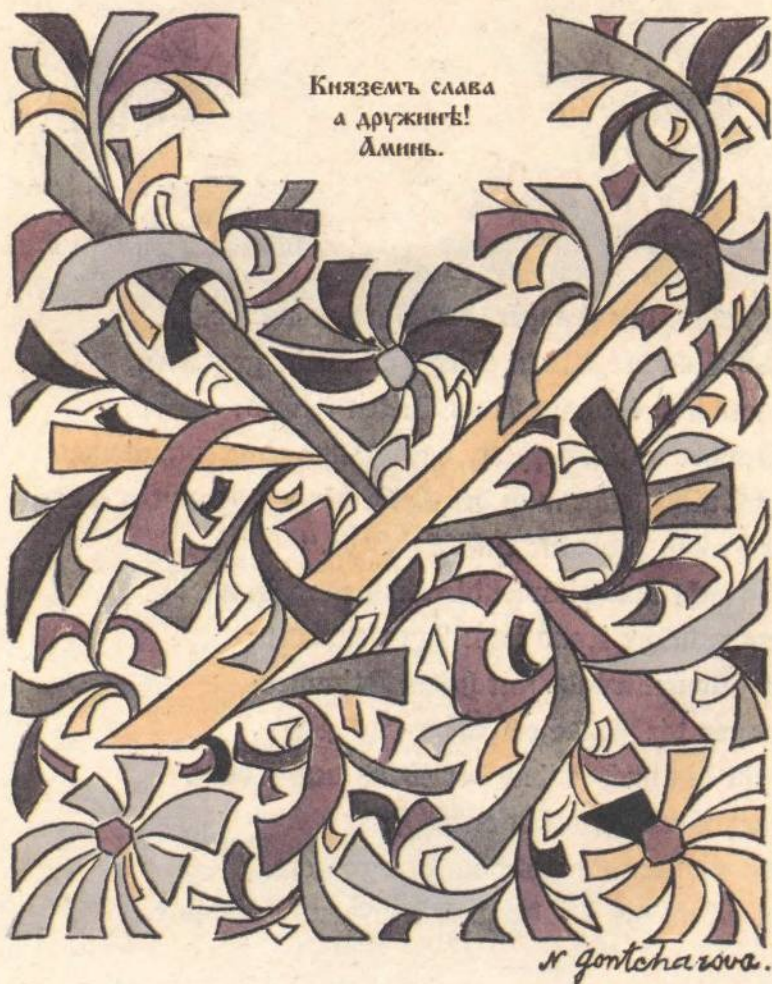
И рече Гзакъ к҃ъ Кончакови:
Аще его оп҃таевѣ красною дѣвницею,
ни нама б҃удетъ сокольца,
ни нама красны дѣвнице,
то почн҃утъ наю птици бити
670 вѣ полѣ Половецкомъ.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

Глава Игорю Святѣславличю,
буй тѣрѣ Всеволодѣ,
Владимирѣ Игоревичѣ!

600 Здрави князи и дружина,
поварая за христѣяны
на поганяя плѣтки!

2/2 *старыми словесы*¹: в старинной манере речи, используя старинные, несовременные выражения. Сейчас «старый» означает то же, что англ. «old», но нашим бардом используется еще и в смысле «относящийся к старому времени», «существовавший или живший давным-давно, во время оно» (к примеру, при упоминании князей в ст. 18/25 и 549/682).

3/3 *трудныхъ*: В древнерусском языке слово «труд» означает не только «работа», но и «горе», «боль», «усилия»; также может относиться к тяготам войны.

4/4 *Игоря*: см. примеч. 2 к Предисловию.

7/10 *Боянь*: В «Задонщине» Боян восхваляется как «гораздый гудец в Киеве», искусный киевский бард. При пении или декламации «гудец» играл («гудел») на гусях, инструменте, напоминающем небольшую горизонтально расположенную арфу или кифару с десятью струнами (судя по виньетке 1358 года, воспроизведенной на с. 181 в книге «La Geste du Prince Igor»). За исключением «Слова» (и откровенно подражательной «Задонщины») мы не знаем ни одного сочинения, в котором упоминался бы Боян. Вероятно, он умер около 1105 года (см. также примеч. 16 к Предисловию).

въщий (англ. *vatic*; лат. *vates*, пророк, провидец): то есть наделенный не только силой воображения, но и волшебства.

10/13–14 *мыслию по древу*: Это выражение потребовало максимума исследовательских усилий и изобретательности многочисленных комментаторов. По крайней мере два вида белки (полученной от «мышь» (мышь)) резвились на ветвях этой метафоры. Однако даже если не учитывать обстоятельства, что тот же образ в несколько иной форме появляется в ст. 58/55 и что настоящая белка, как ей и положено, названа «бѣля» в ст. 250/349, кажется очевидным, что здесь логическая

¹ Первая цифра перед примечанием отсылает к номеру строки первого издания русского текста «Слова» 1800 года (Слово о полку Игореве / Ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. I–VIII, 1–46. См. также наст. изд., вклейка, с. I–XLVIII). Все чтения также даются по этому изданию. Вторая цифра указывает номер строки набоковского перевода.

или писарская лакуна между «мыслию» и «древу» должна быть заполнена словом «славиемъ» («в образе соловья»), составляя, таким образом, тройственную формулу (первый член которой недвусмысленно предоставляется нам в ст. 58/54). Некоторые комментаторы усматривают тут синекдоху, то есть трактуют в этом и других местах слово «дерево» как обозначающее «лес», «рощу», «древесину», но такое толкование лишь замутняет абсолютно ясный образ, связанный с «ветвящейся мыслью».

12/17 *шизымъ*: «шизый» значит «дымчатый» (совр. «сизый»), проще всего перевести с помощью англ. «*smoky*»; цвета дыма, голубино-серый, голубовато-серый, сине-серый цвет; туманная дымка, оттенок дали.

15–17/21–24 Образ десяти соколов, преследующих лебедей, — вот первая из череды метафор, относящихся к теме охоты. В Кирилловском списке «Задонщины» стоит глупое «золотыя своя персты на живыа струны», а в Синодальном происходит не менее глупое превращение: «свои белы руки на златыа струны».

18–21/25–30 Упомянутые здесь трое князей — это прапрадед Игоря, Ярослав I Мудрый (ум. 1054), сын Владимира I; брат Ярослава, Мстислав Тмутороканский (ум. 1036); и внук Ярослава, Роман Тмутороканский (ум. 1079), сын Святослава II и брат деда Игоря, Олега Гориславича. Во время похода против касогов (кавказского племени, родственного черкесам), предпринятого Мстиславом в 1022 году, предводитель касогов Редедя, когда противники сошлись на битву, вызвал Мстислава на рукопашный поединок, дабы заменить войскам кровавое сражение. Очень скоро Мстислав понял, что Редедя сильнее, и тогда, не мешкая, вознес молитву Богородице, выхватил нож и зарезал бедного гиганта.

28/41 *отъ стараго Владимира*: Вероятно, речь идет о Владимире I Святом (ум. 1015), крестившем Русь в 988 г.

32/48 *наведе своя храбрыя плъкы*: Реальный Игорь отправился в сторону реки Донец из своего княжества Новгород-Северского 23 апреля 1185 года. Он намеревался достичь Дона (миль пятьсот на юго-восток) и даже Тмуторокани (еще двести миль на юг), но фактически дошел лишь до степей, расположенных южнее Донца (пройдя около четырехсот миль на юго-восток от Новгорода-Северского).

33/49 *на землю Половьцькую*: см. примеч. 6 к Предисловию.

34/50 за землю Руськую: То есть на защиту русской земли, ради русской земли. Фраза эта появляется также в ст. 244/298; а в ст. 434/539 и 471/580 тот же предлог подразумевает «отомстить». Русская земля упоминается кроме того в ст. 122/140, 169/195, 215/261, 231/281, 244/298, 261/323, 265/329, 275/342, 344/433, 505/625, 546/679, 594/735, 627/775, 678/839 и 680/842. В последнем пассаже «въ Руской земли» слово «земля» точнее всего будет передано англ. «soil» («почва»), ибо русское слово несет в себе как идею протяженности, так и вещественности.

56—75/51—70 Я разделяю мнение Соболевского и других ученых (см.: Гудзий, в сборнике «Слово о полку Игореве» под ред. Адриановой-Перетц, 1950), полагающих, что страница была по ошибке положена не на свое место в утраченном сборнике рукописей, с которого делалось первое издание и Архивный список. Делаю я это из соображений художественной структуры, а не той исторической последовательности, что дается в Ипатьевской летописи (в соответствие с коей «Слово» не может и не должно быть приведено никакими манипуляциями). В первом издании и Архивном списке за строкой, соответствующей ст. 50 в моем переводе и завершающей, как мне думается, страницу третью утраченной рукописи, следует отрывок, соответствующий моим ст. 91—110 (солнечное затмение и речь Игоря), после чего идут строки, соответствующие моим 51—70 (обращение к Бояну), затем 71—90 (ожидание Всеволода и его речь) и 111—130 (отъезд Игоря и грозные предзнаменования). Вне всякого сомнения, обращение к Бояну (51—70) должно следовать сразу же за описанием его стиля и обозначением темы повествования (31—50); с другой стороны, отъезд Игоря (111—113), который наш бард наблюдает одновременно с солнечным затмением, не может быть отделен обращением к Бояну от речи князя, которую тот произносит как раз во время затмения. Весь отрывок оригинала, соответствующий моим ст. 91—110, как мне видится, заполнил бы именно одну страницу, и страница эта, похоже, была перенесена со своего места после пятой страницы на место после третьей.

56/52 *старого времени*: Ср. Макферсон, «Фингал», кн. II (The Poems of Ossian, ed. Laing, Edinburgh, 1805, vol. I, p. 81): «To the ages of old, to the days of other years»²; и «Каргон» первая строка (Ossian, p. 311): «A tale of the times of old! The deeds of days of other years!»³

² К временам старины, ко дням минувших годов (*англ.*). Здесь и далее частично используется перевод «Поэм Оссиана», выполненный Ю. Д. Левиным (*Макферсон Дж. Поэмы Оссиана*. Л., 1983).

³ Повесть времен старинных! Деяния минувших лет! (*англ.*).

Не из «Слова» (которое тогда он еще не знал так хорошо, как будет знать позднее), а из французского переложения «Оссиана» молодой Пушкин позаимствовал строки, связанные с *его* Бояном (позаимствованным, в свою очередь, у Хераскова) в «Руслане и Людмиле» (1820):

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

58/54–55 *скача, славю, по мыслену древу*: Словно в качестве компенсации за номинальное отсутствие первого символического животного в ст. 10/14, тут появляется соловей, однако волк и орел, то есть два других члена этой троицы, не названы.

59/56–57 *летая умомъ подъ облакы*: См. также ст. 10/13 и 12/17–18. Сходный образ, возможно, предполагающий знакомство со «Словом», «паря мыслию аки орел по воздуху» обнаруживается в замечательном «Молении Даниила Заточника», бывшего родом из Переяславля (начало тринадцатого века). Вещь эта являет собою громкую мольбу, обладающую несомненными поэтическими достоинствами, которую возносит молодой человек, оказавшийся в бедственном положении. Собрав всевозможные библейские и местные метафоры, автор завершает свое сочинение чередой ярких описаний, таких как, например, отчаянные скачки на «потрумии» (ипподроме) или полеты с церковей на шелковых крыльях. Известно, что он был сослан на берег далекого озера в районе Олонца.

61/59 *рища въ тропу Трояню*: Что это за тропа, которую достигает или на которую проникает поэт, рысущий, подобно волку, по стране? Звуковое сходство с «*Trophaeum Traiani*», трофеем Трояна, памятником римскому императору Марку Ульпию Нерве Траяну (52–117 г. н. э.), воздвигнутому в начале второго века в Добруджи, нельзя отбросить как случайное совпадение. Быть может, это смутный отголосок чужеземного имени. Известно, что «тропы Траяна» существовали в разных местах Причерноморья. С другой стороны, в рукописи двенадцатого века одного из апокрифов, относящегося к деяниям Богородицы («Хождение Богородицы по мукам»), упоминается бог по имени Троян, чьи характеристики и функции неизвестны. Он возглавляет компанию свергнутых идолов «Троян, Хорс, Велес, Перун». (Последний — бог грома, а два других — это Хорс, бог солнца, и Велес, бог пастухов, русский Аполлон). Римский император и русское божество, кажется, безнадежно переплелись к моменту написания песни. Строку 61/59 можно понять как «следуя божественному пути (вдохновения и волшебства?)» или придать ей географический смысл (в связи со ст. 250/307). Таинственный Троян четырежды упомянут в песни. Три других

упоминания следующие: ст. 194/231 — «Были вѣчи Трояни»; ст. 250/307 — «на землю Трояню»; ст. 509/631 — «На седьмомъ вѣцѣ Трояни». В ст. 194/231 смысл, вероятно, таков: «в языческие времена» (Карамзин говорит, что в рукописи стояло не «вѣчи», а «сѣчи», то есть «битвы», но мы вынуждены придерживаться *editio princeps*.) В ст. 249–253/304–310 появляется образ «обида», Анти-девы, вступившей на южные земли Руси (территорию, метафизически управляемую легендарным союзом, о котором речь в ст. 61/59). И наконец, в ст. 509/631 в связи с приключениями Всеслава 1068 года седьмой век, возможно, относится к столетиям, прошедшим со времен падения власти Рима в киевских землях.

65/63 «*Не буря соколы занесе...*»: Такой тип конструкции (отрицательная метафора) — распространенный оборот русского фольклора.

71/66 *Велесовь внуче*: «Внук» в широком значении «потомок», «отпрыск», англ. архаич. «*nephew*»; лат. «*nepos*»; во французском псевдоклассицизме «*neveu*». Примечание на с. 7 *editio princeps* гласит: «Велесъ, Славянскій въ язычествѣ Богъ [sic], покровитель стадъ...» Велес или Волос (быть может, сродни Гелиосу) упоминается в летописях как «скотий бог». Обращение «Велесовь внуче» странным образом созвучно псевдоклассическому «*neveu d'Apollon*». В «Слове» встречаются еще четыре языческих бога: Стрибог, бог ветра (ст. 170/197); Дажьбог или Дажьдбог, бог плодородия (ст. 213/258, 249/305); Хорс (Хорус), бог восходящего солнца (ст. 534/665); и Троян (ст. 61/59, 194/231, 250/307, 509/631). Наш бард не упоминает Перуна, русского Юпитера, чей идол Владимир I велел утопить в Днепре. Вместо него христианское божество (быть может, стараниями писца заменившее Стрибога) добродушно управляет событиями в одном — и только одном — пассаже (ст. 592/733).

72/67 «*Комони ржуть за Сулою...*»: Сула — приграничная река или одна из приграничных рек к востоку от Киева, за которой начинается кишашая врагами половецкая степь (см. карту). Столь часто наш бард обращается мыслью к Суле (ст. 72/67, 107/123, 456/563, 477/583), что невольно думаешь, что сам он мог быть родом из этих мест, к примеру, из Переяславля. Новгород-Северский и Путивль, упомянутые далее, — это стольные города Игоря и его сына Владимира.

1–75/1–70 Под предлогом поисков подходящего стиля — старого ли, свойственного Бояну и предполагающего сложную, высокопарную манеру, или иного, более соответствующего современной теме, — певец, собираясь начать повесть об Игоровом походе, спрашивает сам себя,

как начал бы такое повествование Боян, приводит образчики поэтического языка Бояна (ст. 63–70/72–75), словно проверяя, подойдут ли они для описания современных ему событий, сначала поигрывает ими, затем отвергает — а, меж тем, искусно и успешно сочиняет начало истории. Так Пушкин в 1836 году в «Памятнике» пародировал стихи своего предшественника Державина (1743–1816), подхватившего в свою очередь тему Горация («Ehægi monumentum...»), и протаскивает, как контрабандный товар, собственные тайные устремления и собственную тайную гордость под личиной высшего фиглярства.

76/71 Искусство и история расходятся как в этом, так и в следующем отрывке. Наш бард изображает Игоря в ожидании Всеволода (вероятно, идущего из Трубчевска, что в пятидесяти милях к северу) в Новгороде-Северском, откуда предполагается их совместный поход на восток; и чтобы усилить драматическую силу предзнаменования, автор далее в ст. 35–55, 97–100/91–116⁴ описывает солнечное затмение (которое в действительности пришлось на 1 мая) как случившееся в день похода (в действительности начавшегося 23 апреля). Речь Всеволода о своем войске — уже собравшемся впереди, неподалеку от Курска — подобным же образом синхронизируется с еще не закончившимся затмением, когда в ст. 97–99/111–114 Игорь выезжает в степь. Ипатьевская летопись, однако, сообщает, что двинувшись в поход во вторник 23 апреля 1185 года из Новгорода-Северского, братья в пути разделились (неподалеку от Путивля или Рыльска) — Всеволод направился к месту сбора своего войска, несколько южнее Курска, а Игорь продолжал медленно идти в сторону Донца. Первого мая на подступах к этой реке реальный Игорь наблюдал солнечное затмение и, согласно летописцам, обратился с длинной речью к своей дружине, после чего сразу же перешел Донец вброд, добрался до водораздела Оскола и несколько дней ждал там Всеволода, который (также по сообщению летописцев) шел другой дорогой из окрестностей Курска, лежащего милях в ста к северу. Любопытно отметить, что Лаврентьевская летопись (не отличающаяся надежностью в смысле мест и дат) повествует о том, что поход Игоря начинался не в Новгороде Северском, а в Переяславле (где, возможно, зародилось и «Слово») с участием *двух* сыновей князя, не считая брата и племянника.

77/72 *Буй Турь Всеволодь*: Прозвища «буй турь» (англ. «*Wild Bull*» или «*Turbulent Aurochs*») и «ярь турь» (англ. «*Fierce Bull*» или «*Ardent Aurochs*»), обращенные к Всеволоду, использовались в качестве

⁴ В. Набоков в своем переводе изменяет принятый порядок следования строк «Слова», о чем говорится в примеч. к ст. 56–75/51–70.

аргумента теми, кто не верил в подлинность песни. Их сочли американцами конца восемнадцатого века, попавшими в Россию через Францию. «Тур» может обозначать один из двух видов животного с родовым названием *Bos* — либо настоящего тура (англ. *urus*, лат. *Bos primigenus*, первобытный бык, из которого был выведен бык домашний), либо зубра (англ. «*aurochs*», *Bison bonasus*). К двенадцатому веку первобытный бык вымер, а вот зубр встречался в южных районах Руси до восемнадцатого века и символизировал мужество и силу. Впрочем, на Украине слово «тур» постоянно использовалось для обозначения разновидности большого серого домашнего быка.

78/73 *одинь братъ*: Как отмечает Szeftel (в книге «*La Geste du Prince Igor*», р. 103), Старший брат Игоря, Олег (отец Святослава Рьльского), от которого Игорь унаследовал княжество Новгород-Северское, умер, по крайней мере, пятью годами ранее.

91/83 *яругы*: Сравнительно редкое слово «яруга», которое до сих пор еще является диалектным обозначением северного «оврага» или южной «балки» (англ. «*gully*», «*hollow*», «*barranca*»), трижды упомянуто в песни (ст. 91/83, 119/134 и 290/362).

35/91 *Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...*: Как уже указывалось в примечании к ст. 56–75/51–70, начинающийся с этих слов отрывок, возможно, представляет собою одну страницу оригинала, оказавшуюся не на своем месте (в первом издании и Архивной копии он располагается между предложениями, переведенными мною в ст. 50 и 53⁵). Солнечное затмение — этот подмигивающий глаз Клио — началось в 3 часа 25 минут пополудни в среду первого мая 1185 года, когда реальный Игорь подходил к Донцу после недельного перехода из Новгорода-Северского. Описание событий в Ипатьевской летописи отличается исключительным сходством с песнью, которая могла быть известна летописцу (это лишь одно из предположений); но полная благочестия и дидактики речь, с которой исторический Игорь обращается к своей дружине, лишена того поэтического красноречия, той афористической выразительности и пылкого азарта, какие мы обнаруживаем в соответствующем пассаже «Слова» (ст. 41–47/95–100). Оба обращения отмечены фаталистической интонацией, но выражения используются разные, за исключением странного совпадения слов в начале речи. Вот интересующий нас отрывок из Ипатьевской летописи: «Игорь же возрев на небо [ср. ст. 35–36/91],

⁵ То есть строки оригинала 34 («за землю Руськую») и 57 («Абы ты сия плъкы ушекоталь»).

и виде солнце, стояще яко месяц, и рече бояром своим и дружине своей: “Видите ли что есть знамение се?” Они же узревше, и видиша вси, и поникоша главами, и рекоша мужи: “Княже! Се есть не на добро знамение се [ср. конец сна князя киевского]”. Игорь же рече: “Братья и дружино! [Ср. 41/95] Тайны божия никто же не весть”» и так далее. В Лаврентьевской летописи дается следующее высокохудожественное описание затмения: «Мѣсяца мая [1185] въ 1 день на память ста пророка Иеремия в серед на вчерни бы знаменье въ солнци и морочно бы велми яко и звѣзды видѣти человеком въ очью яко зелено бяше и въ солнци учинися яко мѣсяць из рог его яко бгль жаровь исхожаше».

40–42/94–95 *дружинъ, дружино*: свита, телохранители, благородные воины под предводительством своего князя.

48/100 *синего Дону*: Эпитет, относящийся здесь к Дону, а далее к морю, есть обычное клише фольклорной элоквенции. Он не является — *уже* не является — цветовым эпитетом в строгом визуальном смысле, а потому его не должно путать с лиловатыми отсветами синих молний (ст. 161/187) или с темным аметистом синего вина (ст. 314/397).

54/100 *русици* или *русичи*: Здесь и в других местах (ст. 128/148, 180/209) наш бард употребляет этот окказионализм как ласкательную форму (от названия «Русь» образуется нечто вроде произносимого с нежностью отчества).

55/110 *испити шеломомъ Дону*: Такая формула также встречается в летописях: «Тогда Володимер Мономах пил золотом шоломом Дон» (Ипатьевская летопись, 1201).

97/112 *златъ стремь*: Эта же формула повторяется в ст. 200/237.

100–101/115–117 *ночь стонуци ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въста*: Опустившаяся на землю в результате затмения ночь пробудила ночных хищных птиц, а сурки и суслики стали издавать предостерегающий свист. Пассаж этот серьезно поврежден, а потому смысл его сомнителен. Ст. 101/117 (*свистъ звѣринъ въ ста*) и продолжение последнего слова, начинающего следующую строку (*зби*) отсутствуют в Архивном списке.

102–110/118–126 *дивъ*: Волшебная птица восточных мифов, нечто среднее между филином и павлином. Тут он выступает на стороне половцев и в ст. 348/443 слетает на землю с верхушки тополя. Нечто подобное происходит и в поэмах Оссиана. Строки 9–10 в «Первом

барде» Макферсона в части «Шесть бардов. Фрагмент» (Ossian, vol. II, pp. 416–417), если разбить их на стихи, звучат так:

From the tree at the grave of the dead
The lonely screech-owl groans⁶.

Переведя этот отрывок в «ритмическую прозу», получим: «From the tree at the grave of the dead the long-howling owl is heard»⁷. Фраза эта переводится Летурнером следующим образом: «La chouette glapissante crie au haut de l'arbre qui est auprès de la tombe des morts»⁸ (Ossian, fils de Fingal, barde du III siècle: Poesies Gallique, Paris, 1777, в 2-х т.).

104/120 *земли незнаемь*: Степи к югу и востоку от реки Сулы, где кочуют половцы, названы землей незнаемой или полем незнаемым (ст. 227/276, 413/516). Див велит «земли незнаемъ» «послушати». Ср. в «Войне Инис-тоны» Оссиана (Ossian, vol. I, p. 264): «The traveller is sad in a land unknown»⁹; а также в «Кат-лоде» (vol. II, p. 298, p. 318): «Few are the heroes of Morven, in a land unknown!» и «He fell pale, in a land unknown»¹⁰. Русский аналог «земля незнаема» часто встречается в летописях (относящихся, например, к 1093 году; см. статью Лихачева в издании «Слова» под ред. Адриановой-Перетц, с. 394). Летурнер (1777), который, конечно же, никогда не передает ни интонации, ни скорбного настроения, ни скупой патетики Макферсона, переводит первый отрывок из «Кат-лоды» так: «Les héros de Morven ne descendirent pas en grand nombre sur cette terre inconnue»¹¹.

108–109/124–125: Сурож (Судак) и Корсунь (Херсонес, греческая колония) — названия мест на Крымском полуострове; вскоре, в ст. 349–353/444–449, на крик дива отзовутся «Готьския дъвы».

110/126 *Тьмуторокань*: Тьмуторокань находилась на территории современного Таманского полуострова на Сурожском (ныне Азовском) море. Этот вожделенный город в одиннадцатом веке был русским княжеством, и Игорь особенно тяжело переживал его захват половцами, поскольку некогда он принадлежал его деду Олегу. «*Бълванъ*»

⁶ На дереве у могилы мертвых / одинокая совка стонет (англ.).

⁷ С дерева у могилы мертвых давно слышится уханье совы (англ.).

⁸ Визгливая сова кричит на верхушке дерева, находящегося у могилы мертвых (франц.).

⁹ Путник скорбит в незнакомом краю (англ.).

¹⁰ Их мало, героев Морвена, в этом краю неведомом... Бледный, он пал в чуждеальной стране (англ.).

¹¹ Герои Морвена не приходили в большом количестве на эту неизвестную землю (франц.).

предположительно означает какую-нибудь большую греческую статую, вроде Астарты или Артемиды, воздвигнутых здесь в III в. до н. э.

111/127 *неготовами*: в смысле «неподготовленными».

112/128 *побѣгоша къ Дону великому*: Здесь и в ст. 155–156/178–180 мнения комментаторов расходятся по поводу направления движения половцев («побегоша» может означать как «убегать», так и «бежать», «торопиться») — отступают они на восток к Дону с мест своего зимовья в бассейне реки Донец или же, напротив, торопятся на запад к Дону с Поволжья, чтобы отразить нападение русских. Первое кажется более убедительным, особенно в соединении с образом потревоженных лебедей в ст. 114/130 и общей темой коварного заманивания и безрассудного преследования, очерченной в следующих частях, вплоть до зловещего пассажа ст. 175–176/203–204, где половцы нападают на русских, зашедших слишком далеко вперед. Нет нужды брать в соображение фразу из полной неточностей Лаврентьевской летописи, в которой половцам приписывается желание пойти «по ним [русских] за Донь», то есть с востока на запад.

114/130 Тут аллюзия на жалобный, подобный звуку кларнета, крик стай мигрирующих лебедей, характерная черта весенней ночи на южнорусских озерах и болотах.

115/131 *къ Дону*: Игорь продолжает двигаться в юго-западном направлении, через кустарник, переходящий в поросшую травой степь между Донцом и Осколом (см. карту).

117/133 *по дубию*: по дубравам. Я считаю верным чтение «по дубию», а не «подобию» как стоит в тексте.

121/139 *чръленья щиты*: совр. «червленые щиты». Русские щиты в те времена были овальные по форме, они делались из легкого дерева, обрамлялись железом и раскрашивались яркой пунцовой краской, «черленью», полученной из «червеца» (то есть «червячка», *vermiculus*, щитовки *Coccus polonicus*), цвет которого не такой насыщенный, как у кермеса (ярко-малиновый, русск. «багрец»). Киноварь (или вермильон), если говорить о химических красителях, утратила сегодня тот розоватый оттенок, который некогда был ей свойственен.

122/141 *за Шеломянемъ*: За холмом. Высказывалось предположение, что «Шеломя» или «Шоломя» означает в песни вполне определенное место, а именно Изюмский курган в окрестностях Донца. Но это уничтожило бы поэзию.

130/151 *Съ зарания въ пяткъъ*: Согласно летописцу, реальный Игорь встретился с полками половцев утром в пятницу (10 мая) на западном берегу не существующей более реки Сюрлий (очевидно, приток Донца к югу от Оскола). Лишь раз выпустив на русских дождь стрел с противоположного берега, половцы бежали в степь. Русские преследовали их и захватили оставленные вежи.

140/162–163 *мосты мостити*: Грамматически верно: «мостами мостить»; имеются в виду гати, проложенные по болотистой местности.

142/165 *и всякими узорочьи половецькими*: Возможно, эта фраза представляет собою начало нового предложения, остальная часть которого утрачена. Некоторые издатели, чтобы сохранить союз «и», переносят ее на место между строками 139/161 и 140/162.

148/172 *Дремлетъ въ полъ Ольгово хороброе гнѣздо*: Речь идет о потомках Олега Тмутороканского (ум. 1115), прозванного Гориславичем, сына Святослава II, брата Романа Тмутороканского, внука Ярослава I и деда Святослава III, а также Игоря. В связи с этим см. необычайно важный пассаж 211–214/255–260. Лаврентьевская летопись начинает краткое изложение похода Игоря словами: «Того лѣ здумаша Олгови внуци на Половци занеже бяху не ходили того лѣта со всѣми князьями но сами попадаша о собѣ рекуше мы есмы ци не князи же [пойдем] такыже собѣ хвалы добудем».

155/178 *Гзакъ*: Хан Гзак (Гза, Кза, Коза), по-видимому, был отцом половецкого предводителя, пленившего в скором времени сына Игоря (см. примеч. 8 к Предисловию).

156/179 *Кончакъ*: Со своим нынешним врагом Кончаком, так же как и еще с одним ханом (Кобякой,¹² см. примеч. к ст. 293–296/365–369) исторический Игорь вступил в недолгий союз пятью годами ранее во время усобиц с сыновьями Ростислава I, и они вместе потерпели позорное поражение в Долобске в 1180 году. Игорь и Кончак вскочили в ладью и еле спаслись от плена. И хотя после этого Игорь порвал с половцами, ему все-таки не было предложено участвовать в походе его двоюродного брата Святослава III против Кобяки, завершившемся победой русских.

158/182 *кровавыя зори*:оборот, использованный в переводе («*bloody effulgences*»), неуклюж, мне следовало бы сказать (сохраняя множест-

¹² В «Слове» этот хан зовется «Кобяк», однако и в своем переводе, и в комментарии Набоков называет его «Кобяка».

венное число) *«blood-red auroras»*, но «зори» употребляются в русском языке для обозначения света как встающего, так и заходящего солнца. См. также ст. 234/284 «предь зорями».

160/186 *4 солнца*: Четыре русских князя, возглавивших поход: Игорь Новгород-Северский; его сын Владимир Путивльский; его брат Всеволод Курский; и их племянник Святослав Рыльский.

161/187 *синии мльнии*: Наш бард значительно опередил эпоху своего первого редактора. Это по современным понятиям всполох электрического разряда имеет синий цвет. Большинство сегодняшних людей, наделенных элементарной способностью цветовосприятия, видят молнию как вспышку озоново-синего. Писатели же восемнадцатого и начала девятнадцатого века логикою воздействовали на сетчатку своих покорных разуму глаз и воспринимали молнию «желтой» или «красной», ибо таков огонь. У Макферсона есть «the red lightning of heaven¹³» в «Фингале», кн. IV (Ossian, vol. I, p. 131), и у Пушкина в стихотворении «Буря» (1825) о молнии сказано: «блеском алым». Мы также находим в макферсоновой «Ойтоне» (vol. I, p. 527) «red path of lightning on a stormy cloud¹⁴»; но с другой стороны, обнаруживается еще и «thy sword is before thee, a blue fire of night¹⁵», ибо сталь голубая (примечание Макферсона к «Теморе», кн. VI, [Ossian, vol. II, p. 179]). Любопытно отметить, что первые комментаторы песни не могли понять, почему молнии «синии». Мусин и его помощники переводят выражение оригинала «въ нихъ трепещуть синии мльнии» привычным русским оборотом восемнадцатого века: «сверкаетъ въ нихъ молния».

167/194 *на рѣць на Каяль*: Сегодня невозможно точно определить, где находилось русло этой реки. Полагают, что она пересекала половецкие земли и впадала в Сурожское (Азовское) море. Так я и обозначил ее на карте. Далее в тексте название ее приобретает дополнительный каламбурный смысл.

169/196 См. примеч. к ст. 122/141.

170/197 *Стрибожи внуци*: Стрибог — славянский бог ветра. Хроники 980 г. н. э. перечисляют языческих русских идолов: «постави... Перуна деревяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь». Перун — это бог грома, Дажьбог (см. ст. 213/258 и 249/305) — бог плодородия. Два других ныне неизвестны.

¹³ Алая небесная молния (англ.).

¹⁴ Алый след молнии на грозовой туче (англ.).

¹⁵ Твой меч перед тобою — синий огонь ночной (англ.).

172–174/200–202 *земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрывають*: Конница мутит речную воду на переправах, дрожит земля, тучи пыли покрывают равнину.

178/206 *Рускыя плѣкы отступиша*: Современные издатели предпочитают чтение «отступиша» («окружать») вместо «отступиа» («отступать»), как дается в первом издании и Архивном списке, и связывают предыдущие слова «и отъ всѣхъ странъ» с половцами (как в ст. 260–261/322–323), которые «съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». Я не вижу оснований для подобных манипуляций, хотя известно, что в других рукописных памятниках, например, в летописях, первые переписчики путали эти два слова¹⁶.

179/207 *Дѣти бѣгови*: В Ипатьевской летописи приводятся имена этих половецких вождей. Игорь перечисляет их в своей полной проклятий речи перед субботней битвой: «Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича Колобича, и Етебича, и Терьтробича» (последние четыре, очевидно, отчества).¹⁷

181–193/211–230 Ипатьевская хроника сообщает, что русские «идуше пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужество показа». Игорь был ранен в левую руку и сражался верхом.

184/214–215, 188/219–220 *гремлеши о шеломах мечи харалужными!.. Поскепаны... шелома*: Ср.: «Фингал», кн. I (Ossian, vol. I, pp. 34–35): «Steel, clanging, sounds on steel. Helmets are cleft on high¹⁸».

«Харалужный» означает «сделанный из стали», «стальной». В «Задонщине» слово это, по-видимому, используется как синоним к «булатному» (традиционному определению стального оружия), а также как эпитет речных берегов, называемых в песни «серебреными». Этимологию слова «харалужный» отыскивают в тюркских языках и в древнерусских названиях, отсылающих нас к Шарлеманю, Carolus Magnus, что превратило бы этот эпитет во «франкскую сталь».

186/217 *своимъ златымъ шеломамъ посвѣчивая*: Воздействие этого образа на сознание читателя странным образом схоже с макферсоновским: «Intermitting, darts the light from his shield¹⁹» («Темора», кн. V

¹⁶ В. Набоков переводит эту фразу: «The Russian troops retreat» («Русские полки отступают»).

¹⁷ В тексте В. Набокова перечисление и произношение имен дается неточно: «Кончак, и Кза, и Токсобич, и Колобич, и Етебич, и Тетробич».

¹⁸ Лязгает звонко сталь о сталь; в куски разлетаются шлемы (англ.).

¹⁹ Блеск булата отразился в булате (англ.).

[Ossian, vol. II, p. 149)]. Фраза эта обнаруживается и в «Задонщине» в следующем виде: «златым шеломом посвѣчиваше»; есть и другие вариации, к примеру, «доспѣхом» вместо «шеломом».

188/220 *шеломы Оварьскыя*: Авары — некогда существовавшее кавказское племя. Для шлемов, изготовляемых аварами (в Дагестане на восточном Кавказе), характерны заостренный верх и лопатовидная часть, защищающая шею.

193/228–229 *своя милыя хоти красныя Гльбовны*: Вероятно, имеется в виду Ольга, дочь Глеба Переяславльского (ум. 1171), сына Юрия Суздальского и внука Владимира II (основателя дома Мономахов).

194/230 *свычая и обычая*: Формула, завершающая фразу, означает: «любовь и ласка» или «преданность и нежность».

195–207/231–250 *Были вѣчи Трояни*: Интонация первой строки напоминает тут обращение к Бояну (ст. 56–75/51–70), правда, одновременно воспоминания об усобицах Олега подготавливают великолепные апострофы части 374–522/471–650. О Трояне см. примеч. к ст. 61/59.

195/232, 201/241 Речь идет о Ярославе I (см. примеч. к 18/25), его сыне Святославе II (ум. 1076) и внуке Олеге Тмутороканском.

202–204/242–244 Владимир II, известный как Владимир Мономах, сын Всеволода I, внук Ярослава I и двоюродный брат Олега Тмутороканского, деда Игоря. Он является автором замечательного «Почуения».

204–207/245–250 Борис (ум. 1078), сын Вячеслава Смоленского и внук Ярослава I. Был убит в сражении со своими дядьями Изяславом и Всеволодом в битве у Нежатиной Нивы неподалеку от Чернигова (у притока Десны, небольшой речки Канины, упоминаемой в связи с другим князем в летописи 1152 года). Возгордившийся Борис отверг благоразумный совет сдаться, полученный от своего союзника Олега Гориславича, отца Игоря. «Зелена паполома» (зеленое покрывало) — это, очевидно, метафорическое обозначение сорняков на неубранном поле брани, разросшихся над телами убитых воинов. Некоторые комментаторы относят завершающую клаузулу (ст. 207/250) скорее к Борису, нежели к Олегу.

208/251 *Съ тояже Каялы*: Здесь предполагается некий метафорический каламбур. Река Канина (ст. 205/247) была местом такого же разгрома, что и Каяла, последнее же название, хоть и не русского

происхождения (высказывалось мнение, что слово это происходит от «каялы», что по-тюркски значит «подобный ущелью» или «каменистый»; некоторые относят его к реке Кальмиус, впадающей в Азовское море) имеет в русском языке коннотации «плача», «сожаления» и «упрека». См. также примеч. к 240/292.

208/252 *Святоплѣкъ*: Святополк II (ум. 1113), сын Изяслава I (ум. 1078), внук Ярослава I и двоюродный брат Олега Гориславича. Отец его был убит в том же сражении, что и Борис (см. предыдущее примеч.). Двух оседланных иноходцев впрягали друг за другом, а между ними помещались носилки, плавно раскачивающиеся в ритме их шагов. Интересно, что в качестве места погребения Изяслава Киевская летопись упоминает не Софийский собор, а другой храм, однако прав оказался наш бард, а не летописец, что подтверждается текстом из «Софийской первой летописи», не так давно опубликованной Кудрявцевым (1925).

211–214/255–260 *Тогда, при Олзь Гориславличи, съяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишась*: Так стоит в первом издании (с. 16–17). Архивный список дает «погыбашеть», «княшихъ» и «челоувѣкомъ». Данный отрывок уникален в том смысле, что был перифразирован в другом сочинении, причем не в «Задонщине». Ученый монах в конце псковского Апостола 1307 года (Деяния апостолов, датированные 1307 и 1309–1312 годами, хранились в Пантелеймоновском монастыре недалеко от Пскова) пишет по поводу борьбы двух князей того времени, Юрия Московского и Михаила Тверского: «При сих князех съяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша в князѣхъ которы, и вѣци скоротишася челоувѣкомъ» («при этих князьях сеялись и росли усобицы, погибала жизнь наша в княжеских распрях, и век людской сокращался»). Автор заменяет местоимением языческое выражение, коим наш бард обозначает русский народ: «Даждь-Божа внукъ», где «внук» (лат. *peros*) используется в собирательном смысле, а Даждь-Бог — это древний бог плодородия и изобилия.

221/269–270 *а сице и рати не слышано*: Наш бард слишком преувеличивает масштаб и значимость этого боя.

224–226/273–275 *летятъ стрѣлы каленныя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя*: Похожий грохот сражения слышится в «Бератоне» (Ossian, vol. I, p. 566): «Darts hiss through the air. Spears ring on mails. Swords on broken bucklers bound²⁰». Сразу же за этими

²⁰ Стрелы свистят в воздухе. Копья звенят о броню. И скачут мечи по разбитым доспехам (англ.).

словами в песни следует очень оссиановское «въ полѣ незнаемѣ» (см. примеч. к 104/120).

227—231/276—281 *въ полѣ незнаемѣ... туюго въздоша по Руской земли*: развернутая метафора, основанная на теме пахоты. Примеры ее обнаруживаются и далее.

232—233/282—283 *Что ми шумить, что ми звенить*: Задумчивая мелодичная интонация этой лирической фразы не может быть передана в буквальном переводе. Естественная рифма этого пассажа в «Слове», по существу нерифмованном, является следствием — не столь уж необычным для древних народных песен — совпадения простых глагольных окончаний. В истории европейского стихосложения первые рифмы — глагольные. Ср. «Игорь спитъ, Игорь бдитъ» в ст. 597—598/738—739.

235/285 *Игорь плѣкы заворочаетъ*: Ипатьевская летопись под 1185 годом сообщает, что первыми обратились в бегство ковуи (тюркские наемники, отряд которых под предводительством некоего Ольстина, был передан Игорю его двоюродным братом Ярославом Черниговским). Игорь, в это время уже раненый, поскакал, чтобы повернуть их назад. Это ему не удалось, и на обратном пути к своему войску он был пленен половецким ханом Чилбуком. Пока его связывали и увозили, он видел, как отчаянно сражается брат Всеволод.

237—239/287—290 *Бишася день, бишася другой; третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы*: Краткое перечисление. Эта тройная формула — в иных случаях дежурный прием всякого эпоса — отражает здесь реальный ход событий. В летописи говорится, что битва, включая первую стычку, длилась всю пятницу, продолжалась в субботу и закончилась в воскресенье.

240/292 *на брезѣ быстрой Каялы*: Кудряшов полагает, что это река Макатиха, протекающая в районе соленых Торских озер, где утонули наемники.

243/296 *сваты*: Русские князья часто брали в жены половецких девушек, известных своей красотой. Сочиняя песнь, наш бард, очевидно, был осведомлен, что пленный сын Игоря собирается жениться или уже женился на дочери Кончака. Дед Игоря Олег женился в свое время на дочери хана Асалупа, а мачеха героя была внучкой хана Гиргеня. Таким образом привносится особый смысл в повторяющуюся метафору пира, используемую для описания битвы.

245–246/299–301 См. также ст. 307–308/387–390, 496–498/611–614, 647–648/801–802.

248/303 *уже пустыни силу прикрыла*: Здесь возникает образ степной травы, прикрывшей тела мертвых героев (см. ст. 205/248).

249/305 См. ст. 213/258.

249–253/306–310 *Встала обида... упуди жирня времена*: Как указывалось разными комментаторами, образ девы-лебеди, олицетворяющей дурное предзнаменование, бедствие или несправедливость, есть древний элемент русского фольклора.

266/330 *смагу людем мычючи въ пламянь розъ*: Это необычное выражение печали подтверждается древней миниатюрой, на которой изображен древний погребальный обряд 1096 года в Радзивилловской летописи, впервые опубликованной в 1902 году (см. *La Geste du Prince Igor*, p. 190).

268/333 *своихъ милыхъ ладъ; лада*: любимый (-ая), супруг (-а). Это же слово употреблено в ст. 567/703, 579/717, 587/725.

277–280/345–350 *А Князи сами на себе... емляху дань по бѣль отъ двора*: Вот прелестно исполненный повтор и развитие темы ст. 259–261/32–323.

280/349 *бѣля*: беличий мех; «бѣлая веверица», белый соболь или, что более вероятно, серо-голубая белка, чей мех, конечно же, дороже, чем у обыкновенной белки, одна шкурка которой не могла бы рассматриваться как возможная дань.

281–286/351–357 *Ти бо два... грозою*: Здесь наш бард высказывает принципиально важные политические суждения (далее отраженные в ст. 359–368/455–465 и 384–386/479–482), со всей суровостью осуждая Игоря.

285/356 *Святъславъ грозный Великий Киевский*: Святослав III (ум. 1194), сын Всеволода II и внук Олега Гориславича, то есть двоюродный брат Игоря. Фактически его владения были ограничены городом Киевом, остальными же землями Киевского княжества управлял Рюрик, сын Ростислава I (из дома Мстиславичей), с которым Святослав разгромил половцев в 1183 году без участия Игоря. Здесь нашим бардом подготавливается замечательный пассаж, посвященный сну Святослава (ст. 309–320/391–405).

293, 296/365, 369 *Кобьяка*: Половецкий хан, с которым Игорь некогда вступил в непродолжительный союз (см. примеч. к ст. 156/179).

293/366 *изь луку моря*: Имеется в виду изгиб Азовского моря в устье Дона. В Лаврентьевской летописи половцам приписываются слова: «Идем по ним у луку моря» («Давайте пойдем по изогнутому берегу моря за ними»).

307–308/387–390 *Уныша... забралы, а веселие пониче*: Скорбят забра-лы, веселье поникло. Ср. в «Поэмах Оссиана», «Смерть Кухулина» (Ossian, vol. I, p. 369): «Mournful are Tura's walls. Sorrow dwells at Dunscaï²¹».

Если быть более точным, «забралы» означают брустверы на крепостном валу укрепленных городов, построенные для защиты жителей. Там же плачет Ефросинья в отрывке 557–589/691–730.

313/397 *синее вино*: Подразумевается либо черничное, либо темное виноградное вино. Можно вспомнить, что у греков темно-синее море ассоциировалось с цветом вина (и нет никакой необходимости привлекать для объяснений отраженный в волнах закат, как делают некоторые подслеповатые гомероведы). Очень темное красное вино действительно имеет глубинный лилово-синий оттенок, подобно южным морям — особенно в прогретых местах у берега. Я бы даже сказал «*purple wine*», «лиловое вино», если бы этот английский эпитет не превратился в почти «кроваво-красный» под влиянием континентального, в особенности французского, представления о «*pourpre*», «пурпуре». В этой связи любопытно отметить, что русские переводят «*purple*» английских поэтов применительно к морю как «пурпурное» (или «багряное»), что значит, как и во французском языке, «темно-красное» (англ. «*crimson*») вместо правильного «лилово-синее» или «фиолетовое». Согласно примечанию на с. 185 (Ossian, vol. I, Fingal, Book IV), каледонцы употребляли алкогольный напиток, который называли «синяя вода» (именуемый «горм-уи» на эрском языке), каковая, без сомнения, была черничным вином.

315–317/398–400 *сыпахуть ми... и нтьгують мя*: Ср. со старинным восточным и испанским обычаем отмечать счастливые дни белыми камушками, а несчастные — черными. Умирая, человек может вскрыть этот полный камушков ящик и увидеть, насколько счастливой была его жизнь. Легко представить себе, как воинственный король использует колчан вместо ящика, а жемчужины для обозначения дней своих побед. На память приходит и Тамерлан (Тамбурлен, Тимур-ленг, монгольский

²¹ Стены Туры печальны. Скорбь обитает в Дунскехе (англ.).

император четырнадцатого века), который среди пыли и ужаса своих баснословных походов повелевал каждому воину по дороге на поле битвы класть на землю камень, а после сражения забирать его. Оставшийся таким образом курган служил памятником погибшим.

«Тльковинъ» — речь идет о прирученных язычниках, одомашненных иноземцах, используемых в качестве толмачей.

321/407 *бусови врани*: Мой перевод прилагательного предположительный («*demon ravens*»). Я следовал рассуждениям тех ученых, которые устанавливают связь между ним и столь же неясным эпитетом в ст. 352/448 («время Бусово», «*demon times*», см. примеч.) и в ст. 612/757 («бусым волком», «*demon wolf*»). См. также «дѣти бѣсови» в ст. 179/207. Другие комментаторы предполагают, что все три эпитета (ст. 322/407, 352/448, 612/757) следует переводить просто как «темный» (в древнерусском языке есть слово «бусый»); но такой цветовой эпитет звучал бы очень неестественно применительно к ворону и волку, имеющим, соответственно, традиционные определения «черный» и «серый», прочно закрепленные за ними стилистической традицией (см., например, ст. 155/176 и 11/15).

321–323/408–410 *възгряху у Пльсьнска... къ синему морю*: Весь отрывок очень испорчен, и не вполне ясно, почему город Плесеньск (см. карту) должен обеспечить сани (предполагалось также, что название может читаться как «Плоск», ровная местность неподалеку от Киева). Иллюстрация к рукописным Житиям святых четырнадцатого века, на которой изображены четверо человек, несущих деревянные сани в форме лодки с готовым к погребению телом, пожалуй, вполне объясняет возникающий здесь образ; а море — это место упокоения великих.

328–329/415–416 Кажется, бояре здесь иронически цитируют Игоря (см. ст. 55/110), неразумного и взбалмошного князя. Тьмуторокань (греч. Таматараха), богатый город с прилегающими землями на Таманском полуострове, в одиннадцатом веке принадлежал Руси, и традиционно им владели черниговские князья. Игорь, как и другие его предшественники, мечтал отвоевать его у половцев.

335–340/424–430 *два солнца помѣркоста... и въ морѣ погрузиста*: Ср. «Фингал», книга V (Ossian, vol. I, p. 174): «They sunk behind the hill, like two pillars of the fire of night²²».

Кто такие «молодая мѣсяца»? Имена Олега и Святослава, появляющиеся в следующей строке, могут относиться ко второму и третьему сыновьям Игоря (оба малые дети), либо «Олег» под пером писца

²² Они за холмом сокрылись, словно в ночи два столпа огневых (англ.).

заменял Владимира (старшего сына Игоря, 1173—1212), и тогда Святославом оказывается молодой князь рыльский (1166—1186), племянник Игоря, чье отчество (Ольгович), по всей вероятности, и повлияло на эту ошибку. Летописи не сообщают, брал ли Игорь своих младших сыновей в поход 1185 года; но в них рассказывается, что в 1183 году Игорь призвал своего девятилетнего сына Олега (а точнее нескольких военачальников, которых номинально возглавил Олег), наряду со Святославом Рыльским и Всеволодом Курским сразиться с половцами, тогда уклонившимися от битвы (см. также примеч. к ст. 76/71). Что до строки 341/430 («и въ морѣ погрузиста»), то фраза эта очевидно стоит не на месте, она втиснута между ст. 345/435 («аки пардуже гнѣздо») и 342/436 («и великое буйство»), что бессмысленно. С точки зрения исторической, никто нигде не тонул, за исключением несчастных наемников, погибших в одном из Торских озер, названном в летописи «морем». Два заходящих солнца — это, безусловно, Игорь и Всеволод. Их красные колонноподобные отражения в воде (великолепная метафора, основанная на точном наблюдении) — это либо их дружины, либо (если принять за два месяца двух младших сыновей Игоря) два других предводителя русских — Святослав Рыльский и Владимир Путивльский.

Мы дошли до середины песни.

Пассаж 334—340/422—430 трактуется исследователями по-разному. Его прочитывают как продолжение речи бояр или, с чем я согласен, как авторскую вставку, после которой слово вновь передается вельможам и советникам.

341/437 *подаста Хинови*: Название «хинови» — окказионализм, по-видимому, относящийся ко всей группе азиатских племен, известных русским (см. далее ст. 446/555 и 565/701).

347/442 *уже врьжесе дивь на землю*: См. примеч. к ст. 102—110/118—126.

348/444 *Готския*: Германское племя в Крыму, остатки восточных готов, покоренных гуннами и бывших в дружеских отношениях с половцами.

351/448 *время Бусово*: См. примеч. к ст. 322/407. Существует еще предположение, что здесь подразумевается древний антский князь Бос, Боус или Бооз, побежденный готским королем в четвертом веке.

352/449 *лельють мечь Шароканю*: Шарокан, пишется также «Шарохан» или «Шарукан»; половецкий хан, дед Кончака, разгромленный русскими в сражении на реке Суле в 1107 году.

353/450 *дружина*: Думается мне, здесь это синоним к слову «бояре», хотя, конечно, вообще означает «свита», «телохранители» и т. п.

356/453 *слезами смъшено*: Что касается реального Святослава III и событий 6693 года (1185 г. н. э.), как они описаны в летописях, то о вещем сне нам ничего неизвестно; но в одном месте Ипатьевская летопись и вправду совпадает с песнью. Когда в Чернигове (а не в Киеве) в конце мая 1185 года некий Беловолод сообщил Святославу о поражении Игоря, тот «утерь слезь своих и рече...» Краткая речь, содержащая 46 слов, следующая далее (в которой Святослав жалеет Игоря, и в то же время сокрушается о том, что своей опрометчивостью Игорь уничтожил плоды его, Святослава, недавней победы), не имеет параллелей в тексте песни, за исключением упоминания язычников, которые «отвориша ворота на Руськую землю», что перекликается со ст. 425/528, 429/533, 519/647, где также говорится о «воротах».

359–360/456–457 *Рано еста начала Половецкую землю мечи цвь лити*: Ср. «Фингал», книга III (Ossian, vol. I, p. 90): «Early were thy deeds in arms²³».

372/470 *брата моего Ярослава*: Ярослав Черниговский (ум. 1198), сын Всеволода II и брат Святослава III. В действительности он дал Игорю полк наемников.

Ср. интонацию этого пассажа с «Теморой», кн. I (Ossian, vol. II, p. 19): «Cathmor, my brother, is not here. He is not here with his thousands²⁴».

374–379/472–474 *съ Могуты... и съ Ольберы*: Перечень названий племен или наемных полков. Ни одно не установлено с полной достоверностью, хотя некоторые подразумевают очевидные определения, вводящие комментатора в искушение.

392/492 *Уримъ [у Римъ]*: Рим или Римов, город на реке Суле, был разграблен половцами на обратном пути из Переяславля. См. следующее примеч.

393–394/494–496 *а Володимирь подъ ранами. Туга и тоска сыну Гль боуу!*: Володимир или Владимир Переяславский, сын Глеба Рязанского. Складывается впечатление, что слухи о его смерти от ран еще не дошли до нашего барда, и это помогает нам датировать «Слово» довольно точно (см. примеч. 12 к Предисловию). Летом или осенью

²³ Рано ты начал совершать бранные подвиги (англ).

²⁴ Нет здесь Кахмора, моего брата. Он не здесь со своими тысячами (англ.).

1185 года после разгрома Игоря Кончак, продвигаясь на запад, попытался взять штурмом Переяславль, но был отброшен переяславльским князем Володимиром. Последний получил тяжелые ранения, но все же отправился в поход на половцев (захвативших к тому времени Рим). В Переяславль он вернулся очень больным и умер там 18 апреля 1187 года. Весть о его смерти достигла бы нашего певца не более, чем через две недели, если бы он был где-нибудь неподалеку от Киева.

395/497 *Великий Княже Всеволоде*: Всеволод Владимирский (Владимир — город в районе Суздали), позже Всеволод III (ум. 1212), по прозвищу Большое Гнездо, сын Юрия I. Во времена Игоря этот Всеволод был, пожалуй, самым могущественным князем среди потомков Владимира Мономаха, его деда.

398–399/500–501 *Ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти*: В 1183 году Всеволод разгромил волжских болгар и потопил несколько неприятельских судов.

400–402/504–508 *Аже бы ты былъ... а кощей по резанъ*: Общий смысл тут таков: «Если бы ты был здесь, сражаясь с половцами, твоих пленных было бы так много, что цена их на переполненном невольничьем рынке была бы ничтожно мала». Одна ногата — это двадцатая часть гривны, состоявшей из пятидесяти резан. Средняя цена на невольника-мужчину в те времена составляла пять гривен (сто ногат или двести пятьдесят резан). В терминах кожевенного дела резана или рязана означала обрезанную шкуру стоимостью двадцать копеек, а ногата — целую шкуру, включая ноги, стоимостью пятьдесят копеек.

404/509 *шерешеры*: Смысл слова не вполне установлен. Возможно, имеется в виду какой-то вид «греческого огня». Любопытно, что эпитет «живыми» отсутствует в Архивном списке.

405/510 *удалыми сыны Гльбовы*: Четыре брата Володимира Переяславского.

406–413/511–518 *Ты буй Рюриче... въ злата стремянь...*: Рюрик Белгородский (ум. 1215), могущественный князь, и Давыд Смоленский (ум. 1198), сыновья Ростислава I (ум. 1168) и внуки Мстислава I (ум. 1132). Третий брат, Мстислав Смоленский (ум. 1180) упомянут по отчеству в ст. 462/572. Буйный Игорь враждовал с этими князьями лет за семь до появления «Слова». «По крови плаваша» относится, скорее всего, к битве Рюрика и Давида с половцами на реке Орель или Хорол в 1183 году.

418—433/523—539 *Галичкы Осмомысль Ярославле... за землю Рускую...: Ярослав Галицкий, прозванный Осмомыслом («восемью мыслями»), был отцом жены Игоря, Ефросиньи. Умер 1 октября 1187 года, через несколько месяцев после этого обращения.*

425/529 *меча времени чрезь облакы: «Времены», стоящее в первом издании и в Архивном списке, прочитывается всеми комментаторами как «бремены», то есть тяжести. Быть может, это тяжелые камни, летящие из катапульты.*

429—430/535 *стръляеши... салътани за землями: Считается, что слова эти свидетельствуют о возможном участии войск Галича в третьем крестовом походе.*

432/538 *поганого кощя: Кошей в смысле «злодей».*

436—451/542—559 *А ты, буй Романе, и Мстиславе!... подъ тыи мечи харалужныи: Речь идет о двух князьях дома Мстиславичей: Романе Галицком, сыне Мстислава II, великом воине и знаменитом князе, убитом в битве с поляками в 1205 году; и Мстиславе Пересопницком (ум. 1224), сыне Ярослава Луцкого, чьи другие два сына упомянуты в ст. 461/571.*

441/551 *желъзныи напорзи: Этот окказионализм связывался Буслаевым со словом «перси», грудь, а Перетц — с «поперсыци», наперсная броня. Все это более вероятно, чем «перевод»: «желѣзные паробци», железные молодцы, недавно состряпанный патриотически настроенными исследователями (Орловым и следом за ним Лихачевым).*

446-449/555 *Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела: См. примеч. к ст. 342/437. Ятвязи — литовское племя; Дремела — также, возможно, одно из литовских племен, известное еще и как «dermen», «dermne».*

457—459/567—570 *Донъ ти, Княже, кличетъ.. достъли на брань...: Это неожиданное заявление толковалось по-разному: «Дон (который, по твоим словам, звал тебя) все еще зовет тебя и других князей. Вы, потомки Олега Гориславича, слишком поспешили начать войну». Но все это лишь домыслы; впрочем, существуют и менее убедительные истолкования.*

460—472/571—583 *Инъгварь и Всеволодь...буего Святъславлича: Ингварь и Всеволод, два волынских князя, весьма заметные в период княжения Игоря, сыновья Ярослава Луцкого (из дома Мстиславичей)*

и братья Мстислава Пересопницкого, упомянутого в ст. 437/542; а также три сына Мстислава Смоленского (ум. 1180), являющегося сыном Ростислава I. Последние трое, не названные в песни, были: Давид (не путать с его дядей Давидом Смоленским), Владимир и еще один Мстислав. Эпитет «шестокрилци» остается столь же туманным, сколь и подвиги троих молодых воинов.

473/584 *сребреными струями*: Эпитет «серебряные» применительно к «струям» (здесь в устаревшем значении «потоки воды») видится некоторым комментаторам мелькнувшим странным предвестником современного клише. Ср. «Фрагменты» (Ossian, vol. II, p. 395): «Blood tinged the silvery stream²⁵».

478–494/591–610 *Единъ же Изяславъ... чрьсь злато ожерелие*: Изяслав (погиб в 1162 году в битве при Городце), сын Василько и правнук Всеслава (дом князей полоцких); и два его брата Брячислав Витебский и Всеволод (или Володша).

481/595 *дъду своему Всеславу*: Здесь впервые появляется волшебная тень князя Всеслава, которому будет отведен специальный раздел.

485/600 *и с хоти ю на кровать*: Фраза эта искажена, смысл ее темен.

486/601 *и рекъ*: Велико искушение приписать следующую далее цитату Бояну.

492–494/608–610 *единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чрьсь злато ожерелие*: Согласно русскому поверью, душа человека помещается и вылетает из тела через горловую впадинку над грудиной, небольшую ямку, называемую «душкой». Рубаха князя, которую он носил под плащом, застегивалась на груди целой системой петель, а выше, впереди у ворота, на ней был круглый или квадратный вырез. Это отверстие (которое столь удобно располагалось для вылетающей через горло души) украшалось золотым шитьем и драгоценными камнями, образующими широкую кайму, которая называлась «оплечьем» или, как в нашем тексте, «ожерельем» (переведенным мною как «gorget»). Сегодня последнее означает лишь ювелирное украшение, бусы. Образ души, изроненной из тела, подобно жемчужине, возникает в религиозных трудах вплоть до семнадцатого века (например, в «Письмах» Аввакума).

²⁵ Кровь окрасила серебряный ручей (англ.)

498/617 *Ярославе, и вси внуце и Всеслави*: Возможно, имеется в виду Ярослав Галицкий. О Всеславе здесь и в ст. 506/627 см. далее.

508/631 *На седьмомъ вѣць Трояни*: См. примеч. к ст. 61/59.

508—544/631—678 *На седьмомъ вѣць Трояни... суда Божиа не минути*: Всеслав Полоцкий (ум. 1101), сын Брячислава и правнук Владимира I. Сей буйный князь считался колдуном. Используя мятеж, в результате которого с киевского престола свергнут был Изяслав I (дом Ярославичей), Всеслав сел в Киеве в 1068 году на семь месяцев. Годом ранее он взял Новгород (большой город к северу от Полоцка, см. карту), коим традиционно владели Ярославичи. Тут же последовала битва на реке Немиге (в районе Минска), где Всеслав был разгромлен тремя сыновьями Ярослава I. Всеслава воспевал Боян, его современник, от которого наш бард, кажется, позаимствовал кое-какие детали.

516/643—644 *объсися синь мъль*: Объятый синем туманом. Ср. «Фингал», кн. II (Ossian, vol. I, p. 64): «The blue mist...hides the sons of Inis-fail²⁶»; «Темора», кн. VI (Ossian, vol. II, p. 185): «He clothes, on hills, his wild gestures with mist²⁷»; и кн. VII (p. 208): «From the skirts of the evening mist, when it is rolled around me²⁸».

517/645—646 *утрь же возни [возни] стрикусы*: Я следую комментаторам-консерваторам, которым смутно видится в окказионализме «стрикусы» некий вид оружия или военного механизма. Леонард Магнус в примечаниях к своему английскому переводу (1915, с. 110) предлагает чтение «утрь же вязни в три кусы» (он порвал свои узы на три куска), что кажется ему более разумным, чем «утрь же вазни с три кусы» (он отбросил свою удачу в три укуса). Якобсон (в кн. «La Geste du Prince Igor», 1948, p. 196) полагает, что не отбросил, а ухватил. Все это относится к лингвистическим салонным играм.

519/648 *славу Ярославу*: Ярослав I, основатель дома, к которому принадлежали недруги Всеслава.

521/650 *съ Дудутокъ*: Эта местность никогда не была точно определена. Основываясь на неизвестных документах, Карамзин сто пятьдесят лет назад предположил, что имеется в виду монастырь в Дудутках, неподалеку от Новгорода. Игривое воображение некоторых

²⁶ Голубой туман... скрывает сыновей Инис-файл (англ.)

²⁷ На холмах облачает свирепый свой облик туманами (англ.)

²⁸ Из подола вечернего тумана, когда он меня обволакивает (англ.).

комментаторов расчленило и перестраивало «съ Дудутокъ», составляя всевозможные сочетания, наделенные мало-мальски подходящим смыслом.

522—528/651—658 *На Немизь снопы стелютъ головами... постьяни костью Рускихъ сыновъ*: Кровавая битва, проигранная Всеславом на реке Немиге, произошла 3 марта 1067 года (согласно Лаврентьевской летописи). Всеслав был разбит сыновьями Ярослава I (Изяславом, Святославом и Всеволодом) и бежал.

532/664 *до куръ Тмуроканя*: Заглавная буква второго слова (явная описка) заставила первых издателей принять его за «Курскъ» вместо «куръ»!

533/665 *великому Хръсови*: Хорс, бог Солнца (см. примеч. к ст. 71/66).

533—536/666—670 *влькомъ путь прерыскаше... а онъ въ Киевъ звонъ слыша*: Почему-то этот отрывок всегда напоминает мне прелестные строки из «Песни последнего менестреля» Вальтера Скотта (песнь II, строфа XII):

In these far climes it was my lot
To meet the wondrous Michael Scott,
A wizard of such dreaded fame
That when in Salamanca's cave
Him listed his magic wand to wave
The bells would ring in Notre Dame.²⁹

541—543/676—677 *Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду*: Вслед за Магнусом (1915, р. 19, 59) я изменяю третью строку (вторую в переводе) таким образом: «ни птицю, ни гудцю».

545/679 *О стонати Руской земли*: Наш бард вторит Бояну собственным пророчеством: Русская земля тоже не минует Божьего суда.

548/682 *Того стараго Владимира*: По-видимому, Владимира I.

550—551/685 *стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы*: См. примеч. к ст. 407—414/511—518.

²⁹ В тех дальних краях мне выпало на долю / Повстречаться с удивительным Майклом Скоттом, / Кудесником с такой ужасной славой, / Что когда в пещере Саламанки / Он по желанию своему взмахивал волшебным жезлом, / Колокола звонили в Нотр-Даме (англ.).

553—554/687 *Копиа поють на Дунаи*: Сдается мне, здесь та же интонация, что и в ст. 232—233/282—283: «Что ми шумить, что ми звенить...», и в определенном смысле это ответ на тот напевный вопрос.

554/688 *Ярославнынъ гласъ ся слышитъ*: Ярославна — вторая жена Игоря (с 1184 года), Ефросинья, дочь Ярослава Галицкого. В ее устах название Дунай звучит как общее обозначение любой большой реки (Магнус предполагает (с. 69), что, возможно, «Ярославна в своем воображении слышит, как ее отец, Ярослав Галицкий, готовит воинов к освобождению Игоря»). Отметим, что у Ефросиньи не нашлось слез для своего пасынка Владимира, чья мать, первая жена Игоря, умерла в 1183 году.

562—570/699—708 *О вѣтрѣ, вѣтрило!.. по ковылию развѣя?*: Ср. обращение к ветрам в «Дар-туле» (Ossian, vol. I, pp. 381-383): «Where have ye been, ye southern winds! When the sons of my love were deceived?... O that ye had been rustling, in the sails of Nathos [son of Usnoth], ...It was then Dar-thula [daughter of Colla] beheld thee, from the top of her mossy tower³⁰». См. также жалобы Кольмы в «Песнях в Сельме» (Ossian, vol. I, pp. 455-456): «Cease a little while, O wind! stream, be thou silent a while! Let my voice be heard around. Let my wanderer hear me! Salgar! it is Colma who calls³¹».

573/711 *О Днепре Словутицю*: Фольклорный эпитет с интонацией обращения к близкому человеку, что трудно передать в английском. Некоторые понимают его как «сын Словуты», то есть сын знаменитого человека, или же называют Словутичем приток в верховьях Днепра.

574—575/712—713 *каменные горы*: Речь о порогах чуть к востоку от 35 меридиана.

589/731 *Прысну море полунощи*: Здесь начинается последняя часть песни. Силы природы вняли плачу Ефросиньи. Интересно, не Стрибог ли превратился в «бога» в ст. 592/733 под пером благочестивого писца?

596—597/738—739 *Игорь спитъ, Игорь бдитъ*: Означает: «то спит, то бдит». В переводе невозможно передать ни звонкую рифму, ни четкий ритм.

³⁰ Где же вы были, южные ветры, когда обманулись чада моей любви?... Ах, если б шумели вы в парусах Натоса [сына Уснота]... Тогда-то тебя и узрела Дар-тула [дочь Коллы] с высоты своей мшистой башни (англ.).

³¹ Умолкни на время, о ветер, и ты на время утихни, поток, чтобы мой голос разнесся над равниной, мой странник меня услышал! Салгар! Кольма зовет тебя (англ.).

599/741–742 Наш бард помещает героя восточнее того места, где находился в плену реальный Игорь.

Когда Игорь бежал? Ипатьевская летопись сообщает, что он оставался «тоть годъ» (1185) в половецком стане. Лаврентьевская, напротив, говорит лишь: «И по малыхъ дняхъ ускочи Игорь». Но прошел, должно быть, по крайней мере, год, и вновь наступила весна, судя по описанным далее природным явлениям.

607/751 *А Игорь Князь поскочи*: Бегство реального Игоря, скорее всего, произошло после того, как он узнал о действиях Кончака на переяславльской земле в начале 1186 года (см. примеч. к ст. 394–395/494–496). Ходили слухи, что по возвращении Кончака в степь всех князей казнят, и Игорь, ранее отказавшийся от побега, теперь решил использовать возможность, которой другие князья были лишены. Судя по летописям, ему жилось в плену не столь уж плохо. Игорю была разрешена ястребиная охота. А с киевской земли для него привезли священника. Летопись подтверждает описание побега, сделанное автором «Слова». Игорь передал Лавору (Овлуру или Влуру), дружественно настроенному половцу, возможно, родственнику, чтобы тот перешел на дальний берег реки Тор (притока Днепра; см. карту) с конем поводным. Стража пила кумыс и веселилась. Воспользовавшись этим, Игорь бежал к Лавору. Летопись рассказывает, что Господь сотворил избавление Игоря в пятницу. Перейдя Тор вброд, он поскакал далее, однако вскоре спешился и, по словам летописца, «и иде пешь 11 день до города Донца». Отсюда его путь лежал в Новгород-Северский. Затем в Чернигов на встречу с Ярославом. И, наконец, в Киев, где Игоря тепло принял Святослав III и его соправитель Рюрик.

611/757 *бусымъ влъкомъ*: Подобно оборотню. Прилагательное также трактовалось как «голым», «босым», «белоногим» с различными коннотациями, связанными с темой спасения, мощи, волшебства (см. также примеч. к 322/407).

620/768 *труся собою студеную росу*: В этом восхитительном образе мне видятся высокие влажные степные травы в весеннюю пору.

624/778 *Не мало ти величия*: Не мало тебе величия (славы). Ср. сходную интонацию в «Фингале», кн. I (Ossian, vol. I, p. 18): «But small is the fame of Connal!»³²

³² Но мала слава Коннала! (англ.).

632/783 *на своихъ сребренныхъ брезъяхъ*: Некоторые объясняют этот эпитет меловой окраской берегов.

638—647/791—802 *Не тако ти, рече, рѣка Стугна... къ земли прѣкло-нилось*: Ростислав Переяславльскій, сын Всеволода I, брат Владимира Мономаха и предок жены Игоря по отцовской линии, утонул в Стугне (приток Днепра в нескольких милях к югу от Киева) в 1093 году, пытаясь перейти ее вброд вместе со своим более удачливым братом во время отступления после проигранной битвы с половцами.

641/796 *ростре на кусту* и ст. 643/799 *Днѣпръ темнь березъ*: Неясный и испорченный отрывок, ст. 641/796 прочитывают еще и как «къ устью», а 642—643/797—498 можно понять как «затворив его на дне при («днѣ при») темном берегу». Неожиданное появление еще одной реки, Днепра великого, стилистически вызывает, конечно, раздражение; но сочетание «днѣ при» чрезвычайно искусственно, и его не вынес бы ни один поэт именно по причине сходства его с тем самым «Днепром», который, по всей видимости, и сбил с толку писца.

656—670/814—830 *Млѣвить Гзакъ Кончакови... въ полѣ Половецкомъ*: Ипатьевская летопись содержит иной разговор реальных Кончака и Кзы. Связь между ним и структурно организованным диалогом, сочиненным нашим бардом, столь же очевидна, сколь и необъяснима. Вот как летописец излагает несколько сумбурные планы половецких ханов после победы над Игорем: «Молвяшетъ бо Кончакъ: «Пойдемъ на Киевскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ». А Кза молвяшетъ: «Пойдемъ на Семь, где ся остале жены и дѣти [в Путивль]: готовъ намъ полонъ собранъ; елминъ же горды без опаса». Кончак напал на Переяславль (см. примеч. к ст. 375—395/472—496), а Кза на Путивль, но ни тот, ни другой не смогли взять эти крепости. На обратном пути Кончак разгромил Рим, а Кза разорил земли вокруг Сейма. Следует отметить, что исторический Кза (как и поэтический) представляется более рассудительным и благоразумным, нежели тщеславный Кончак, каким мы видим его в истории и искусстве.

672—673/833—834 *пѣснетворца стараго времени*: Ср. «Сражение с Каросом» (Ossian, vol. I, p. 235): «Bard of the times of old³³».

672—674/833—834 *Святъславля... Ярославля, Ольгова, Коганя*: «Коган» или «каган» — это титул хазарских и аварских владык, иногда

³³ Бард старого времени (англ.).

дававшийся также русским князьям в XI веке. Боян, по-видимому, воспеваает князей Святослава II и его сыновей Ярослава и Олега (см. Родословную).

671–674/831–834 Отрывок этот очень запутанный. В переводе я сделал все, что мог.

680–681/843–846 *дѣвици поють на Дунаи... до Киева*: С художественной точки зрения, эти девицы, чьи голоса вьются песнями где-то на юго-западном Дунае (если, конечно, подразумевается не обобщенный Дунай, к которому обращается Ефросинья), образуют любопытную параллель с другими девами, поющими на берегу синего моря в ст. 349–353/444–449. Существует предположение, что здесь, в ст. 681–682/843–846, имеются в виду русские поселения в низовьях Дуная, но все же довольно странно, что песни девиц достигают Киева таким окольным путем.

682/847 *ѣдетъ по Боричеву*: Боричев взвоз, неоднократно упоминаемый в летописях, находится в Киеве.

683/848 *къ Святѣй Богородици Пирогощей*: Церковь эта была основана Мстиславом I в 1132 году — одна из немногочисленных христианских аллюзий в тексте «Слова».

689/856 *Владимиру Игоревичу*: Согласно Ипатьевской летописи, сын Игоря, Владимир, вернулся в Новгород-Северский с женой и ребенком во второй половине сентября 1187 года. Христианский обряд венчания был совершен *post factum*, и его жена, дочь Кончака (как сообщает Татищев в своей «Истории Российской»), получила при крещении имя Свобода. В песни нет указаний на то, что наш бард закончил свое произведение уже *после* возвращения Владимира, но раз он поет «славу» Владимиру, значит ему известно, что молодой князь жив и женат (по половецким обычаям) и что он пребывает в местах пленения не столь уж тяжкого, которому предстоит закончиться летом 1187 года.

693–694/860 *Княземъ слава, а дружинѣ Аминь*: В таком прочтении эта двусмысленная фраза весьма откровенно своим кратким «аминем» отодвигает в сторону дружину, но прославляет князей. Не исключено, что ее следует читать: «Княземъ слава и дружинѣ», «Аминь» же отнести на совесть благочестивого писца. А быть может, между «дружинѣ» и «Аминь» выпало при переписывании слово «честь».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВЛАДИМИР НАБОКОВ — ПЕРЕВОДЧИК
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Перед добросовестным или, как сказал бы В. Набоков, честным переводчиком («honest translator»), взявшимся за перевод «Слова о полку Игореве», неизбежно встает ряд вопросов, разрешить которые необходимо раньше, чем приступить к собственно переводу. Вопросы эти решаются как исходя из теоретических установок самого переводчика (если таковые имеются), так и исходя из объективно существующих проблем, присущих переводимому тексту. О том, как должно переводить, Набоков задумывался неоднократно на протяжении всей своей творческой жизни, причем его взгляды претерпевали с годами существенные изменения. Мы не станем касаться здесь темы автопереводов Набокова, темы чрезвычайно интересной, но требующей отдельного детального изучения. Что же касается теоретических установок при работе с текстами других авторов, то, размышляя о переводе «парафрастическом» и «буквальном», писатель поначалу склонялся к первому, однако позднее пришел к убеждению, что литературное произведение, причем как прозаическое, так и поэтическое, следует переводить только «буквально», хотя, конечно, буквализм Набокова вовсе не имеет своим следствием появление лексически корявого или синтаксически громоздкого подстрочника. «Выражение “буквальный перевод”, как я его понимаю, — пишет он в 1964 г. в комментарии к своему переводу “Евгения Онегина”, — представляет собою некую тавтологию, ибо лишь буквальная передача текста является переводом в истинном смысле слова». При этом, однако, писатель спешит оговориться: «Прежде всего, “буквальный перевод” предполагает следование не только прямому смыслу слова или предложения, но и смыслу подразумеваемому, это семантически точная интерпретация, не обязательно лексическая (относящаяся к передаче значения слова, взятого вне контекста) или структурная (следующая грамматическому порядку слов в тексте). Другими словами, перевод может быть и часто бывает лексическим и структурным, но буквальным он станет лишь при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонации текста оригинала»¹. Анализируемый здесь перевод «Слова» был сделан Набоковым в 1960 г., и нет никаких

¹ В. Набоков. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 555.

сомнений в том, что именно описанный выше принцип был положен в основу этой работы.

Текст «Слова» представляет для переводчика целый комплекс проблем. Прежде всего, то обстоятельство, что оригинал написан на языке XII века, делает необходимым привлечение к работе другого «перевода» — на современный русский. Кроме того, Набоков ни на минуту не забывал, что имеет дело не с самим оригиналом, а с копией, составленной А. И. Мусиным-Пушкиным, без сомнения, требующей некоторых, порой значительных, корректировок. «Темные места» «Слова» также требовали определенных переводческих решений, для чего следовало подробнейшим образом изучить существующие к тому моменту трактовки и комментарии. Таким образом, отметим, что все те проблемы, которые довольно легко могли бы быть отброшены как несущественные при создании перевода-парафразы, настоятельно требовали исследования и, в конце концов, так или иначе были решены «буквалистом» Набоковым.

Конечно, нелепо было бы пытаться перевести «Слово» английским языком XII века, однако придать некоторую архаичность английской версии было необходимо. Здесь Набоков пошел по пути использования целого ряда архаичных слов и выражений, а также некоторых лексических единиц, имеющих поэтические коннотации или же отмеченных в словарях как «редкие» и «книжные». Так, например, для слова «песнь» он находит редкое соответствие «*laud*»; «земля» переводится с помощью «поэтического» слова «*sod*», а «кровь», пролитая в бою, обозначается другим «поэтическим» словом «*gore*». Для сравнения можно указать, что в другом переводе «Слова», выполненном Ириной Петровой², в тех же местах употребляются слова, принадлежащие нейтральному слою лексики: «*tale*», «*earth*» и «*blood*». Наряду с отмеченными выше можно отметить также использование таких лексем, как «*hearken*» (*поэт., возвыш.* слушать), «*morn*» (*поэт.* утро), «*eve*» (*поэт.* вечер), «*doughty*» (*уст.* доблестный), «*heed*» (*уст.* замечать, заботиться) и др.

Для достижения необходимого стилистического эффекта Набоков-переводчик часто использует прием инверсии, весьма характерный для поэтических текстов английского языка, языка, синтаксис которого отличается фиксированным порядком слов в предложении. Так, сказуемое или глагол-связка (иногда с обстоятельством или дополнением) может оказаться в препозиции к подлежащему: *In the field slumbers Oleg's brave aerie: far has it flown! (171—173); none at all shall we touch (338): Pined away have the ramparts of towns (387)*. В других случаях предикатив или обстоятельство могут предшествовать подле-

² The Lay of the Warfare Waged by Igor. M., 1981.

жащему и глаголу: *dark it was* (422), *Early did you begin to worry with swords the cuman land* (456—457); *Inside out have the times turned* (491).

Нет нужды говорить, что стилистическое своеобразие «Слова», определяемое использованными автором разнообразными стилистическими фигурами, является предметом пристального внимания переводчика. Метафоры, сравнения, олицетворения, символы, эпитеты, поэтическая гиперболоизация, риторические обращения были адекватно переданы в тексте перевода. Исходному русскому тексту свойственно, кроме того, использование фигуры повтора, параллельных конструкций, столь характерных для фольклора и эпического повествования. Набоков тщательнейшим образом сохраняет их в переводе («свѣт свѣтлый» — «bright brightness»; «Что ми шумить, что ми звенить» — «Whan dins unto me, what rings unto me» и др.)

Неоценимую помощь в придании английскому тексту нужного колорита, архаичного звучания и поэтичности оказал Набокову другой шедевр европейской литературы, а именно поэмы Оссиана, содержащие, как было замечено Набоковым, несомненные параллели со «Словом». Об этом сходстве говорится в набоковском Предисловии к переводу, а в его комментарии отмечаются наиболее характерные места. Поэмы Оссиана, написанные на гэльском языке, были «переведены» Джеймсом Макферсоном на современный ему английский в 1762 году. Интересное совпадение: работа обоих переводчиков протекала с разницей почти ровно в двести лет. Но совпадения на этом не заканчиваются. Уместно вспомнить, что подлинность как «Слова», так и поэм Оссиана долгое время вызывала сомнения не у одного поколения филологов. Впрочем, что касается Набокова, то для него в подлинности «Слова» сомнений нет, о чем свидетельствуют рассуждения переводчика в Предисловии и в комментариях; относительно же поэм Оссиана Набоков-исследователь решает для себя этот вопрос путем текстологического сопоставления этих двух произведений и приходит к выводу, подтвержденному, в сущности, новейшими исследованиями. Макферсон действительно опирался в своей работе на подлинные гэльские баллады, хотя и приспособивал их к литературным требованиям преромантизма, создавая, таким образом, перевод весьма вольный, что, впрочем, было довольно распространенным явлением в ту эпоху. «Парадоксальным образом, — пишет Набоков, — эти совпадения доказывают не то, что некий русский в восемнадцатом веке последовал примеру Макферсона, а то, что макферсоновская стряпня, скорее всего, все-таки содержит обрывки подлинных древних поэм. Не столь уж нелепым кажется предположение, что сквозь туман скандинавских саг можно разглядеть переброшенные мосты или их руины, связующие шотландско-гэльские поэмы с киевскими». А вот мнение исследователя «оссиановской полемики» и переводчика поэм Оссиана на русский язык Ю. Д. Левина: «В том, что Макферсон был знаком с подлинными преданиями кухулинского

и оссиановского циклов, не может быть сомнений»³. Макферсон, конечно, привнес в тексты этих поэм многое, что соответствовало его собственным представлениям о необходимой поэтичности, приспособившая свою поэтическую систему к требованиям преромантической эстетики, отсюда все «красивости» и «туманности» макферсоновского слога. И все-таки, если отбросить отмеченный, кстати, и Набоковым «туман», привнесенный в гэльский эпос Макферсоном, мы обнаружим, что оба произведения действительно имеют общие черты. Правильным, наверное, будет утверждать, что сходство, скорее всего, обнаружится между «Словом» и теми отрывками гэльского эпоса, которые *легли в основу* творения Макферсона. И еще одно существенное совпадение — древнейшие сборники, на которых основываются поэмы Оссиана, создавались примерно в одно и то же время со «Словом» и относятся к XI и XII векам. Оба произведения написаны ритмической прозой. Они близки по тематике — как и многие поэмы Оссиана, «Слово» посвящено сражению, причем сражению проигранному. И в том и в другом случае для повествования характерны лиризм, описания чувств героев (по большей части это скорбь, печаль, плач). Важную роль в обоих произведениях играет пейзаж, имеющий лирическую окраску, когда картины природы согласуются с настроениями героев.

Стилистические особенности «Слова», о которых говорилось выше (использование метафор, сравнений, символов, олицетворений, гипербол, риторических фигур), присущи не в меньшей степени и поэмам Оссиана. Естественно, что переводчик Набоков, основываясь на замеченных им параллелях, не мог не использовать в своем переводе некоторые элементы лексики и синтаксиса гэльских поэм, пусть доступных ему лишь в обработке Макферсона. На лексическом уровне это проявилось в использовании многих слов, постоянно встречающихся на страницах поэм Оссиана, для перевода тех лексических единиц, которые также довольно часто употребляются безымянным русским бардом. Здесь следует отметить, что Набоков осуществляет такие подстановки с четкой последовательностью на протяжении всей песни. Приведем несколько примеров. Русск. *усобища* переводится как *strife*, одно из ключевых слов в поэмах Оссиана. *Комони (кони)* — всегда *steeds*; *мъгла* — *mist*; *мечи харалужные* — *steel swords*, *гремлеши (гремись)* — чрезвычайно распространенное при описании битвы английское звукоподражание *clang*, *стол* — *throne*; *нурь* — *feast*; *красныя дъвы* — *fair maids*; *умро* — *torn*; *высоко* — *on high*. При описании героя, охваченного некими чувствами, Набоковым используется глагол «*inthrall (enthrall)*». Так, «туга умь полонила» переводится вполне по-

³ Ю. Д. Левин. «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона // Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 485.

оссиановски: «*Greif has enthralled my mind*» (ср. «*Erin is intrhalled in the pride of his <...> soul*»). Очень часто в поэмах Оссиана человек (воин) сравнивается со столпом (*pillar*). Поразительно, что точно такое же сравнение обнаруживается в «Слове». Заметив это совпадение, Набоков, конечно же, включает в свой перевод соответствующий английский эквивалент.

На синтаксическом уровне Набоков активно использует, как уже отмечалось, инверсию, весьма характерную и для поэм Оссиана («*Many are his chiefs in battle*»; «*Hard is the heart of rock*» и пр.)

Описание окончания битвы Игоря с половцами («*Бишася день, бишася другой; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы*») явно перекликается со строками из первой книги Фингала: «*Three days we renewed our strife, and heroes stood at a distance and trembled. On the fourth, Fingal says, that the king of the ocean fell*». Перевод Набокова: «*They fought one day; they fought another; on the third, toward noon, Igor's banners fell*».

Известно, какое огромное внимание придавал Набоков звуковому облику слова в своем собственном творчестве, как важно для него все, что связано с фонетическим своеобразием текста — каламбуры, ассонансы, аллитерации. Как не вспомнить, например, искреннее удивление писателя по поводу того, что критики не заметили двух букв «V», символизирующих его имя Владимир и имя его жены Веры, в названии книги «*Conclusive Evidence*». С таким же вниманием и тщательностью подходит Набоков и к передаче звукового своеобразия лексики других авторов, в частности, автора «Слова».

Пожалуй, наиболее ярко в «Слове» представлена аллитерация. Приведем лишь несколько примеров того, как мастерски передает ее переводчик: «Луче жъ бы *потяту* быти, неже *полонену* быти» («Лучше ведь убитым быть, чем плененным быть») — «*It is better indeed to be slain than to be enslaved*», несколько раз встречается в русском тексте «*говор галичь*» («говор галок»), что передается как «*jargon of jackdaws*».

Здесь следует отметить еще одну чрезвычайно интересную деталь. Набоков не только передает в своей английской версии существующие в русском тексте фонетические стилистические приемы, но и создает звуковую переключку между некоторыми словами русского текста и их английскими соответствиями, что, естественно, можно заметить лишь сопоставив оригинал и перевод. Так, для слова «*папалома*» («погребальное покрывало») Набоков находит созвучное английское «*pal*» («покрой», «пелена»), хотя совершенно очевидно, что он мог выбирать из нескольких вариантов. В этой связи интересен и случай перевода выражения «*акы пардуже гитьздо*» («точно выводок *генардов*»). Всегда столь точный в переводе названий животных и растений, Набоков в данном случае предпочитает звуковую точность смысловой и употребляет английское слово «*pard*» («*like a brood of pards*»), хотя

слово это означает не «гепард», а «леопард», животное, хоть и одного с гепардом семейства, но другого вида. Вероятно, звуковой облик английского слова «*cheetah*» («гепард») никак не мог удовлетворить переводчика в данном контексте. Кроме того, возможно, это явилось мысленной компенсацией переданной аллитерации в следующем русском предложении: «Уже снесся хула на хвалу» («Уже пал позор на славу») — «Already disgrace has come down upon glory». Наконец, отметим еще один случай, когда Набокова настолько увлекла звукопись, что он принес ей в жертву даже смысловую точность, пойдя при этом наперекор собственным переводческим установкам. О готских красных девах говорится, что они «*лелють* месть Шароканю», а в переводе читаем: «They *lilt* vengeance for Sharokan». «Lilt» — это, конечно же, не «лелеять», а «петь, играть, двигаться живо и ритмично», то есть «они живо и ритмично поют о мести». Но поскольку о пении готских дев все же говорилось в предыдущей строке, едва ли можно упрекать Набокова в данном небольшом искажении, тем более что переводчику удалось привнести в английский текст звукоизобразительный эффект, вызванный теми же согласными «л» и «т» русского слова.

В заключение следует, пожалуй, отметить некоторые места, перевод которых, выполненный Набоковым, существенно отличается от версии Д. С. Лихачева, о чем не упоминается в переводческих комментариях. Так, например, предложение «жаль бо ему мила брата Всеволода» («ибо жаль ему милого брата Всеволода») переводится как «беспокоится он (*he is anxious about*) о милом брате Всеволоде». Одно из «темных мест» «Слова»: «Я схоти ю на кровать, и рекъ»⁴, прочитываемое как «и с хотию на кров, а тьи рекъ» и интерпретируемое Лихачевым как «[был прибит литовскими мечами] на кровь со своим любимцем, а тот и сказал»⁵ — переведено Набоковым «[и упал] на кровавую траву [словно?] с любимой (*a beloved one*) на кровать. И [Боян] сказал». Слова Всеволода «А мои ти куряне свѣдоми кѣмети», первоначально интерпретировавшиеся Д. С. Лихачевым как «А мои-то куряне — знаменитые воины»⁶, переведены аналогичным образом и В. Набоковым (*famous knights*). Однако в 1983 г. Д. С. Лихачев изменяет трактовку: «А мои-то куряне — опытные воины»⁷. В другом месте вместо чтения Лихачева «Копиа поють! / На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ» Набоков сохраняет разбивку строк на предложения из первого издания: «копиа поють на Дунаи. / Ярославнынъ гласъ ся слышитъ».

⁴ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича... М., 1800. С. 34.

⁵ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 95.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Слово о полку Игореве. М., 1983. С. 167.

Интересно отметить, что Набоков использует различные английские написания для упоминаемого в исходном тексте слова «Дунай» — традиционное Danube, там, где слово это означает определенное географическое понятие («затворивъ Дунаю ворота», «суды ряда до Дуная» и «дѣвици поють на Дунаи»), и транслитерацию русского слова Дунай в том случае, когда, с точки зрения переводчика, речь идет не о конкретной реке, а об отвлеченном художественном образе реки вообще.

Данные беглые заметки не ставят своей целью осветить весь переводческий процесс работы Набокова над «Словом о полку Игореве», шедевром древнерусской литературы, но даже те немногие наблюдения, которые были приведены выше, несомненно, свидетельствуют о необычайно высокой степени художественной и семантико-стилистической точности, достигнутой переводчиком, являющимся в первую очередь идеальным читателем, который сочетает в себе качества тонкого ценителя и знатока русской литературы и терпеливого и внимательного исследователя. Сочетание этих качеств с великолепным владением языком перевода и литературы, на этом языке созданной, приводит к убедительному опровержению избитой истины, гласящей: «Traduttore — traditore». «Буквалист» Набоков даже в своих отступлениях от исходного текста остался верен оригиналу и его художественной правде.

ОБ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ Н. С. ГОНЧАРОВОЙ
К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Использованные в настоящем издании иллюстрации были выполнены Н. С. Гончаровой для выпущенного в свет в 1923 г. в Мюнхене в издательстве «Орхис» «Слова о полку Игоре́ве» в немецком переводе Артура Лютера¹. Книга была издана в количестве 700 нумерованных экземпляров². Ее художественное оформление было целиком осуществлено Натальей Сергеевной Гончаровой (1881–1962)³. Созданные и опубликованные за границей (художница жила с 1915 г. в Париже), эти иллюстрации почти неизвестны в России, поскольку тираж не получил здесь распространения. Показательно, например, что мюнхенское издание «Слова о полку Игоре́ве» отсутствует в таких крупных книгохранилищах Санкт-Петербурга, как БАН, Научные библиотеки Академии художеств, Гос. Эрмитажа, Театрального института, Пушкинского Дома. Тем не менее немецкий перевод А. Лютера был учтен в предвоенной Библиографии изданий «Слова» В. П. Адриановой-Перетц (правда, здесь не отмечено наличие иллюстраций)⁴. Отсутствие мюнхенского издания «Слова» в распоряжении специалистов не могло не сказаться на его судьбе. Книгу мало кто мог подержать в руках, увидеть своими глазами, перелистать, подумать о соотношении текста и изобра-

¹ Die Mär von der Heerfahrt Igers. Der ältesten Russischen Heldendichtung Deutsch nachgedichtet van Arthur Luther. Im Orchis Verlag München erschienen in Jahre 1923. Цитаты данного перевода публиковались в статьях: *Жинкин М. П.* Новый переклад «Слово о полку Игоре́вим» // Літературний архів. Харків, 1931. Книга 1–2. С. 178–190; *Штурм Г.* К истории переводов «Слова о полку Игоре́ве» на немецкий язык // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 163–169.

² На последней странице книги читается: Diese erste illustrierte Ausgabe von Igers Heerfahrt ist in einer numerierten Auslage von 700 Exemplaren von den eigenen Buchwerkstätten der Allgemeinen Verlagsanstalt München gedruckt und gebunden worden. Die Nr. 1–100 sind Ganzpergament Bände, die Nr. 101–700 Halbpergament Bände. Далее приводится конкретный номер: Dieses Exemplar hat die Nummer... Нами привлекались экземпляры № 132 (Научная библиотека МГУ) и 632 (Научная библиотека Гос. Русского музея).

³ На с. 4 читается: Illustrationen und Ornamente Copyright 1924 by N. Gontcharowa. Text und Illustration Nachdruck nur mit Benehmigung des Verlages.

⁴ «Слово о полку Игоре́ве». Библиография изданий, переводов и исследований / Сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1940. С. 30.

жения. В результате образовалась лакуна: мы не можем назвать ни одного профессионального отзыва о графическом цикле Н. С. Гончаровой 1923 г. в современной ему отечественной художественной критике. Исключение составляет рецензия Н. П. Жинкина, в которой при разборе перевода автор не скрывает своего неприятия иллюстраций Н. С. Гончаровой. Он отмечает в них черты модернизма и конструктивизма, условность и стилизацию, считая, что все это уводит читателя от эпохи Игоря Новгород-Северского и обращает его к времени Игоря Северянина. Н. П. Жинкина шокируют «футуристические формы» при передаче солнечного затмения, не вызывают удовлетворения и образы Баяна и особенно Ярославны. Вместе с тем рецензент заметил обращение Н. С. Гончаровой к старым миниатюрам, в частности «готический тон» в титульном листе, тератологический стиль некоторых рисунков и передачу динамики событий «Слова». В результате Н. П. Жинкин признает высокое художественное значение как перевода, так и всего издания — несмотря на отмеченные им дефекты «перекладу и иллюстраций»⁵.

Позднее, в период печально известной «борьбы с космополитизмом», перевод А. Лютера и оформление Н. С. Гончаровой получили резко отрицательную оценку. Видимо стремясь отмежеваться от «буржуазного мира», В. Д. Кузьмина, весьма авторитетный филолог, обрушилась на идейные позиции А. Лютера со ссылкой на его комментарии к немецкому переводу «Слова», а затем, гораздо резче и злее Н. П. Жинкина, упрекнула «рисунки» Н. С. Гончаровой за «печать фальсификации», за модернизм и условность, за искаженный «самый облик персонажей», за «азиатский» колорит, за дезориентацию западноевропейского читателя и т. д.⁶ Несколько позднее, в 1950 г., в том же духе оценены иллюстрации Д. С. Стеллецкого (они не изданы) и Н. С. Гончаровой в беглом обзоре П. Н. Попова: здесь художницу упрекают в следовании «лженародным современным примитивам», в поисках «не прогрессивных, а реакционных сторон прошлого», с присущими им чертами как «болезненность и уродство». «Буржуазным» иллюстраторам П. Н. Попов достаточно произвольно противопоставляет «оптимистичное, бодрое, живое, красочное повествование» у палешанина И. И. Голикова⁷.

Приведенные примеры категоричных и в сущности ничуть не доказа-

⁵ Жинкін М. П. Новий переклад «Слова о полку Ігоревім». С. 179—180.

⁶ Кузьмина В. Д. «Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы // Слово о полку Игореве: Сб. статей / Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 14—15.

⁷ Попов П. Н. «Слово о полку Игореве» в изобразительном искусстве XIX—XX вв. // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под. Ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 458—478.

тельных оценок графического цикла Н. С. Гончаровой показывают, что он остается непонятым и попросту неизвестным на родине автора.

В то же время еще в 1929 г. Марина Цветаева (запальчиво заявившая, что ей вообще «картинки не надо», поскольку она поэт) оставляет лаконичный, но выразительный отзыв: «...славлю Гончарову за Игоря»⁸. Но этот отзыв поэтессы попал в круг внимания отечественной интеллигенции только через сорок лет — в 1969 г.⁹

Не приходится удивляться, что в «Истории русского искусства» иллюстрации Н. С. Гончаровой к «Слову о полку Игореве» вообще не упоминаются¹⁰. А между тем две репродукции с них были помещены в изданном Учпедгизом пособии, составленном О. А. Пини (по инициативе и под редакцией Д. С. Лихачева)¹¹. Это было редкое по полноте привлеченного материала предприятие. Опубликованные здесь репродукции — обложка книги и один из декоративных листов — долго оставались единственными образцами оригинальной работы художницы.

Только к юбилейной дате — к 800-летию похода князя Игоря — в нашей периодической печати стали появляться воспроизведения некоторых иллюстраций Н. С. Гончаровой к мюнхенскому изданию «Слова»¹².

На одном из юбилейных заседаний 1985 г. в Москве Г. Г. Поспелов, автор статьи о наследии Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова¹³, в обзоре иллюстративного материала на тему «Слова» демонстрировал диапозитивы с листов книги, оформленной и иллюстрированной

⁸ *Цветаева М. И.* Наталья Гончарова // Воля России. Прага. 1929. № 8—9. С. 120. Ср. сокращенное переиздание: Ruski arhiv. Beograd, 1929. Ср. перепечатку полного текста: *Цветаева Марина.* Избранная проза. 1917—1937: В 2 т. New York, 1979. Т. 1. С. 283—340 (приведенная цитата на с. 338). Пользуюсь случаем выразить благодарность Ю. В. Герасимовой за ценные библиографические справки о творчестве Н. С. Гончаровой.

⁹ *Цветаева М. И.* Наталья Гончарова. Жизнь и творчество // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 144—201 (приведенная цитата на с. 199—200).

¹⁰ М., 1969. Т. 10. Кн. 2.

¹¹ Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах / Сост. О. А. Пини. Л., 1958. С. 178.

¹² Например, обложка книги воспроизведена С. С. Бычковым в «Литературном обозрении» (1985. № 11. С. 92); цветная репродукция разворота листов (с. 24—25 оригинала) помещена Ю. Селиверстовым в «Детской литературе» (1985. № 9. С. 21); семь репродукций (по оригиналу с. 13, 14, 20, 30, 38, 39, и 44) сопровождают статью С. Кайдаш в «Науке и религии» (1986. № 3. С. 22—27) и т. д. Три иллюстрации воспроизведены на вклейках юбилейного выпуска «Альманах библиофила» (М., 1986. Вып. 21, полосы 5 и 6); здесь одна иллюстрация перевернута слева направо, подписи произвольны, ошибочна дата (1924 г. вместо 1923 г.).

¹³ *Поспелов Г. Г.* Наследие Гончаровой и Ларионова // Наше наследие. 1990. № 1 (13). С. 152—155, с илл.

Н. С. Гончаровой. Так графический цикл художницы более чем через 60 лет после создания стал наконец привлекать внимание в России. Впрочем, и западные биографы Н. С. Гончаровой сравнительно недавно обратились к мюнхенскому изданию «Слова о полку Игореве»¹⁴, что легко объяснить вслед за Е. Эганбюри большей известностью мастера как театрального художника, автора эскизов декораций и костюмов к спектаклям «Русских сезонов» в Париже¹⁵.

Мы не располагаем сведениями, каким образом Н. С. Гончарова получила заказ на иллюстрирование немецкого перевода «Слова о полку Игореве»¹⁶. Можно предположить, что переводчик А. Лютер (он родился в России, в Орле, жил и в Москве) после переезда в Германию поддерживал контакты с русскими, осевшими в Париже. Живший в детстве также в Орле писатель Жозеф Кессель в 1926 г. издал в Париже свой рассказ «Le thé du capitaine Sokub» с иллюстрациями Н. С. Гончаровой¹⁷. В русской среде Парижа постоянно встречались художники, переводчики, поэты. Валентин Парнах, например, написал вступление к подборке репродукций театральных работ И. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова¹⁸, а в парижских сборниках стихов (в мягких тетрадках) он неизменно посвящал свои произведения

¹⁴ Характеристику цикла (технику, колорит, ряд аналогий) находим в работах М. Шамот, в частности в ее монографии: *Chamot Mary. Gontcharova. Stage Designs and Paintings.* London, 1979. Упоминаются иллюстрации Н. С. Гончаровой к «Слову о полку Игореве» и в словаре Фоллмера: *Vollmer H. Allgemeines Lexicon der Bildenden Kunstler des XX. Jahrhunderts.* Leipzig, 1955. Bd. 2. S. 272. Воспроизведение двух иллюстраций к «Слову» (разворот на с. 18–19 издания 1923 г.) находим в статье Н. Гурьяновой в сборнике: *Defining Russian Graphic Arts: From Diagilev to Stalin (1898–1934)* / Ed. by Alla Rosenfeld. Rutgers, The State University, 1999. P. 109. Fig. 108.

¹⁵ Эта часть художественного наследия Н. С. Гончаровой, пожалуй, более всего известна в России, поскольку сохранились эскизы в театральных музеях Москвы, Санкт-Петербурга. См.: *Пожарская М. Н.* 1) Русское театрально-декорационное искусство конца XIX — начала XX века. М., 1970; 2) Русские сезоны в Париже. Эскизы декораций и костюмов 1908—1929. М., 1988; Москва-Париж. 1900—1930. М., 1981. Т. 1. С. 356; Т. 2, илл. Отзыв Е. Эганбюри см. в журнале «Жар-птица» (Берлин. 1922. № 6. С. 39–40).

¹⁶ Этот вопрос не проясняется и при обращении к ценной подборке документов: *Gontcharova et Larionov. Cinquante ans a Saint Germain-des Prés. Temoignages et documents recueillis et présentés par Tatiana Loguine.* Paris, 1971. Не касается этих обстоятельств и переводчик, оставивший восторженный отзыв об оформлении Н. С. Гончаровой (*Лютер А.* Немецкие иллюстраторы русских авторов // *Временник Общества друзей русской книги.* Париж, 1932. Вып. 3. С. 20–21.).

¹⁷ *Oeuvres de Joseph Kessel* // *Biblio.* 1959. Octobre. P. 12.

¹⁸ *Parnack Valentin. L'art decoratif théâtral moderne.* Paris, 1919.

художникам, артистам и поэтам из России: Александру Блоку, Ладю Гудиашвили, Осипу Мандельштаму, Всеволоду Мейерхольду, Георгию Евангулову, Михаилу Ларионову, Наталии Гончаровой и др. В свою очередь иллюстрирование этих поэтических сборников охотно выполняли и М. Ф. Ларионов (V. Parnak. *Le Quai / Набережная*. Paris, 1919)¹⁹ и Н. С. Гончарова (В. Парнах. Самум. Париж, 1919)²⁰, а иногда оба вместе (V. Parnak. *Mot dinamo / Словодвиг*. Paris, 1920)²¹. В сборник В. Парнаха «Карабкается акробат» (Париж, 1922)²² вклеен графический портрет поэта работы П. Пикассо, воспроизведен и рисунок Л. Гудиашвили и др. Эти тонкие книжки отчасти напоминают издания русских футуристов 1910-х гг.: текст в них писан литографским карандашом, сходен и формат. Но изображений здесь немного, они даны на вклейках, чем нарушается связь слова и образа. Среди стихов В. Парнаха, посвященных русской художнице, отметим «К «Испанкам» Наталии Гончаровой» (Самум, 1919)²³, а также навеянные образами византийских мозаик XII в. в Сицилии — «Палермо», «Пальмы и павлины»²⁴. Поэт как будто уловил родство декоративного дарования Гончаровой и монументальной стенной росписи средневековья. Иллюстрации Н. С. Гончаровой к этому сборнику — всего три цветные литографии на вклейках — размещены вне связи с текстом: стихотворение «Estrando primog / К «Испанкам» Наталии Гончаровой» читается на с. 39, а литография на испанский мотив вклеена к с. 1–2; о «Пальмах и павлинах» читаем на с. 26 и след., а композиция с листьями пальм расположена между с. 16–17 и т. д. К сборнику В. Парнаха «Le quai / Набережная» М. Ф. Ларионов выполнил всего две литографии — обложку и спинку обложки, на которых как будто запечатлел себя и Н. С. Гончарову: им обоим поэт посвятил здесь последнее двучастное стихотворение «Неаполитанская набережная». Если это предположение верно, перед нами облик художницы, которая вот-вот приступит к работе над иллюстрациями «Сказки о царе Салтане», а затем и к «Слову о полку Игореве». «Сказка о царе Салтане» в прозаическом переводе Клода Анет на французский язык была издана в Париже в

¹⁹ Нами привлекался экземпляр РНБ под шифром 20.38.9.317

²⁰ Нами привлекался экземпляр ИРЛИ под шифром 26 7/45, в котором на с. 1 об. читается: «Пушкинскому Дому при Российской Академии наук от автора рисунков. Н. Гончарова. 17 д. 1922. Париж».

²¹ В библиотеках Санкт-Петербурга это издание нам не встретилось.

²² Нами привлекался экземпляр РНБ под шифром 24, 214 с подписью чернилами: «Марии Федоровне Андреевой с почтительной преданностью. Автор. 1922. Berlin».

²³ Две репродукции «Испанок» (1915 и 1927 гг.) сопровождали и первую публикацию работы М. И. Цветаевой «Наталья Гончарова (жизнь и творчество)»: Воля России. Прага, 1929. Т. 5–6, вкл. к с. 36–37 и 44–45.

²⁴ *Парнах В.* Самум. Париж, 1919. С. 39, 42–43 и др.

1921 г. (издательство «La Sirène») в количестве 599 пронумерованных экземпляров, различавшихся по качеству бумаги (японской и веленовой) и по художественному оформлению: в первые 10 экземпляров включено по одной авторской акварели; остальной тираж был отпечатан с черно-белыми иллюстрациями и обрамлениями французского наборного текста.

Авторский корректурный экземпляр «Сказки о царе Салтане», выполненный художницей от руки в технике акварели, был подарен ею Пушкинскому Дому. На обороте 1-го листа синими чернилами вписано: «Пушкинскому дому Российской / Академии Наук / Н. Гончарова. / Париж. / 16 д. 1922». На л. 2 на верхнем поле над декоративным шмуцтитолом читается: «Этот экземпляр, предназначенный для Пушкинского дома при Российской Академии Наук, просмотрен автором иллюстраций» (далее на поле справа) «Н. Гончарова / 16 декабря / 1922 года / Париж».

Вскоре после «Сказки о царе Салтане» художница приступает к оформлению спектакля на музыку И. Ф. Стравинского «Свадебка» (это были хореографические сцены с пением) сезона 1923 г. И в том же 1923 г. в Мюнхене выходит в свет «Слово о полку Игореве» с ее иллюстрациями. В это время по всей Европе издавалось немало русских книг.

Книга «Die Mär von der Heerfahrt Igors» — в твердом белом картонном переплете форматом 27×18,3 см. Обложка, корешок и общее графическое оформление книги отличаются единством замысла и исполнения, что позволяет считать макет авторским — Н. С. Гончаровой. Весьма возможно, что выбор готического шрифта для наборного текста перевода, для заглавия на обложке и на титульных листах также принадлежит художнице. Во всяком случае готический шрифт сразу настраивал читателя книги на определенный лад, обращая его к средневековью, и это следует отнести к находчивости оформителя. На белом фоне обложки под заглавием представлена группа воинов-всадников в остроконечных шлемах и кольчугах; навершия шлемов двух князей украшены слегка развевающимися стягами-прапорами; за спиной каждого торчит лук, у бедра колчан со стрелами. Впереди всех князь Игорь, натягивающий поводья, он чутко прислушивается к чему-то, полуобернувшись назад. А тем временем справа, в поднебесье, застилается тьмою — крылами птиц — солнце. Вся эта компактная группа очерчена скупым и вместе плавным контуром; на белом фоне выделяются цветовые пятна: светло-желтые (лики и руки), серые (шлемы и кольчуги), а также сильно контрастирующие с желтыми лиловые (шлем, рубаха, сапоги Игоря, его конь, одна из птиц, короткие лучи солнца, стяги-прапоры на шлемах) и зеленые (порты Игоря, трава). Форзацы книги киноварно-красные, без изображений. Затем следует несколько титульных листов: с наборным заглавием в верхней

части листа, с наборным распространенным заглавием и выходными данными — в геометризованной двойной рамке-заставке из ломкой ленты и мелких листков (гамма: лилово-желтый, голубой и черный); заглавие, составленное из крупных фигурных и черных готических букв (с. I) D, M, H, I — антропоморфные, а строчные t и s — изобразительные; все они — в красках. Эти инициалы художница связала с сюжетом «Слова о полку Игореве»: D — старец с белой бородой, с сомкнутыми веками, перебирающий струны музыкального инструмента, прижатого к груди; его сутулый стан охвачен зеленой рясой; на ногах (одна на другой) лиловые остроконечные башмаки. M — в виде четы в профиль, геральдически расположенной: воин в кольчуге и шлеме и его дама, в рукопожатии сблизив головы над концом длинного шарфа, — он служит средником буквы M. Букву H образует фигура кричащего всадника, почти касающегося обнаженным коротким мечом воина из четы, — он изображен в резком повороте назад. I — пеший воин, также в шлеме и кольчуге, тоже с поднятым вверх мечом; он склоняется вправо, как раненый или плененный. Буква t справа напоминает узкий меч, а s в правом углу — ломкий серпантин. Все вместе составляет мир «Слова» — от слепого певца Баяна к военному походу и к лирической теме героя-князя. Обличье, позы и жесты персонажей напоминают миниатюры западноевропейских рукописных книг. Из всех листов, украшенных Н. С. Гончаровой в данном издании «Слова», этот самый «готический», западнический: женский образ из буквы M не оставляет сомнения в его источниках. Нам представляется, что для читателя-европейца это был выразительный знак или сигнал, сообщающий с первых страниц, о чем и о ком повествуется в этом средневековом произведении. После такой экспозиции следует еще один лист — с. II — чисто декоративный. Здесь сообщается строкой наборного текста: *Illustrationen von Natalia Gontcharova*, причем эта строка буквально вплетена в декоративное поле, составленное из ломких планок (коричневых, серых, желтых и лиловых), сквозь которые пролезают, изгибаясь, лисы с пышными хвостами, острыми мордочками и миндалевидными глазами. Динамичные фигурки лис очерчены тонким контуром, они не раскрашены, только желтым или голубым пятном выделен кончик хвоста в виде «султана».

Когда, наконец, начинается текст «Слова» (с. III), читателя ожидает заставка с уже знакомым образом слепого Баяна. Скупыми средствами Н. С. Гончарова создает образ певца-сказителя: из переплетающихся конструкций (планок, лент, угольных и кубических форм) выступает профильная голова слепого старца с раскрытыми устами и с руками на струнах.

Наличие на последующих страницах заставок и концовок указывает на сознательное деление текста «Слова», которое, скорее всего, было согласовано переводчиком и художницей.

Разбивка текста «Слова» на эпизоды и звенья известна на всем протяжении истории его изучения, переводов, публикаций и иллюстрирования. Н. С. Гончарова избрала такой путь: некоторыми мелкомаштабными изображениями она только дополнила полосы наборного текста, другими же заняла целые полосы, в том числе и на разворотах страниц. В пяти случаях концовка и заставка расположены на развороте листов (с. IV–V, XXVI–XXVII, XXXII–XXXIII, XL–XLI, XLVI–XLVII), трижды заставка сочетается с полосной иллюстрацией на развороте (с. XII–XIII, XVIII–XIX, XXXVI–XXXVII), также три раза концовки (на с. XI, XVII, XXIII) соседствуют с полосой наборного текста. К этому следует добавить изначальную заставку с Баяном и заключительную орнаментальную концовку (с. XLVIII).

Полосные иллюстрации у Н. С. Гончаровой занимают пять полных разворотов, перед каждым из них находится декоративный лист на целую полосу. Учитывая, что текст оригинала «Слова» сравнительно невелик по объему, можно признать иллюстративно-образительный ряд, созданный Н. С. Гончаровой, щедрым и обильным, так он просторен. В сущности здесь отражена не только и не столько сюжетная сторона литературного произведения. Гораздо больше внимания уделено образной системе «Слова» с ее обращением к силам природы от небесных светил и стихий до мира диких и хищных зверей и пернатых с присущим им многообразием. В этом богатом окружении чрезвычайно интересно трактованы люди: они сильные, крупноголовые, с большими крепкими ногами и руками. Воины натягивают поводья норовистых сильных коней, стреляют из лука (с. XII, XIV), заносят меч над противником в жестокой схватке (с. XVII); их мускулистые ноги резко согнуты в коленях, цепкие пальцы сжимают оружие, из раскрытых ртов готов вырваться крик (с. XX), на лицах гримаса боли, напряжения (как, например, в Плаче Ярославны, см. с. XXXIX). Художница показывает тех же людей дружелюбными и спокойными (см. разворот на с. VIII–IX), пока еще не начался бой или когда кем-то овладевает сон (см. заставку на с. XXVII), а то и вечный покой (с. XXIII). Напротив, у представителей фауны при беззаботном состоянии видим максимум резвости и подвижности (лисицы, белки, птицы, рыбы), в то время как в опасной позиции хищники приобретают зловещую статичность (ср. волчья пасть, сцепленные мертвой хваткой, на с. XXXIII).

В иллюстрациях Н. С. Гончаровой нет подробной повествовательности, хотя связь с текстом не вызывает сомнения. Художница рассчитывает на чисто образительный эффект, не прибегая к пояснениям в виде подписей или цитат на полях. Каждый лист она помечает своим именем: в правом нижнем углу читается «NG» или «N. Gontcharova» (то же самое в иллюстрациях к книжкам стихов В. Парнаха, в «Сказке о царе Салтане»).

Проникновение художницы в глубинный смысл «Слова о полку Игореве» обнаруживают прежде всего композиции «космического» характера с мотивом затмеваемого солнца с короткими и длинными лучами. Не приходится объяснять интерес к этому мотиву только верностью «лучизму», который Н. С. Гончарова исповедовала на протяжении ряда лет вместе с М. Ф. Ларионовым. Солнце фигурирует и на обложке и в заставке на с. V и в полосной иллюстрации на с. XIII. В последнем случае солнце сочетается с кометой, пышный хвост которой расцвечен по трем уровням (именно этот лист вызвал в свое время непонимание и неодобрение со стороны Н. П. Жинкина). Нам представляется, что художница уловила здесь пространственную широту повествования и вместе с тем показала затмение как дурную примету, недоброе предзнаменование его героям. На с. XXXVI еще одна заставка, где солнце застигает птица (лучи и оперение создают общий ритм).

Заставка с перекрещенными мечами и летящими навстречу друг другу стрелами, в которой видны только руки, сжимающие рукояти мечей, передает силу противостояния и напряженную борьбу, сопровождавшую поход Игоря на половцев (с. XVIII). Трудно сказать, какая иллюстрация здесь более выразительна: эта ли лаконичная заставка или сюжетное изображение на развороте с. XX–XXI, где показан рукопашный бой и пленение Игоря.

Высокая образность в иллюстрациях Н. С. Гончаровой достигается отнюдь не за счет этнографических деталей, чего можно было ожидать от театрального художника. Напротив, в иллюстрациях встречаются анахронизмы, как, например, архитектурные формы в декоративных листах (с. VII; XXXVIII), далекие от домонгольской поры, но верно передающие характер русского каменного средневекового зодчества (то же и на с. XI, XXXVIII, XXXIX, где зубцы крепостной стены в виде ласточкиных хвостов). Столь же спорно включение меха горносталя в одежду княгини, но зато как легко отличить жену героя в группе персонажей (на с. VIII)!

Обращение художницы к реалиям русской культуры особенно плодотворно, когда воплощается образ отвлеченный, поэтический, полный глубокого смысла. Так, например, Дева Обида на с. XXIV сродни берегиням на досках корабельной рези, которые украшали прибрежные волжские деревянные дома. В народных традициях выполнен Шестокрылец, подобный фантастическим птицам из орнаментального шитья на концах полотенец. Мотивы птиц встречаются много раз.

Но не только русские источники могли питать воображение Н. С. Гончаровой, когда она приступала к иллюстрированию «Слова о полку Игореве». Нам представляется, что она опиралась также и на художественный опыт французских инкунабул. Своеобразному колориту иллюстраций художницы находим соответствие в гравюрах

на дереве из «Мелюзины» Жана д'Арраса, изданных в Лионе в 1490 г. Здесь те же локальные цвета: желтый, зеленый, фиолетовый, лиловый²⁵. Мало того, здесь столь же крупномасштабные фигуры на белом поле гравюр. Если сравним обложку «Слова» Н. С. Гончаровой и одну из сцен «Мелюзины» с двумя всадниками (над ними восемь звезд и луна), заметим сходство в строении композиции, в поступи коней, в расположении небесного светила и кустистых трав. Возможно также, что на размещение двух полосных иллюстраций на развороте (например, в сценах выступления дружины Игоря в поход с. XIV–XV) также повлияли народные цельногравированные книжки XV в. Только Н. С. Гончарова избегает, явно сознательно, надписей или подписей к ним, в отличие от средневековой традиции.

Декоративный вкус художницы позволил украсить книгу полурастительным-полугеометрическим орнаментом, рисунок которого повторяется на нескольких листах (ср. рис. на с. IV–V и рис. на с. XLVII). Не менее примечателен разворот с изображением зверей и птиц (с. XLIV–XLV), как уже упоминалось.

Устойчивое увлечение Н. С. Гончаровой мотивами узких геометризованных лент с отростками в сочетании с гибкими фигурками зверьков или птиц не случайно. Его источники — в образцах зверино-ленточного орнамента, характерного для ирландского и дороманского искусства VIII в. (ср. Евангелие из Дарроу, Евангелие из Келси)²⁶. Обращение Н. С. Гончаровой к ранне-европейскому опыту книжной графики свидетельствует о глубоком проникновении художницы в эпическую природу «Слова о полку Игореве», потребовавшую применить суровый язык варварского стиля.

В чем же своеобразие иллюстраций Н. С. Гончаровой к «Слову о полку Игореве»? Отвечая на этот вопрос, следует признать их глубокую оригинальность, чему не противоречит и это обращение к образам народного искусства, к традициям средневековой орнаментики и книжной гравюры и т. п. Независимость Н. С. Гончаровой от повествовательного, иногда буквального иллюстрирования, подобного литографиям М. А. Зичи, И. А. Шарлеманя и других, особенно заметна в игнорировании сентиментальных, нередко театральных сцен типа прощания Игоря с Ярославной перед походом или встречи князя после побега из половецкого плена и т. д. В этом смысле совершенно нетрадиционно представлен Плач Ярославны (с. XXXIX). Княгиня в

²⁵ Нами привлекались цветные репродукции из книги: *Ponomarenko Lisa et Rossel Andre. La gravure sur bois a travers 69 incunables et 434 gravures.* Paris, 1970. № 180–195.

²⁶ *Henry F. Irish Art in the early Christian period.* London, 1965. *Анри де Моран. История декоративно-прикладного искусства от древнейших времен до наших дней.* М., 1982. С. 259–261.

восточном узорочье, так принятом в домонгольской Руси, — это воплощенная тоска. Облик ее суров и отчасти мужеподобен. Недаром М. И. Цветаева комментировала этот лист следующим образом: «Сидит гора. В горе — дыра: рот. Из рта вопль: а-а-а... Этим же ртом, только переставленным на о (вечно о славословии), славлю Гончарову за Игоря»²⁷.

И хотя архитектурное окружение здесь явно ближе к эпохе казанских походов Ивана Грозного, мы верим искренности горя княгини, обреченно сидящей на верхнем бое крепостной стены, ощущаем ее одиночество и ожидание вестей о муже. И верим художнице, которая умело наделяет своих героев то «величавой статикой, как в деревянной скульптуре»²⁸, то экстатической динамикой.

Чем же объяснить, что Н. С. Гончарова, приславшая в Пушкинский Дом в 1922 г. иллюстрированные ею книги, не нашла возможным адресовать туда же и «Слово о полку Игореве», выпущенное годом позднее? Едва ли настолько резко изменилась тогда общая ситуация. Дело, скорее всего, в том, что до 1932 г. в Пушкинском Доме еще не было систематических занятий древнерусской литературой²⁹. Вот почему, по-видимому, художнице не пришло в голову направить (вслед за «Сказкой о царе Салтане» и сборником стихов В. Парнаха, поэмой А. Блока «Двенадцать») свою новую оригинальную работу в области книжной иллюстрации, отчего она осталась почти неизвестной или незаслуженно забытой на долгие десятилетия.

²⁷ *Цветаева М. И.* Наталья Гончарова. Жизнь и творчество. С. 199—200.

²⁸ Определение Н. Гурьяновой (Военные графические циклы Н. Гончаровой и О. Розановой // *Панорама искусств.* М., 1989. Вып. 12. С. 63—88).

²⁹ *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.). К 55-летию Отдела // *ТОДРЛ.* Л., 1989. Т. 42. С. 3—52.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ НАТАЛЬИ ГОНЧАРОВОЙ

Впервые опубликовал иллюстрации Гончаровой в своем издании «Слова о полку Игореве», переведенном им на немецкий язык, Артур Лютер, известный русист, в совершенстве владевший русским и немецким языком. В прошлом приват-доцент Московского университета, за десять лет до того он опубликовал в Москве в своем переводе на русский язык замечательный роман Фридриха-Максимилиана Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад». Клингер был директором Первого Кадетского корпуса в Петербурге, другом В. А. Жуковского, автором пьесы «Буря и натиск» («Sturm und Drang»), давшей название всему немецкому сентиментализму. В стремлении приблизить Россию к Германии, а Германию к России Артур Лютер делает существенный вклад в свой благородный замысел и теперь, спустя пять лет после окончания Первой мировой войны. Ничего не известно об обстоятельствах договора А. Лютера с Н. Гончаровой относительно художественного оформления «Слова». Можно лишь предположить, что он был пленен ее акварельными иллюстрациями к сказке Пушкина о царе Салтане, вышедшей по-французски в 1921 г. в Париже, и предоставил художнице *carte blanche*.

Известно, что Гончарова обычно не соглашалась быть иллюстратором — в общепринятом смысле слова. Погружаясь в произведение, она вступала в продуктивное общение с автором текста, не споря, но дополняя его мысль. Во многих рисунках, которыми Наталья Гончарова проиллюстрировала «Слово», ярко выявляется эта особенность ее творческого почерка, особенно в решении шмуцтитута и знаменательного разворота страниц XXXVIII — XXXIX — изобразительной кульминации песни.

* * *

Титульный лист (с. I) со стилизованными под средневековые буквицами и фигурами говорит о том, что Гончарова замыслила включить «Слово» в единую семью сказаний Европы. Ровесником русской песни были немецкие «Нибелунги», которые могли бы претендовать на эту же заставку.

Храбр — витязь — рыцарь Востока и Запада Европы исповедовали одинаковые догматы, в основе которых лежал индивидуальный подвиг, безрассудная отвага, и об этом подвиге поет под звуки гуслей-арфлютни бродячий певец. У Гончаровой его изображение сливается с латинской буквицей D. Он изогнул свое тело в изысканной позе,

закинув ногу на ногу, его глаза закрыты, рот широко раскрыт, он весь отдался своему творению, *«летая умомъ подъ облакъ»*.

Шмуцтитул — своеобразный изобразительный пролог ко всему «Слову». Поэтому рисунок представляет обобщенную картину всей песни и отмечает участие в ее издании художницы — вверху надпись: «Иллюстрации Натальи Гончаровой». Пространство листа заполнено то ли мечами, то ли палицами, чьи темные контуры разрезают землю, с ее спутанными жесткими листьями. Здесь нет пути, здесь скрестившиеся стволы образуют ловушки. Душная и безысходная обреченность окружает хитрых лис, которые представлены на одном рисунке, но действуют не одновременно. Вверху — две лисы. Первая — верхняя правая — настороженно следит за приближением второй; внизу картинки — они же. Но когда вторая взяла верх, как ей кажется, над противником, гордо подняла голову, первая со спины впивается ей в холку, стремясь перекусить хребет. Удастся ли ей это? — Об этом написана история похода князя Игоря: он устремился в дикую степь на половцев; одолел их в первом бою и возгордился. Между тем главные силы кочевников тут-то и подошли и в долгой битве осилили русских, большинство которых погибло, но плененный князь Игорь бежит. Он не покорился, и за ним возможное победное будущее.

III *«Боянь бо вещей»*.

Певец передан в том же ракурсе, что и на титуле в буквице, но крупнее, с различимыми чертами лица, с инструментом, подъятым вверх, словно в стремлении обнять. Скорее всего, старец должен представлять самого легендарного Бояна, а не неведомого автора «Слова», жившего в конце XII столетия.

IV *«Збися Дивъ, кличетъ врѣху дерева»*.

Недобрые знаки природы должны были остановить Игоря. Вещий Див напоминает змея-дракона общеевропейского эпоса

V *«Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты»*.

VI *«Трубы трубятъ в Новѣградѣ»*.

Художница нашла оригинальное решение, используя в зрительном ряду омоним слову «трубы»: над всеми трубами изображенных на рисунке домов Новгорода-Северского клубится дым.

VIII Проводы князей и дружины. В группе на первом плане со скрещенными руками представлена Ярославна, с нею рядом еще одна княгиня, за нею старый князь. Орнамент головных уборов обеих княгинь и платье одной из них украшено тем самым растительным орнаментом, который присутствует в ряде иллюстраций. Одеяния Ярославны и старого князя оторочены горностаем — традиционным символом княжеского достоинства.

IX *«И рече ему буй тур Всеволодъ: “Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю!”»*

Встреча братьев-князей. (Старший их брат Олег погиб ранее).

XI *«Игорь к Дону вои ведетъ! Уже бо беды его насет птиць по дубию... орли клетом на кости звѣри зовуть».*

Замкнутое плетение из двух черных клювов и двух светлых, перекрышенных их крыльями и хвостами. Тугой узел грозящей воинам беды.

XII *«Съ зараня в пятокъ потопташа поганья плѣки половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю...»*

Два русича, первая схватка.

XIII *«Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуци ему грозою птичь убуди».*

XIV Выступление войск. Гончарова использует традиционный для архаики способ представления всадников и коней, минимизируя повторяющееся. Множество выступает в виде нескольких отчетливых голов переднего ряда. Это и люди, и кони. Затем лес копий и нескладное количество конских ног представляет, без всякой дифференциации, все войско. В этой же манере поход Игоря впервые представлен был в Радзивилловской летописи.

XV *«Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ поведають; чръныя тучя с моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а в нихъ трепещуть сиини мльнии. Быти грому великому!».*

Вошедшее солнце закрывают стаи кричащих птиц.

XVII *«Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ с моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы».*

Начало главного сражения.

XVIII *«Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли стѣяше».*

XIX *«Тогда, при Олзѣ Гориславличи стѣяшеса и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Даждѣбожа внука»*

XX–XXI *«Съ зараня до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя в полѣ незнаемъ, среди земли Половецкыи».*

XXIII *«ту пирь dokonчаша хабрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».*

XXIV *«А Игорева храброго пѣлку не крѣсити! За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли».*

Один из интереснейших рисунков. В песни называются подряд Карна и Жля. Имена этих символов горя стоят рядом. И художница

представила их с двуединым телом: тощая, поднявшаяся из земли и ее жестких степных трав Карна, вросшая от пояса вниз в завитки все тех же (что и на прежних рисунках) трав, напоминающих огрубленный лист аканта, оказывается (переворачиваем рисунок) чуть поднявшимся из земли чудищем, вероятно мужского пола, покрытым жесткими перьями и сверху зарослями, скрывающими это порождение неправды. Оно опирается локтями о землю, едва из нее высунувшись.

XXVI *«Ту Игорь князь высьдь изъ съдла злата, а в съдло кощиево».*

Скованный пленник склоняется то ли в молитве, то ли по необходимости из-за мучительной позы.

XXVII *«А Святъславъ мутен сонъ видъ в Киевъ на горахъ».*

XXXII *«Иньгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрылци!».*

Сокол-шестокрылец, символ победоносных князей прошлого, которые должны бы помочь Игорю.

XXXIII *«Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую».*

Так говорит князь Святослав. Волчья схватка — как символ княжеских раздоров.

XXXVI *«На Дунаи Ярославнынь гласъ ся слышитъ, зегзицею незнаема рано кычетъ: “Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви...”»*

Первое из четырех заклинаний-молений Ярославны, обращение к своей родине, лежащей далеко от Новгорода-Северского и Путивля, в придунайских землях ее отца. Она летит *«по Дунаеви»*, обернувшись зегзицею, чтобы получить там силу и после водой Каялы излечить Игоревы раны. Ей помогают «вещие женки» Дуная. Они известны Европе (см. «Песнь о Нибелунгах», авантюра XXV). Они же в конце песни приветствуют освобождение Игоря: *«Солнце свѣтитъся на небесь, Игорь князь въ Руской земли. Девици поют на Дунаи, вьются голоси через море до Киева».*

XXXVII Единственный рисунок Гончаровой, изобразившей воду, ее глубины. Они кишат жадными, голодными рыбами — всех оттенков и форм. Среди них просматривается голова и шея утонувшего коня. И всадник, князь Ростислав, и его конь давно погибли в злой реке Стугне, которая не дала им переплыть из устья этой реки в Днепр. Малая река была злобна — в отличие от доброго далекого Дуная и верного, дружественного князю Игорю Донца, с которым он по-свойски беседует.

XXXVIII *«Уныша бо градомъ забрали, а веселие пониче».*

Стены Путивля, его ворота закрыты.

XXXIX Между забралом и заборолом — двумя стенами города, — скрестив по-турецки ноги, сидит неведомого пола азиатской внешности, в глубокой неподвижной тоске усатый разукрашенный некто, очевидно Дух степей. Художница, хотя и обрамляет рот (как и на рис с. XXI) черным окаёмом пробивающихся усов, хотя и рисует узкие неженские бедра, согнутые при турецкой посадке, но искусно укрывает место груди и подчеркивает красоту женственных (как всегда у Гончаровой крупных) рук. Это двуполое существо с раскосыми глазами собственно представляет буддийский покой, странно вторгнувшийся в преддверие православного города с его застенной церковью. Азиатский мир, Гзак, Кончак, не привлекут внимание художницы, и лица с раскосыми глазами видны будут только на картинах жестокой схватки, между голов русичей в их шлемах. Но весь степной мир, столетиями тревоживший Киевскую Русь предстает в полноте странного существа, изукрашенного и аксамитовым полуплащом, и сложным головным убором, словно проросшим степными жесткими травами, и туфлями на каблуке. К стенам крещеной Руси подходит степь — с ее холодным взором, устремленным вдаль.

XL С этой заставки, где травы перевивают разломанное оружие, начинается последняя, радостная тема «Слова». Травы эти — лейтмотив песни. Они обнаруживаются на 17 из 37 рисунков, усиливая тот или иной оттенок сюжета, окруженного этим лиственно-травянистым орнаментом.

XLI *«Игорь соколомъ полеть, тогда Влурь влькомъ потече, труся собою студеную росу».*

XLIII Девственные леса по берегу Донца. Царство белок и птиц. Дебри, гостеприимно принявшие двух беглецов. Сравнительно малый объем текста вызывает у Гончаровой к жизни несколько вариаций одного сюжета о волке и соколе — Овлуре и Игоре .

XLIV–XLV Князь Игорь *«бусымъ влькомъ... потече къ лугу Донца и полеть соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и объду, и ужинть».*

XLVI Заставка, финал сюжетной части: Игорь во образе сокола *«к гнъзду летить».*

XLVII–XLVIII Две заставки одного смысла: орудия войны оплетены теми же буйными травами, но травы процвели цветами, их побеги тянутся ввысь, увенчивая слова поэта: «Княземъ слава а дружинъ! Аминь».

Н. К. Телетова

В. В. Набоков

Слово о полку Игореве. Перевод и комментарий / Илл. Н. С. Гончаровой. Вступ. статья и сост. В. П. Старка, перевод с английского и статья Н. М. Жутовской, статья О. А. Белобровой, аннотированный указатель к иллюстрациям Н. К. Телетовой. — СПб.: Академический проект, 2004 — 136 с., ил.

Впервые русскоязычный читатель знакомится с подготовленным Владимиром Набоковым изданием великого памятника древнерусской словесности. Свой перевод памятника Набоков снабдил предисловием и комментарием, в которых предстает перед читателем как исследователь с оригинальным подходом к бессмертному творению безвестного автора. С историей создания этого уникального труда знакомит статья В. П. Старка, подготовившего издание. Своеобразие набоковского перевода посвящена статья Н. М. Жутовской, осуществившей перевод предисловия и комментария на русский язык. Наряду с английским текстом набоковского перевода печатается также древнерусский текст «Слова» в реконструкции Д. С. Лихачева с иллюстрациями Натальи Гончаровой, впервые в полном составе воспроизводимыми с раритетного немецкого издания 1923 г. Этим иллюстрациям посвящена статья О. А. Белобровой и указатель Н. К. Телетовой, связывающий иллюстрации с текстом «Слова».

Переплет *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Верстка *А. М. Кокушкин*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. п. л. 12. Уч. изд. л. 6,1.
Тираж 3000 экз. Первый завод 1000 экз. Заказ № 224.

Гуманитарное агентство «Академический проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 26

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «Бионт»»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

**ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»**

